

№ 9
2011

КАЗАХСТАНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

НИВА

Журнал — лауреат высшей общенациональной премии
Академии журналистики Казахстана за 2007 год

Главный редактор В. Р. ГУНДАРЕВ

Редакционный совет:

Р. К. БЕГЕМБЕТОВА (зам. главного редактора), **Б. М. КАНАПЬЯНОВ**
(г. Алматы), **Г. К. КУДАЙБЕРГЕНОВ**, (г. Астана), **А. Ю. КУРЛЕНЯ**
(г. Петропавловск), **Р. Ю. МАХАТАДЗЕ** (г. Караганда),
Ю. Д. ПОМИНОВ (г. Павлодар), **В. И. РЫЖКОВ** (г. Караганда),
Т. И. СЫЗДЫКОВ (г. Кокшетау), **А. Ю. ТАРАКОВ** (г. Астана),
И. Б. ТЕТЕРИНА (г. Астана), **В. В. ШУПЕЙКИН** (г. Алматы),
Л. Ю. ЮРКОВА (г. Усть-Каменогорск).

В номере:

Поэзия

Б. Канапьянов. «Только вечны любовь да свобода...». *Стихи* 3
С. Мнацаканян. «Дышать землёй и небесами...». *Стихи* 36
В. Гундарев. «Я буду жить до самой смерти...». *Стихи* 69

Проза

Б. Канапьянов. Уроки старых мастеров (Памяти Чингиза Айтматова).
Эссе 15
Ф. Фатин. «Ватные» рассказы 47
Л. Мартынова. Валечка; Наши цветы отцвели 79

Поэтический венок

Ж. Нуркенов. «Крылья песни моей...». *Стихи* 81

Культура. Общество. Личность

Т. Фроловская. Поэт (Бахытжан Канапьянов) 87
«Пилоту» — высокого полёта! 159

Документальная проза

Ю. Поминов. Хроника смутного времени.
Записки редактора. Книга третья (продолжение) 110

История без купюр

О. Григорьева. «Голос свободного человека...» 138

О. Адамова-Слиозберг. *Стихи, главы из книги «Путь»* 140

Н. Коржавин. Осень в Караганде. *Стихи* 153

Критика и литературоведение

Н. Мельникова. Фантастические блики «Утреннего света» 155

В семейном кругу

С. Жагипаров. Семилетний «переводчик»; Мальчик и жеребёнок;
Свой и чужой монастырь. 160

Параллели и меридианы

А. Егоров. Письма из Греции (*продолжение*) 168

Приключения. Детектив. Фантастика

С. Криворотов. Муха времён начала перестройки. 181

Сатира и юмор

А. Лопатин. Необыкновенная поездка. *Рассказ* 188

Изоальбом «Нивы»: из фоторабот Бахытжана Канапьянова.

К сведению читателей

В июне 2011 года сайты нашего журнала www.niva-kz.narod.ru и www.niva.ucoz.kz посетили две с половиной тысячи читателей из 12 стран. Полторы тысячи из них — жители Казахстана, около тысячи — россияне. Остальные представляют Германию, США, Украину, Исландию, Польшу, Белоруссию, Канаду, Болгарию, Чехию, Армению.

Бахытжан КАНАПЬЯНОВ

*“Только вечны
любовь да свобода...”*

Алма-Атинский блюз

I

Мерно стучит по рельсам трамвай,
последний, быть может, последний,
в парке уснёт он, дугу опустив,
шелестящие шины одиноких машин,
шорох листьев, опавших с угрюмых деревьев,
шаги по аллее случайных прохожих,
журчанье арыка,
летучая мышь над арыком мелькнула,
исчезла среди ветвей карагача,
псиная,
что лаешь всю ночь,
цепь оборви и через город
с оборванной цепью ко мне поспеши
и сядь у края расшатанного дивана,
полицейский патруль,
все преступники спят,
мотор заглушите,
сигареты в молчании закурите,
город мой спит,
горы давно погрузили ущелья,
урочища в сон,
только вот ледники в лунном покоятся свете.

II

Ехать и ехать без оглядки назад,
чуть прикрыв глаза,
слушать и слушать эту музыку
в исполнении Луи Армстронга
или Брубека, а быть может, Алексея Козлова,
Ехать, чтобы «дворники» смывали на миг
пелену дождя, открывая
перспективу шоссе,
Ехать, чтобы шелест мокрых шин
сливался с попури известных
и неизвестных мелодий,

Ехать, чтобы мысли остались там,
 позади, за спиной,
 Ехать, чтобы не кончалась эта музыка,
 тягучая и согревающая,
 как кофе
 в дождливую ночь
 в маленьком кафе на углу родных улиц,
 Ехать, чтобы огонёк сигареты
 отражался в смотровом окне машины,
 освещающая лицо на фоне дождя,
 Ехать, чтобы каждый километр уводил
 всё дальше, и дальше, и дальше.
 Зелёная волна.
 Нет красного света.
 Ехать, чтобы ехать...

III

Ночь,
 шурша звёздами, спускается с гор,
 серьгами фонарей по улицам танцует,
 фонтанами смеётся на площадях.
 Манекены с витрин магазинов
 поглядывают друг на друга,
 словно ходят потихоньку уйти
 и чтобы никто не мешал до утра,
 на перекрёстке кашель и мерцанье папирос,
 луна,
 ты на верхушке тополя застыла
 смуглая и полнотелая,
 огни реклам в объятиях листвы,
 плачет скрипка или, может быть, скрипач,
 сгибаясь под тяжестью печали,
 или музыку смычок уводит в плач,
 ночь утирает слёзы шалью,
 промолвишь слово и слово промолчишь,
 скрипач, играя, сам молчит,
 звук, руку облекая, вновь звучит,
 это клавиши лунного плена,
 минорная ночь мимо окон не прочь
 тенью мелькнуть Шопена.

IV

... дождь в ночь, ночь сквозь дождь,
 подъезды — рты жуют зонты,
 мешки — балконы под глазами окон,
 дом в бессоннице,
 краснеет
 воспалённым оком лифт,
 лифт
 в виде гроба вертикального.

Нажимаю кнопку “Вызов”
И войти в него боюсь.
А водосточная труба,
Как саксофон
В губах карниза,
Почти по-маяковскому
Играет блюз.

***

Днём не слышно горной речки,
По ночам она слышна,
И её послушать речи
Смуглая плывёт луна.

Речка у ветвистой ели
Расплескала лунный свет..
А к утру вблизи ущелья
Ни луны, ни эха нет.

***

Памяти Федерико Г. Лорки

Проступает роса на камне,
Как слёзы ночной любви.
Проступает роса на камне
Промытой души в крови.
Проступает роса на камне
После ушедшей волны.
Проступает роса на камне,
На камне в час тишины.
Проступает роса на камне,
Как обычно,
К рассвету, к утру.
Проступает роса на камне..
*Тише,
Когда умру.*

***

Граждане ночных кварталов
Безучастны,
Как тени города.
Художник,
Отвлекись от мольберта,
Чтобы стать ближе к ним
По пламени зажигалки
И мерцанию сигарет.

Фонарщик

Городских огней хранитель,
Невидим он
Среди ночных прохожих.
И только накануне
Предрассветных сумерек
Гасит неизменным колпачком

Волшебные огни,
 Что переходят
 В утренние сны
 Беспечных горожан.

***

Манускрипты бытия,
 Станок эпохи Гутенберга.
 Священнодействует печатник,
 Не ведая,
 Что образ его
 Проступит между строк эпохи.

Дело в шляпе

Широкополая шляпа художника
 Помогает ему
 Представить перспективу
 Будущего полотна.
 Видимо,
 Всё дело в шляпе,
 Которую мы примеряем.

Груз эпохи взвалил я на плечи

(Из Шоты Валиханова)

Я потомок Великих и Славных,
 Но впустую я жить не могу.
 Груз эпохи делю я на равных,
 Предки, с вами я в ближнем кругу.

Век железный согну я руками,
 Станет другом мне бывший мой враг.
 Небожитель я, и с облаками
 Проплываю луною сквозь мрак.

И в душе моей много соковищ,
 И в душе моей много любви.
 Время восхода, отринув чудовищ,
 Бьётся током горячей крови.

Для добра нам объятья раскрыты,
 В век из века в душе моей степь.
 К этой цели идём сквозь события,
 Для свободы разорвана цепь...

***

А может быть, плач поднебесья
 И лунный сквозь сумрак аккорд.
 Я вижу — из южного детства
 Свисающий с неба апорт.

А там за ночным перевалом
Встаёт восприятием сна
Рождественской свечки огарок,
И ель, что живёт у окна.

А там, где-то там за грядою,
За горной грядою судьбы
Свет горный встаёт над тропею
Под скрип одинокой арбы.

А там, где-то там на закате
Начало второго пути.
Мой мир ошибается в дате,
Всё день тот пытаюсь найти.

***

В этом мире пустом и безумном
Чист твой образ в оправе окна.
Даль распахнута в трепете юном,
С ней сроднится в сиянии лунном
Только вкус молодого вина.

Одарила нас щедро природа,
Мы не ценим её до поры.
Ко всему переменчива мода,
Только вечны любовь да свобода,
Да под осень земные дары.

***

Не зная племени, не зная рода,
Основ не зная языка,
Ребёнок плачет, нет ребёнку года,
А в плаче — тайная тоска.
Он высказать пока ещё не может —
Обиду или просьбу, не поймёшь.
И это всё он в будущее вложит
И рассечёт — на правду и на ложь.

***

Стучат колёса, вырывая
Тебя из тишины земли.
Не станция ли узловая,
Огнями и людьми встречая,
Развяжет узел твой вдали?
В дороге даль земная гложет.
Эффект вагонного окна
В ночной степи
Твой облик множит
И где-то там судьбу итожит,
Что за окном отражена.

***

Глаза закрою — вижу
 Потусторонний свет.
 К нему на шаг я ближе,
 И мне возврата нет.

А где-то за спиною
 Разлом эпохи той,
 Что, окатив волною,
 Становится судьбой.

***

Затаилась в кронах осень,
 Шелестит листва.
 Ни о чём она не просит,
 Ни к чему слова.

Как по древнему поверью:
 Нас в природе нет.
 Только чёрные деревья
 Сквозь осенний свет.

***

Нашей повести сюжет
 На две поделён квартиры.
 Бродит нашей встречи свет,
 И его в кругу планет
 Чёрные не скроют дыры.

Будет ночка коротка,
 Будет дальняя дорога.
 Чёрной нитью свитерка,
 Что бежит с воротничка,
 Выйдет нашим дням тревога.

Встанем молча у окна,
 За окном сквозь иней город.
 На двоих нам даль дана,
 Что за городом видна,
 Несмотря на внешний холод.

И над бездной самолёт
 Вздрогнет в турбулентной зоне.
 Я не знаю, что нас ждёт.
 Алым огоньком мигнёт
 Ангел где-то над Гудзоном.

Тонкой вязки свитерок.
 Ворот в нём почти раскрыт.
 Вот и всё, но знает Бог,
 Взгляд, что пойман был врасплох,
 К ночи нас приговорит.

Нашей повести сюжет
 Прост — как дважды два четыре.
 Почему не тает свет,
 Даже если света нет
 В этом разношёрстном мире?..

На мотив детских книг

Неужто не нужен эзопов язык?
 Пока что к такому наш брат не привык.
 На дверь оглянувшись, не гасит испуг,
 Что в гневно-порыве он выйдет за круг.

Нас хроника эта душила не раз,
 Нам их комментарий не важен сейчас,
 Важнее, что мысли вне страха живут
 И что адресата отныне найдут.

Вот детская книжка — кем был таракан.
 По буквам вникает в неё мальчуган.
 Он правды не знает, что спит между строк, —
 Внеклассного чтения первый урок.

К чему ему эта страна дураков?
 Пусть стука не слышит её каблучков
 И льстивую не примеряет улыбку
 С потомственным страхом печальных зрачков.

***

Моя последняя любовь,
 Последняя моя надежда,
 Я повторяю это вновь,
 Я повторяю это вновь,
 Оберегай меня — как прежде.
 Невольным трепетом души,
 Вне разума и вне расчёта
 Мелодией мне путь вскружи
 И флейтою заворожи,
 Когда всплакну у поворота.
 Остановиться и взглянуть,
 Из этой жизни извлекая
 Животрепещущую суть,
 Животрепещущую суть,
 Разлом судьбы в ней различая.

***

Тебя звали Алма¹,
 тебя называл
 половиной
 зелёного города,
 имя твоё
 торопливой строкою кассира
 вписывалось
 в голубой бланк
 авиабилета,
 когда к тебе я спешил,
 ты шутила при встрече:
 — Парень, не так переводишь,
 меня звать — “не бери”,
 Имя моё,
 что плод,

¹Алма — яблоко, второе значение — “не бери” (каз.).

на который
наложен запрет.
Не так переводишь,
парень,
э, не так.

Часы “Мозер”

Равномерный бой часов
Предъявляет счёт на вздохе,
Запирая на засов
То, что не дано эпохе.

Где-то варят в мире сталь,
Где-то хлеб пекут в пекарне,
Где-то берегом мистраль
Древние ласкает камни.

Где-то смыслу вопреки
Нерест поведёт горбушу
На верха шальной реки,
Выворачивая душу.

Где-то лайнера радар
Время превратит в пространство.
Пассажиры этот дар
Осознают после странствий.

С этой стороны окна
Мерный ход часов в квартире
Отмеряет всход зерна,
Мысли порождает в мире.

Амплитуда бытия
Сокращает ритмы сердца.
Где-то приговор судья
Вынес для единовеца.

Снова равномерный бой
Предъявляет счёт эпохе.
Мне начертано судьбой
То, что я усну на вздохе.

Эти старые часы,
Где пружиночка стальная...
И — на звёздные Весы
Долюшка легла земная.

А кому доверен ключ,
Может быть, известно богу.
Там звезду сменяет луч,
Чтобы осветить дорогу.

***

Дорога горная в тумане,
Где видимость как в полусне,
Мифической тягою манит,
Не оставляя в стороне.

И где-то на каком-то склоне
Цепь времени качнулась вспять.
И всё переменялось в корне,
Что разумом мне не понять.

И хроника прошедшей жизни
Бег обрывает у моста.
И мой двойник меняет линзы,
Воспринимая роль с листа.

Мои воспринял он ошибки,
Мои воспринял он мечты.
И беззаботной нет улыбки,
Одна усмешка суеты.

А мой двойник из-за тумана
Почти не виден в час ночной.
Невидимая ноет рана
И не проходит стороной.

А мой двойник садится где-то
В автомобиль, что не заглох,
Как будто ангел с того света,
Чтобы застать меня врасплох.

Мы с ним подружимся однако,
Преодолеем перевал.
Не у дорожного ли знака
Его впервые я признал?..

На повороте разминёмся,
При встрече фарами мигнём.
Во всём без спора разберёмся,
Друг друга молча мы поймём.

Открою дверцу у оврага
И закурю в неясный час.
Туманом влажная бумага
Скрывает важный в ней указ.

А у меня права иные,
Мои права увёз двойник.
Дни за туманом снеговые
Раскроют ветром мой дневник.

***

Вот ветерок твоим плащом
Прошелестел о том, что осень.
Не беспокойся ни о чём,
Не беспокойся ни о чём
В кругу вечнозелёных сосен.

Тропинка выведет к жилью.
Мы где-то в ближнем зарубежье.
Влечёт листом нас по ручью
В одну латышскую семью,
В дом на балтийском побережье.

Не знаю что, но вновь роднит
Нас — пасынков былой империи.
И сквозь раствор гранитных плит
Пыль придорожная горчит.
Горчит всё то,
Во что мы верили.

Свеча забьётся на ветру.
Рыбак перебирает сети,
Чтобы поймать для нас к утру
Не только рыбку — шанс к добру.
Единственный тот шанс на свете.

***

На горной дороге в тумане,
На горной дороге в снегу,
Как будто бы мелочь в кармане,
Случайно найду я строку.

И, вторя, ей горная речка
Весёлую пару найдёт
У мостика возле местечка,
Где речка даёт поворот.

Строфою рождается образ
И птицею бьётся в строфе.
И эта вся горная область
Поэзией выйдет к тропе.

И — облаком дышит в долине,
Где к осени греет костёр.
И — холодом веет к вершине,
Где беркут крыла распростёр.

На горной дороге в тумане,
На горной дороге в снегу
Нас мир окружающий манит
И следом рождает строку.

А я ничего не умею,
А я ничего не хочу.
А я перед этим немею
И не зажигаю свечу.

Я просто пишу стенограмму,
И авторство мне ни к чему,
Но путь мой к небесному храму
Не повторить никому.

Песенка ваганта

Десять у меня монет,
Золотых монет прабабки.
Я хочу увидеть свет,
Света в жизни мне добавьте.

Кину в кейс электробритву,
Две сорочки, пару книг.
В память заложу молитву,
Что с балкона пел старик.

И пойду гулять по свету,
И уйду глазеть на свет.
Таксой моему билету
Эти несколько монет.

Сердце тянется к Парижу,
Где не спит Булонский лес.
В каждой я стране увижу
Чудо из семи чудес.

Каблуки сбил на асфальте
На чужой я стороне.
Знаменитый храм на Мальте
Витражи раскроет мне.

С царским профилем монетки
Порассыпал я в пути.
Домик молодой брюнетки,
Мне бы в нём ночлег найти.

И на холмик её страсти
Невзначай легла рука.
И дыхание напасти
Сбило пламя огонька.

В темноте дойти до цели
Опыт странствий мне помог.
Нам небесные качели
Ниспослал с улыбкой Бог.

В этой тьме не надо света,
Света вдоволь повидал.
Жизни добрая примета —
Милой женщины овал.

Заменю электробритву,
Напишу одну из книг.
Вспыхнет в памяти молитва,
Что когда-то пел старик.

Сомнамбулический сонет

Где дышат Патриаршие пруды
Вечерним светом отражённых окон,
Там над скамейкой, где сидела ты,
Свисая с ветки, шелковичный кокон
В угоду рифме твой напомнит локон.
И повторится всё: сидела ты,
Дышали Патриаршие пруды
Вечерним светом погружённых окон.
Быть может, персонажи баснописца
Из дерева и камня оживут.
Мартышка, рак, ворона и лисица
К скамейке подлетят и подползут.
И скажут мне, что, опустив ресницы,
Вчера весь день она грустила тут...

***

Живём как будто впереди нас вечность,
Отодвигая планы на потом.
И по душе нам детская беспечность,
Как говорят — пока не грянет гром.
Дверь приоткрыта в календарь эпохи,
Желаю, чтобы всё же повезло.
Пережигаем мы земные сроки...
Под пеплом где-то вешнее число.

***

Яблоком дышит Нью-Йорк,
Райскую сделку пророчит.
Незатихающий торг
Неутихающей ночи.

Бар превращен в общепит
В духе совковых соседей.
С плеером нищий сидит,
Слушает музыку меди.

Кину я квотер с ленцой,
Он усмехнётся лукаво.
Травкою пахнет,
Пыльцой
С примесями какао.

Бахытжан КАНАПЬЯНОВ

Уроки старых мастеров

(Памяти Чингиза Айтматова)

Эссе

Впервые об этом удивительном озере я узнал в далёком детстве из трудов Чокана Валиханова. Вначале разглядывая его путевые зарисовки, которые вошли в пятый том собрания сочинений, а затем, спустя годы, читая путевой дневник учёного и его запись фрагментов эпоса о Манасе Великодушном. Так зародилась в моей юной душе заочная любовь к этой высокогорной жемчужине, к озеру в оправе диких гор.

А в студенческие годы я впервые воочию увидел эту живописную чашу — чашу Джемшида. Незабываемые мгновения, когда, пройдя второй перевал двухдневного пути из Алма-Аты, из-под ветвистой лапы тяньшаньской ели вдруг всё ближе спускаешься к нему, к этому озеру, которое на все последующие годы становится твоей творческой мастерской под открытым и незабываемым небом.

Поэтическое и многоязычное побережье Иссык-Куля, сырты и горные вершины пленили меня, с каждым годом открывая новые и новые горизонты познания — себя и других, гордых обитателей этого поднебесного края.

На южном побережье я сверял по записям своего дальнего предка, Чокана Валиханова, дорогу на Барскоон, к водопадам и далее на перевалы в Кашгар. Всё это, разумеется, переходило в стихи и прозу. И так случилось, что почти все населённые пункты побережья, особенно южного, имеют мои литературные посвящения. И это происходило не сразу, не вдруг, но постепенно, когда твои душа и сердце сливаются в одном порыве, в одном дыхании с ландшафтом “небесного ока земли” — Иссык-Кулем, его побережьем, его многовековой историей и его людьми — прошлого, настоящего и будущего. Когда проступят и высохнут слёзы после чтения святых книг Чингиза Айтматова, и ты сквозь лёгкое марево июльского дня видишь там, на горизонте, белый пароход своего детства.

***

В моей библиотеке есть три издания собраний сочинений Чингиза Айтматова. Первое, трёхтомник, 1984 года, второе — семитомник, 1998 года, третье — Полное собрание в восьми томах, вышедшее уже после кончины писателя. Два из них с дарственной надписью Чингиз-ага.

Открывая, наугад, тот или иной том, погружаешься в магию его повествовательной речи, в образы, людские и человеческие по своей глубинной сути, от мальчика до старика Момуна, от “солдатёнка” или Эрмека до учителя Абуталипа, Едиге Буранного, табунщика Танабая, соперживаешь прекрасным женским характерам — Алтынай, Джамия, Бегимай... А чего стоят образы животных, в силу великого таланта художника слова одухотворённых и очеловеченных, зачастую превосходящих нас, смертных и грешных, своим природным благородством.

Пегий пёс, бегущий краем моря, старик-рыбак, которому судьба сродни морю и небу, рыба-женщина, влекущая нетерпением плоти, конь Гульсары и верблюд Каранар, волчица Акбара и Рогатая мать-олениха. Раймалы-певец и брат его Абдильхан, конь Саралу и юная певица Бегимай, к которой обращены слова: “С чёрных гор, когда пойдёт кочевье, я на ярмарке не буду, Бегимай”.

Даже некоторые фразы, взятые отдельно из ткани повествования, становятся крылатыми, афоризмом. К примеру: “Любовь и поэзия погибают от

соприкосновения с властью”. А трагедия манкуртизма, до боли в висках характерная и актуальная в наши транзитные годы: “Мен ботасы олген боз мая, тулыбын келип искеген. — Я сирая верблюдица, пришедшая вдохнуть запах шкуры верблюжонка, набитого соломой”. После таких фраз невольно оглядываешься на луну, чувствуя, что там действительно кто-то есть, а на самом деле видишь белый платок Найман-Ана, который отражает свет нашей памяти и печаль нашего беспамятства.

Во всём этом есть заклинательные, эзотерические основы нашего многовекового бытия.

“Я ощущаю жизнь как трагедию. С жизнеутверждающим финалом”, — однажды сказал Чингиз Айтматов.

“Если ты и вправду слышишь, о боже, мою молитву, которую я повторяю вслед за праотцами из заученных книг, то услышишь и меня”, — произносил Едиге Буранный при погребении своего друга Казангапа.

В 1981 году, когда впервые был опубликован этот роман в журнале “Новый мир”, я за одну ночь прочёл эту великую вещь великого писателя. И всей своей душой впитал в себя дух и образы романа. И сверял по нему в будущем свои поступки и своё творчество. В тот же год я посвятил Чингизу Айтматову свою “Земную балладу о космосе”. Я убеждён, что не только внешне слова “Тюре-Там” и “Тюре-Тумсук” (родовое поместье моих предков-чингизидов) схожи. В этих значениях есть и некая глубинная связь, уходящая своими древними корнями к самому Чингисхану. На мой взгляд, люди Тюре-Тама, вблизи которого находился полустанок Боранлы-Буранный, схожи с людьми Тюре-Тумсука. И по характерам, и по убеждениям, и по складу своего мировоззрения.

Я вижу очень много общего в образах Абуталипа и моего отца. Такие же люди из аула, как и Едигей Буранный, часто посещали дом моих родителей. Также явственно ощущаю из своего далёкого детства тепло их натруженных ладоней, когда в час приезда в наш дом, в Павлодар, они гладили меня по голове, я так же, как Эрмек, сопротивлялся, когда они вели меня и моего братишку Ерулана в парикмахерскую.

Скромные в своём поведении, они вмиг оживали, когда за вечерним чаем рассказывали отцу легенды своего края. И лица этих немногословных людей внезапно преображались, когда они незатейливо пели под домбру песни Исы и Шакарима. Помню я и тот день, когда впервые услышал песню Шакарима. Однажды, в конце пятидесятых, в наш дом пришёл пожилой человек. Отец, увидев его, обнял, и долго они так стояли у порога, обнявшись, молча, не проронив ни слова. Я успел заметить на его ногах диковинную для наших мест обувь — унты. Потом уже, к вечеру, когда стали заходить родственники и соседи, стало известно, что это близкий родич отца, который долгие годы жил там, где люди ездят на собаках. У него на правой руке не было четырёх пальцев. Но как он играл одним только большим пальцем! И звуки домбры, заполнив пространство дома, изливали его печаль по прожитым в далёкой ссылке годам. И женщины, готовя бешбармак на кухне, вытирали краем платка набегавшие слёзы. Родичи говорили, что он видел моего деда Канапью-кажы, знал Шакарима и Ису Байзакова и часто пел их песни.

Чингиз Айтматов, писатель с мировым именем, так говорит о своём романе: “... я не просто представитель определённой национальной литературы, я обязан сказать нечто большее.

В этом смысле “нечто большее” я попытался сказать в новом произведении, в романе “И дольше века длится день”. Сейчас, когда книга уже написана, я испытываю потребность поразмышлять над тем, что, собственно, явилось для меня путеводной звездой.

Писатель не может чётко сформулировать, о чём его сочинение. Ему всегда кажется, что недостаточно слов, чтобы выразить всю полноту замысла. И всё

же попытаюсь. Сокровенная мысль моего романа не нова, но и неизбывна: главная суть и ценность мироздания — человек”.

В мае 1997 года, когда в Париже проходили торжества, посвящённые 100-летию со дня рождения Мухтара Омархановича Ауэзова, в здании ЮНЕСКО я подошёл к Чингиз-ага и сказал, что всю жизнь пишу ему письмо о самом сокровенном, что может быть в душе поэта... Он улыбнулся и ответил: “Когда сочтёшь нужным прислать своё письмо — присылай. Я жду”.

Так две мои книги, “Устаз” и “Тагылым”, посвящённые отцу и матери, стали своеобразными письмами великому писателю.

Как здесь не вспомнить вещие слова из романа Чингиза Айтматова?! “Вспомни, чей ты? Чей ты? Как твоё имя? Имя? Твой отец Доненбай! Доненбай, Доненбай...”.

Земная баллада о космосе

Чингизу Айтматову

*Где эта станция? Где эта станция? — Там.
Как зовётся она? “Тюре-Там” — говоришь? “Тюре-Там”.
И солнцем палима, и пламенем мощных ракет
Земля, что на карте в жёлтый окрашена цвет.
Где эта станция? Где эта станция? — Там.
“Тюре-Там” по-степному зовётся она. “Тюре-Там”.*

*... Вот лётчиков группа в тени на перроне стоит,
и степная листва над ними слегка шелестит.
Посмотрит старушка и тут же забудет про них,
идёт вдоль вагонов, и звонкий доносится крик:
— Бир сом одна дынька! — Людские мешая слова,
прячет смятые деньги в цветистые рукава.
Она видит ночами пылающий в небе костёр.
Она внука не пустит за дальний запретный бугор.
Узнает лишь завтра о том, что случилось вчера:
в полнеба, в полнеба след космического костра.
Где эта станция? Где эта станция? — Там.
“Тюре-Там” — говоришь?
“Тюре-Там” — говорю. “Тюре-Там”.*

*Поезд тронется, степь проплывает с обеих сторон.
Быть может, в купе кто-то скажет: — Вон там космодром!
Как обыденно всё, ни ферм не видать, ни ракет,
лишь локатора ухо, да тревожный на завтра рассвет.
Да “уазик” пылит, скрывшись за безымянным холмом...
Ты взгляни, лейтенант, ты вернёшься,
ты вспомнишь о том,
что здесь эта станция, здесь эта станция, здесь.
И взлетает орёл над тобою — как добрая весть.*

1981 г.

***

Когда я учился в Москве, на Высших литературных курсах, которые в своё время закончил Чингиз Айтматов, заведующая учебной частью Нина Аверьяновна Малюкова однажды показала нам стенограмму семинара, на котором

обсуждали повесть “Джамиля”. Среди потока необоснованной критики курсантов-семинаристов, бесстрастно запечатлённого рукой стенографиста, меня и моих сокурсников поразила ремарка, приписанная сбоку, в углу: “Айтматов плачет”. Не знаю, сохранилась ли эта стенограмма, наверняка в архиве Литинститута она имеется. Но я не об этом, а том, что даже на уровне учебного семинара, где можно было смело обсуждать вещи, так сказать, не для печати, “Джамиля” Чингиза Айтматова вызвала бурное обсуждение и неприятие среди братьев-семинаристов. И это в стенах Литинститута. А вне этих стен нашей Альма-Матер?

Вот что писал сам Чингиз-ага:

“После выхода повести “Джамиля” один из наших известных писателей принялся её критиковать. На партийном собрании перед общественностью страны он горячо говорил о том, что форма и содержание литературного произведения должны соответствовать политике коммунистической партии, что нужно неукоснительно следовать принципам социалистического реализма. В конце концов, утверждал он, каждый случай развода супругов — проблема огромной важности, которая должна обсуждаться коммунистической партией. Именно партия является оплотом, охраняющим единство семьи, а сюжет моей повести идёт вразрез с этим постулатом.

Когда я работал над повестью, то совсем не думал о подобных последствиях. “Джамиля” с момента своего появления вызвала большой интерес и у нас в стране, и за рубежом. Везде книга бурно обсуждалась. Мой неожиданный успех стал значительным шоком, как это часто бывает, для друзей-коллег: многие предпочли хранить молчание по поводу повести. Только отдельные наши “классики”, как говорится, “и в хвост, и в гриву” чихвостили книгу...

Такую, мягко говоря “критику”, я вынужден был выслушивать лично.

На одном из партсобраний выступил наш “классик”. Я до сих пор почти слово в слово помню его выступление:

“Мы тут обмениваемся мнениями о том, как воспитывать молодых писателей. Но как, скажите, воспитывать, если отдельные из них — на ложном пути. Они строят своё творчество на преступном фундаменте, отравляя всю нашу литературу?! Недавно мне довелось быть в командировке на Иссык-Куле. В одном из колхозов я пошёл в поле, чтобы посмотреть, как работают наши доблестные труженики, поговорить с ними. Вскоре сзади загромыхали колёса пароконной брички. Я отошёл на обочину, чтобы пропустить телегу, но ездовой сам остановил коней. Кони были упитанными. По виду ездового я понял, что он — один из руководителей колхоза.

— Куда направилесь, байке? — улыбнулся он мне.

— Да вот, иду на полевой стан познакомиться с людьми.

— А-а, я Вас только теперь узнал. Вы ведь знаменитый писатель имярек?

— Вы не ошиблись, я именно тот писатель.

— Забирайтесь в телегу, я покажу всё, что Вас интересует.

Я принял его предложение и сел рядом. Через некоторое время этот человек вновь обратился ко мне:

— Вы ведь писатель, а знакомы ли Вы с Айтматовым?

— Конечно, я хорошо его знаю, — удивился я.

— Тогда передайте ему, что при встрече я с удовольствием поколочу его!

— За что? — изумился я ещё больше.

— За “Джамилю”. Это разве книга?! Муж на фронте, а она убегает с каким-то безродным бродягой. Нельзя издавать такие книги!

Вот мнение народа! Жаль, что у меня нет сейчас камчи. Айтматов присутствует здесь. Я бы с удовольствием отстегал его!”

Довольный своим выступлением “классик” спустился с трибуны.

Разумеется, я сильно переживал, но что мог тогда поделать?! Присутствующие кто посмеялся, кто добродушно усмехался. Но из разных мест зала доносились злобные реплики: “Правильно! Таких горе-писателей только колотить и надо! Они злуют весь народ! Это влияние буржуазии! Классовые враги не дремлют!”.

Что я мог сказать или сделать в такой ситуации?! Недаром говорят: “Молчание — золото!”.

Что бы ни говорили злопыхатели, повесть “Джамиля” уже с момента опубликования на русском языке получила международное признание. Вначале она вышла в журнале “Новый мир”, главным редактором которого в то время был Александр Твардовский. Моя многолетняя дружба с одним из великих писателей русской литературы началась именно с повести “Джамиля”. Александр Трифонович в тот период был безусловным авторитетом, пользовавшимся всеобщим уважением. Не ошибусь, если скажу, что многие произведения и их авторы своей известностью обязаны именно ему, личности, которая является совестью страны.

Парадокс того времени заключался в том, что любые политические перемены следовало принимать молча, без проявления своего отношения. Любое произведение, особенно талантливое, нужно было проталкивать сквозь искусственные препоны. Но если у писателя был покровитель в верхах, то его книги выходили одна за другой без всяких проволочек. Поэтому я благодарю судьбу за то, что она свела меня с Твардовским.

Ещё до “Джамили” я выслушивал критику партийных руководителей. Тот факт, что повесть “Лицом к лицу” была благосклонно принята нашей писательской общественностью, объяснялся тем, что она вначале увидела свет на русском языке в журнале “Октябрь”, в Москве, главным редактором которого был Ф. Панфёров.

Правда, и тогда нашлись “критики”, в местной прессе, обвинявшие меня в том, что я слишком беззубо изобразил дезертира Исмаила. По их мнению, он выглядел трагедийной фигурой.

После инсценирования повести Киргизским драмтеатром, о чём я выше уже упоминал, критики вновь оживились. “Где истинные герои, батыры, которые выиграла великую войну? Где люди, показавшие беззаветную храбрость? Дезертиров во время войны тут же отлавливали и расстреливали без суда и следствия. А писатель Айтматов какого-то отщепенца-дезертира изображает трагической фигурой. На наш взгляд, Айтматов не прочь представить Исмаила и положительным героем. Куда заведёт нас своими антисоветскими взглядами такой писатель?!” — вопрошал один из критиков.

Но, несмотря ни на что, судьба повести “Лицом к лицу” оказалась счастливой благодаря тому, что увидела свет в Москве.

“Джамиля” же на пути к читателю встретила со многими сложностями. Но она же и познакомила меня с главным редактором журнала “Новый мир”. Ту нашу первую встречу, беседу по душам я никогда не забуду. Именно тогда Александр Трифонович предложил мне поменять название повести “Мелодия” на имя главной героини. Наверное, при встрече он объяснил мне, чем предпочтительнее новое название, но я уже этого не помню. А тогда с радостью ухватился за это предложение мэтра.

В ту же первую встречу А. Твардовский очень подробно и доходчиво объяснил мне, как писать, чтобы обойти застойно-тоталитарные требования литературных чиновников от компартии. Он посоветовал мне писать сразу на двух языках — русском и киргизском. Но печатать вначале в Москве на русском, чтобы обезопасить себя от местных партocrats.

В справедливости слов А. Твардовского я убедился в работе над повестью “Прощай, Гульсары!”. Я буквально кожей чувствовал правоту известного писателя. И если бы не воспользовался мудрой стратегией, подсказанной мне старшим другом, то повесть “Прощай, Гульсары!” умерла бы, не появившись на свет...”.

Я специально так широко цитирую Мастера, его историю создания повести “Джамиля” и дальнейшей её судьбы. На мой взгляд, во всём этом прослеживается та самая творческая взаимосвязь и, если хотите, искренняя, сердечная поддержка интеллектуальной России и Москвы, как это всегда и было по отношению к Мухтару Ауэзову, Расулу Гамзатову, Василию Быкову, Ивану Драчу, Мумину Каноату, Иону Друцэ, Олжасу Сулейменову, Нодару Думбадзе, Эдуардасу Межелайтису, Тимуру Пулатову, Тимуру Зульфикарову, а также ко многим блистательным национальным именам громадной империи Страны Советов.

Необходимо добавить, что согласно молве и воспоминаниям современников, в это самое время Мухтар Ауэзов лично передал уже опубликованную повесть “Джамиля” Луи Арагону, с подачи которого она была переведена на французский язык и публиковалась в нескольких номерах газеты “Юманите”.

Писатель в силу своего настоящего таланта всегда находится в оппозиции, в первую очередь по отношению к себе, а затем уже к окружающей его действительности. Это, на мой взгляд, аксиома. Именно с первых литературных произведений (“Джамиля”, “Лицом к лицу” и др.) Чингиз Айтматов, может быть, ещё неосознанно и ненамеренно следовал этому постулату творчества. Именно в этих ранних произведениях Чингиза Айтматова зарождался своеобразный “узел кущения”, из которого вырвzвали зёрна писательского таланта и будущая ничем не подкупная позиция личности. Да и время было уже иное во второй половине пятидесятых — время оттепели. Мало кто знает, что определённую часть детства Чингиз Айтматов провёл в Москве, именно в те репрессивные годы, и прощание на Казанском вокзале его, мальчика, с отцом, Тюрекулом Айтматовым, который учился в институте красной профессуры и был вскоре расстрелян, навсегда врезалось в цепкую детскую память. Да так, что тоска по отцовской, мужской ласке спустя годы вошла в суть детских характеров, с большим талантом и гуманизмом выписанных в образах мальчика из “Солдатёнка”, “Свидания с сыном”, “Белого парохода” и Эрмека из “Буранного полустанка”. А также негасимая нежность женщины-матери, которая во все века всегда принимала на свои хрупкие плечи всю тяжесть по сохранению семейного очага — Толганай, Найман-Ана, Рогатая мать-олениха, Зарипа, Укубала...

А затем, на протяжении полувека, были звёздные часы писателя, которые, после каждого нового произведения, достойно воспринимались миллионами читателей у нас, в единой Стране Советов, и за рубежом. Его произведения были переведены на 165 языков мира и изданы в 130 странах общим тиражом более 67 миллионов экземпляров. По данным ЮНЕСКО, на 1998 год они издавались 830 раз. Он, как и многие “дети кульга личности”, был буквально обласкан партией и властью. И здесь, возможно, партия и власть ожидали совсем другие его произведения — характерные духу партийного кодекса “строителя коммунизма”. И многие из писателей, известные и менее известные, круто меняли фарватер своего творчества в угоду этой самой партии и власти. Но только не Чингиз Айтматов. Наоборот, с каждым произведением та самая “оппозиция творчества”, о которой я говорил выше, принимала в себя новые темы и новые формы романа — “Буранный полустанок” и “Плаха”. Обласкан был, да! Депутатство, секретарство, Герой Труда, самые престижные премии страны... Но когда сажусь за чистый лист нового произведения, позвольте самому решать — каким ему быть. Сейчас и навсегда! А всё остальное — это где-то правила быта и большой игры. Кстати, эти правила игры всегда были в ходу — и в прошлые века, и в наше время, в транзитный период нашего бытия. Суть в другом — в самом стержне творчества и таланта. А всё остальное, как говорится, суета сует. И Чингиз Айтматов, и Олжас Сулейменов в силу объективных и субъективных причин принимали эти правила, но всегда, в своих трибунных выступлениях, были предельно честны и откровенны, слушатель или читатель всегда находил в этих выступлениях зерно мысли, не говоря уже о самом творчестве,

которым они духовно обогатили евразийское пространство литературного мира. Я признателен и благодарен судьбе, что знал и знаю эти личности, душой и сердцем ещё в далёкой юности постигал их произведения, и думаю, что в двадцать первом веке нас ждёт ренессанс именно такой высокохудожественной литературы.

Разумеется, присутствовали эти правила игры и в ряде произведений писателя — фрагментарно и эпизодично; но в контрасте с этим так выпукло и образно значимо проступали главные герои и персонажи, взятые из глубины жизни, реальности и бытия. Это во-первых, а во-вторых, именно из формата так называемого соцреализма по глубинному зову души вырваться за этот самый формат, рождая тем самым новые, неизвестные и неизведанные коллизии сюжета, — по силам только большому таланту, большому Мастеру, каким, собственно, был и остаётся в своих произведениях Чингиз Айтматов.

Кстати сказать, в тот период “двойного стандарта” наиболее демократичная среда была почти во всех братских киностудиях и в союзах кинематографистов. И многие из творческих личностей обретали в такой среде “киношников” своеобразную созидательную отдушину. Многие писатели и поэты находили свой круг единомышленников в сценарных коллегиях, в павильонах и в экспедициях, вынося из этого круга общения новые идеи и сюжеты, не замутнённые идеологией того периода. Именно в тот период шестидесятых и семидесятых годов прошлого века Чингизом Айтматовым были написаны многие литературные произведения, именно тогда, когда он руководил Союзом кинематографистов Киргизии.

Мне сейчас трудно судить о времени, в котором живём, существуем и прозябаем. О времени, когда буквально всё подчинено златому Тельцу и шелесту зелени по имени “бакс”. Это время даже не двойного, а тройного или же четвертного стандарта. Одно могу сказать, что пагубность и трагичность этого времени в том, что исчезла и исчезает гуманистичная направленность нашего бытия. В силу этого нет и литературных произведений, по широте охвата образов и характеров тождественных книгам Чингиза Айтматова.

***

Только озеро Иссык-Куль и снежные вершины Тянь-Шаня могли породить великий миф о Манасе Великодушном, его сыне Семетее, внуке Сейтеке, жене Манаса Каныкей и матери Чийырды.

Вселенную Манаса впервые открыл и записал фрагменты для России и Европы Чокан Валиханов. Великий эпос, насчитывающий почти миллион поэтических строк, был сохранён великой памятью народа. Ещё в далёкой молодости эпосом “Манас” был пленён гений казахской словесности Мухтар Омарханович Ауэзов, написавший об этом ряд научных статей, а в начале пятидесятых прошлого столетия он буквально защитил великий эпос, выступая в тогдашнем Фрунзе на научно-теоретической конференции, где решалась судьба киргизской “Илиады”. Это общеизвестный факт в истории литературы советского периода.

“Мухтар Ауэзов для меня не некая академическая величина и не просто самый великий художник среди лично известных, а человек, проявивший по отношению ко мне отеческую заботу, — писал в статье “Слово об Учителе” Чингиз Айтматов. — У меня есть две национальные святыни, с которыми я еду в другие страны, с которыми я переступаю порог других народов. Это — “Манас” и Мухтар Ауэзов”.

Известный учёный, манасчи Талантаалы Бакчиев, который родился в 1971 году, в год кончины легендарного сказителя героического эпоса “Манас” Саякбая Каралаева, приводит в своём интервью¹ слова кинорежиссёра Мэлса Убукеева

¹ Ключ от “Манаса”. “Литературная газета” (Москва). 17-23 февраля 2010.

о том, что “Манас” — это родовое гнездо всех видов искусств, множество духовных знаний, этажи которых складывались из мудрости прошлого. Ему подвластно пространство и время. А истинное время — вечность. Символ вечности — круг. Прошлое вновь и вновь возвращается в настоящее...

Интересен и уникален учёный и манасчи Талантаалы Бакчиев, достойный наследник аксакала Саякбая и Чингиза Айтматова.

Во сне ли, наяву ли, но он вспоминает, как однажды в детстве увидел прекрасную юрту, через щель входа в которую струился мягкий свет. Недолго думая, он подошёл к этой юрте и переступил порог. Внутри было тепло и просторно, в центре стоял небольшой топчан, на котором спал вечным сном мальчик в возрасте пяти-шести месяцев. По обе стороны топчана сидели две женщины, одетые в глубокий траур. Одна была постарше, другая — помоложе, и Талантаалы по какому-то наитию сразу догадался, что эти женщины совершенно необыкновенные: жена и мать Манаса Великодушного — Канькей и Чийырды. Они очень обрадовались гостю и сказали: “Мы давно ждём тебя. Как хорошо, что ты пришёл! Ты должен оживить нашего Семетей”. Подросток с неизвестно откуда взявшейся уверенностью подошёл к лицу ребёнка, раздвинул его рот и, наклонившись, подул в него. Из его собственного рта в этот момент потекла струйка воздуха цвета надежды и мудрости — голубовато-фиолетового.

Почти сразу малыш Семетей глубоко задышал и ожил. А Талантаалы, выполнив свою миссию, собрался покинуть юрту. Но умница Канькей жестом остановила его и протянула большую деревянную пиалу с белым густым напитком, не похожим ни на молоко, ни на кумыс, ни на айран, и благословила. Мальчик так и не понял, что это было, но почувствовал, что во рту всё онемело.

Талантаалы вышел из юрты и оказался на знакомой лужайке, но ни коня, ни овец он там не обнаружил. Исчезла и красивая юрта.

С тех пор при всей исключительности своего дара сказителя он не перестаёт удивляться, за какие заслуги именно он назначен судьбой поведать современникам о незабываемых подвигах героев эпоса “Манас”. “Священный зов” — так назвал свою книгу Талантаалы Бакчиев. И здесь присутствует великая тайна — тайна сна и сновидений, во время которых мы в буквальном смысле впитываем в себя, в душу и в разум, многовековое пространство тюркского фольклора.

***

Фольклор тюркских народов, в данном случае наших, близких по духу, братских народов, из века в век был насыщен животным миром. От мудрой мыши до благородных волка, коня и верблюда. Чингиз Айтматов, вспоминая мотив известного эпоса “Коджоджаш”, подчёркивал, что ещё в древности человек предостерегал себя от неразумного отношения к природе. И здесь необходимо сказать об океане тенгрианской мифологии, где сама природа, сам ландшафт Иссык-Куля выступают главенствующим началом всего сущего, а человек является неотъемлемой частью этой гармонии мира. И во всём этом есть “откровение Божие”, стержень духовной организации и основа самой исторической памяти кочевых народов Евразии.

Жрецы Тенгри высекали на поверхности камня сюжеты ритуалов и таинств космических мистерий, а рунами — деяния героев, затем свои знания они закрепляли на орнаменте войлока, но самой вечной книгой оказалась память человека, надёленная энергией поэтического и музыкального творчества, которая была доведена до совершенства, утверждает искусствовед Лаура Уразбекова². Поздние кочевники-тюрки, казахи и киргизы, последние носители тенгрианской

² Журнал “Шахар — Культура”. 2005. № 1.

веры, изумляли ориенталистов XIX века, по словам Чокана Валиханова, "... удивительной памятью импровизаторов, через которую все древние поэмы... сохранились без искажения... Но ещё удивительнее, что во всех отдалённых концах степи, особенно стихотворные саги, передаются одинаково, и при сличении буквально тождественны, как списки одной рукописи...". Такая невероятная точность известных источников, когда произведения выливаются из уст всего народа как от лица одного существа, предполагает непрерывающиеся традиции, существование в среде кочевников особой группы людей, передающих эти предания из аула в аул, из поколения в поколение. Адепты тенгрианства знали методы развития возможностей человека, выходящие за рамки обычных представлений. И это касается не только воздействия музыки и поэтического слога на формирование мощного объёма памяти, но и открытия всех уникальных свойств кодов человека, изначально заложенных в нём.

Испытываешь неподдельную радость души и творчества, когда находишь в братском тюркском фольклоре схожие темы и имена, а значит, и многовековое родство.

Батыр Олжабай, хан кипчаков, и его возлюбленная Кишимджан, аил Торугайгыр, дорога в Джийдели... Во всём этом я вижу и образы батыра Олжабая, предка поэта Олжаса, казахскую "землю обетованную" — "Жидели Байсын", древнее озеро Торайгыр вблизи Баян-Аула. Конечно же, в силу своей гениальности прав предок Чокан, когда он говорит о фольклорной памяти тюркского народа.

Неистребимый дух фольклора витает над великим озером Иссык-Куль, дух Манаса Великодушного, его сына Семетея, его внука Сейтека оберегали в нелёгком путешествии в Кашгар Чокана Валиханова, когда он в образе купца Алимбая переходил перевалы Барскоона, а там дальше Кашгар, а ещё дальше "Мын уй" — "Долина тысячи Будд", а ещё дальше Тибет, где есть озеро Тэнгри-Нур, родственное по духу, сказаниям и самой сути тенгрианства Иссык-Кулю.

Там же, у подножья Эвереста, есть селение со знаковым названием Тингри.

Допускаю гипотезу, что оттуда, из Тибета, берут свои начала предрелигиозные основы нашего многовекового бытия, наполненные светом тенгрианства.

Вот уже сорок лет я бываю в этих фольклорных краях Иссык-Куля. В первые годы не постоянно, а последние десять лет каждое лето, июль-август, я посещаю эти святые места. Благодарен судьбе и озеру, что здесь "легко и свободно дышится", благодарен, что здесь я имею истинных друзей и товарищей, благодарен, что хорошо пишется на южном берегу святого озера. Благодарен Чингизу Айтматову — основателю Иссык-Кульского форума интеллектуалов мира.

И каждый раз, когда бываю в Тамге, иду пешком к ритуальному камню, где буддийскими монахами выбита надпись во славу лотоса. Но однажды, переходя горную речку, я сильно поранил ногу (прошло несколько лет, а след от этой раны до сих пор есть на моей правой голени). Пришлось вернуться и перевязать рану в сторожке лесника. Но буддийский камень манил меня, ибо я в каждый свой приезд в Тамгу совершал это своё восхождение к камню. Через день, когда боль слегка упустила, я вновь решил пойти к нему, упросив местного художника и учителя Ису Манапбаева, чтобы он дал коня. На следующий день на двух иноходцах мы с младшим сыном учителя отправились в путь. Поклонились не только главному камню, но и двум другим, расположенным к югу и к северу от него где-то на одинаковом расстоянии — три-четыре километра.

Назад возвращались той же тропой, дважды переходя вброд горную речку Тамгу. И здесь случилось, на мой взгляд, невероятное. Проходя по дороге, ведущей к старому яблоневому саду, моя лошадь буквально на ровном месте сильно поранила заднюю правую ногу, изодрав до кости об острый, рваный край металлической трубы, через которую протекал придорожный арык.

Сын учителя дал мне своего коня, а сам пешком повёл на поводу прихрамывающую лошадь...

Казалось бы, самый заурядный случай: лошадь поранила ногу, на то она и животное. Но это с точки зрения обывателя, а если взглянуть на произошедшее “путём богов Будды”, ибо буддизм не един, им порождено множество различных по духу ответвлений, то можно прийти к выводу, что умное животное-жануар приняло на себя мою боль и моё страдание — во имя благополучного моего восхождения к святому камню.

Если следовать бессмертному духу фольклора, то лошадь, приняв на себя чужую боль, навеки оставляет образ своего благородства в памяти человека.

Я потом, чувствуя свою некую вину, не раз её навещал вместе с Исой, когда зоотехник, обработав рану, пустил беднягу без упряжи на лужок вблизи горной речки, сказав при этом, что рана сама по себе заживёт, лишь бы бедняга-лошадь находилась неделю-другую на воле одна, среди разнотравья ущелья.

***

Два племени Иссык-Куля Сарыбагыш (жёлтый лось) и Богу (олень) славят из века в век природу и жизнь южного Иссык-Куля, перемешивая эту славу многочисленными легендами и поэмами.

И в этих легендах и поэмах, начиная с эпохи Манаса Великодушного, неоднократно звучат вполне конкретные географические названия этой неповторимой местности — воздушный поток Санташ, красные скалы Джеты-Огуз, плоские спины гор — сырты, годные для скотоводчества, а не для земледелия, перевалы Барскоон, Мойнок, Бедель высотой почти в четыре тысячи метров, хребет и реки Акшийрак, Арабель-Су, Тарим, Сырдарья, Нарын, Яркенд, Чу, истоки Майдадыр, Аку.

Странная жизнь рек этой местности. Река Тарим уходит в пустыню Такла-Макан и там, умирая, исчезает среди песков, река Чу исчезает среди песков Бетпакадалы. Если бы не Тянь-Шань, породивший эти реки, эти пески Такла-Макана и Бетпакадалы слились бы в единую громадную пустыню мёртвого забвения.

Многие реки берут начало в Акшийраке от реки с одноимённым названием, которая полноводна у подножья Хан-Тенгри.

Где-то здесь в недалёком прошлом жили арийские племена таримцев, которые принадлежат к группе индо-иранских народов. Плавное занятие этих “бледнолицых братьев” высокого роста с тюркским наречием — рыболовство.

***

Легендарное озеро Иссык-Куль словно бы окаймлено легендой о солнечном луче — красавице Сауле, о султанине Кунгее из племени Богу и Терскее — султанине племени Сарыбагышей.

Драгоценный сапфир синего озера как бы вложен в оправу этой легенды, возраст которой свыше двух тысяч лет.

Символом высокого, неистребимого духа этих мест является Мамыр — высокогорный цветок эдельвейс.

Сказка-легенда из моего детства гласит, что более двух тысяч лет тому назад этих гор не было. На их месте расстилалась плодородная равнина, по которой протекала полноводная река Чонсу. На тысячи вёрст вокруг жили мирные скотоводы-киргизы, на правом берегу племя Богу, на левом — Сарыбагыши. На одном из островов, среди спокойных вод Чонсу, жила девушка, красавица Сауле.

Слава о её красоте одновременно дошла до кочевий крупнейших султанов племён: Кунгея — у Богу, Терскея — у Сарыбагышей.

Собрав своих воинов, двинулись они к берегам Чонсу, чтобы предложить красавице Сауле стать женой одного из них.

На берегах Чонсу соперники и их воины столкнулись лицом к лицу и поняли, что без борьбы вопроса — чьей же женой будет Сауле — не решить.

Всадники подготовились к бою, а Кунгей и Терской — к поединку.

Три раза послала Сауле к ним своих послов, предлагая решить вопрос о том, кто более достоин стать её мужем, в мирном соревновании. Но батыры отказались.

Ровно в полдень войска бросились в атаку. Но их остановил крик Сауле. Поднявшись на холм, она громко воскликнула: “Киргизы! Мы всегда были сильны единством наших племён! Не быть вражды и дальше. Пусть будет мир, а я погибну!”. Выхватив из-за пояса нож, девушка ударила себя в сердце.

Раздался гром. Горячая кровь Сауле брызнула струёй в Чонсу. Река вздулась, расширилась в несколько раз и разъединила враждующих. А всадники и батыры, поражённые поступком девушки, окаменели от изумления там, где стояли, и ряды их превратились в цепи гор.

С тех пор и стоят они друг против друга, и зовут их так, как звали предводителей — Кунгей да Терской.

Вот, оказывается, как это было всего-навсего две тысячи лет тому назад.

***

Ритуальный камень с изображением лотоса с надписью “Ом! Мани падме хум” — “Лотос — драгоценность жизни” находится в нескольких километрах от аила Тамга. словно бы мифической небесной молнией рассечён этот священный камень надвое.

Аналогичные камни, правда, меньших размеров, с изображением Будды и более ранних спиралевых солнечных линий есть и в Барскоонском ущелье, и справа, в Тамгинском. А также и в Казахстане за Капчагаем и недалеко от Текели. Говорят, что такие камни были и в районе Тюре-Тама, вблизи космодрома Байконур.

На мой взгляд, эти камни должны образовывать равновеликие треугольники. Как знать...

***

У казахов как-то принято больше гордиться своими племянниками, нежели сыновьями. Видимо, природная мудрость склонна считать, чтобы сыновьями гордились не родители, а многочисленные родственники. Это одна из воспитательных сторон многовекового уклада жизни кочевого народа, перешедшая сквозь века в семейный кодекс нашей действительности.

И я горжусь своими племянниками. Бывая по писательским делам в Москве, я один-два вечера уделял им, тогда ещё студентам московских вузов, один, Мади Рахметов, ныне ответработник Госдумы России, а другой, с отличием закончивший МГИМО, профессиональный дипломат Чингиз Канапьянов. Они, будучи студентами, узнав о моём приезде, сами находили меня в московской гостинице, и, видя в их глазах радость встречи (родной дядя из Алма-Аты приехал!), я вёл их ужинать в Центральный Дом литераторов или все вместе шли в театр Ленкома, а иногда и на Таганку.

В один из таких приездов, когда в Москве впервые проводился Международный конгресс ПЕН-клуба, я повёз своих племянников в Переделкино, где должна была быть встреча участников ПЕН-движения.

Мои студенты быстро нашли общий язык с именитыми писателями и поэтами, благо хорошо изъяснялись не только на русском, но и на английском,

немецком и французском. Среди участников Конгресса были Понтер Грасс, Омеро Ариджис, Андрей Вознесенский, Белла Ахмадулина, Василий Аксёнов, Юз Алешковский, Андрей Битов, Виктор Ерофеев, мои близкие по духу и сердцу друзья-поэты Сергей Мнацаканян и Александр Ткаченко. Разумеется, приехал из Бельгии или Люксембурга и Чингиз Айтматов. Он тут же дал интервью английским и французским журналистам, и помогал ему в этом в качестве переводчика-синхрониста мой племянник Чингиз. Чингиз-ага, видя, как заинтересованно спрашивают его журналисты двух стран и остаются довольными обстоятельными ответами, по-английски и по-французски озвученными будущим дипломатом, с весёлой мудростью изрёк:

— Впервые Чингиза переводит Чингиз!

— Это не художественный перевод, а синхронный, — уточнил я, тем самым подчёркивая разницу между переводом книг писателя и его беседы с иностранными журналистами.

— Нет, это лучше, чем художественный перевод, — продолжал шутить Чингиз-ага.

— Моего племянника в честь Вас назвали Чингизом, — в тон его шутке ответил я.

— Я знаю и понимаю в честь кого назвали моего переводчика, — серьёзно ответил Мастер, тем самым показал, что он прочёл мои книги “Устаз” и “Тагылым”.

Я хотел сказать, что имя писателя “Чингиз” и имя его отца “Тюрекул” — звенья одной фамильной цепи, но промолчал...

А в 2001 году в Алма-Ате впервые была проведена, ставшая теперь уже традиционной, Международная книжная ярмарка “По Великому шёлковому пути”, бессменным организатором и вдохновителем которой является президент книжной ассоциации, книгоиздатель Элеонора Ныгметовна Баталова. Я, как вице-президент этой общественной организации, помогал ей в этом. Ну а какая ярмарка, тем более с таким названием — “По Великому шёлковому пути”, обходится без музыки и танцев? Юные танцовщицы Малика Спатаева и Акмарал Утебаева в восточных нарядах исполняли казахские, узбекские, индийские танцы, вызывая улыбки и восхищение у серьёзных участников и посетителей книжной ярмарки — писателей, поэтов, критиков из ближнего и дальнего зарубежья.

А когда мой любимец, первоклассник, юный скрипач, сын младшего брата Ерулана Шернияз, без чьей-либо подсказки вышел в своём изящном костюмчике с бабочкой навстречу идущему Чингизу Айтматову и стал играть, выводя только ему подвластную мелодию, писатель с мировым именем расчувствовался, обнял юного скрипача и, не раздумывая, подписал на первом томе своего семитомника “Выдающемуся скрипачу Шерниязу!”.

И эта надпись Мастера стала пророческой. Ныне, спустя девять лет, скрипач Шернияз Мусахан является лауреатом независимой премии “Тарлан”, лауреатом Международного конкурса им. Давида Ойстраха, лауреатом самого знаменитого Международного конкурса им. Г. Венявского в Люблине (Польша). Сам великий маэстро Владимир Спиваков от имени ЮНЕСКО подарил Шерниязу скрипку, следуя ритуалу знаменитых скрипачей, завернув её в своё кашне.

В настоящее время Шернияз Мусахан заканчивает музыкальную школу при Московской консерватории и собирается поступать в Лондонскую консерваторию. Но всегда помнит ту самую книжную ярмарку “По Великому шёлковому пути”, на которой мудрый Чингиз-ага дал высокую оценку молодому таланту. Разумеется, с определённым авансом, но этот аванс Шернияз полностью оправдал и оправдывает своим трудом и усердием.

На этой же книжной ярмарке мы провели “круглый стол” “Писатель и книга в XXI веке”, где Чингиз Айтматов был почётным председателем.

***

Чингиз Айтматов вспоминал, как в далёкой молодости, после окончания сельхозинститута он работал зоотехником племенного хозяйства Киргизского научно-исследовательского института животноводства. Чтобы повысить удои молока, молодой зоотехник решил осуществить один смелый проект.

“Суть моей задумки заключалась в том, чтобы попытаться скрестить наших яков и заокеанских животных с острова Джерс, чтобы вывести новую высокопродуктивную породу, — пишет Чингиз-ага. — Моё обращение к руководству института получило понимание и поддержку. Я отправился в Ленинград, а оттуда в Гатчину, которая до революции была резиденцией русских царей. Во время Второй мировой войны почти весь племенной скот был привезён в Гатчину, откуда потом и отправлялся в разные страны. Бык той породы, которую я собирался приобрести, должен был адаптироваться к суровым условиям высокогорья. Ведь наши яки живут высоко в горах среди вечных льдов и снегов. Одна из целей задуманного мной эксперимента состояла как в повышении продуктивности молока, так и его жирности.

Яки живут только в Кыргызстане, Таджикистане и Афганистане. Самый большой их недостаток — мало дают молока.

Погрузив в Гатчине быка из Джерси в специально оборудованный для перевозки скота вагон, я пустился в обратный путь. Через десять дней состав наш прибыл на станцию Джамбула. Нас там встретили, погрузили быка на автомобиль и довели до фермы. Но теперь для проведения эксперимента нужно было привезти сюда, на равнину, 10-15 самок яков. На двух грузовиках мы отправились на Тянь-Шань. В те далёкие времена дорога до высокогорного Нарына была особенно трудной, перевал Долон с его крутыми серпантинами был опасен. Это сейчас трасса вся покрыта асфальтом, и ездить по ней одно удовольствие.

Именно тогда на этой дороге я впервые увидел большегрузный автомобиль с прицепом, который шёл в Китай.

Поскольку дорога была дальняя, мы заночевали на перевале. Гостиница была ветхой, видно, в своё время её наспех построили для дорожных строителей. Хмурая, рано постаревшая женщина молча засветила керосиновую лампу и стала стелить нам постели.

В большой комнате стояло несколько незанятых кроватей с продавленными сетками. В углу о чём-то бубнили два сильно пьяных шофёра. Моя кровать оказалась рядом с ними, и поэтому мне волей-неволей пришлось слушать их разговор по душам. Один из них, кстати, и оказался водителем машины с прицепом.

... Именно на самой вершине этого перевала и живёт моя любовь. Но она даже не смотрит в мою сторону, сильно я обидел её, — жаловался своему соседу по дорожной гостинице водитель грузовика с прицепом.

Ещё долго я не мог уснуть, невольно слушая эту пьяную исповедь о грустной и вместе с тем поучительной истории об утерянной любви.

Вот как часто бывает: случайная дорожная встреча подарила мне невольное знакомство с судьбой — историю, которая вылилась в повесть “Тополёк мой в красной косынке”.

А если вернуться к якам, то, образно говоря, они являются единственным связующим звеном, и по мифу, и по реальной жизни, Иссук-Куля с Тибетом.

Слово “топаз”, так кличут яка по-киргизски, имеет совсем противоположный смысл среди казахов вопреки тому, что это животное умнейшее, ибо оно стремится к горной высоте. Животное-труженик, во влажных глазах которого таится смысл жизни сыртов, а также многовековая мудрость высокогорных переходов из Тибета сюда, на берега Иссык-Куля, и обратно в Китай.

Скучаю по ним, и каждое лето спешу на высокогорный перевал и сырты, чтобы застать их вновь, угрюмо идущих по поднебесной тропе, держа широко раскинутыми рогами солнце-светило во славу этого божественного края.

Если говорить о моей книге “Тамга Иссык-Куля”, то она была бы далеко не полной без образа яка, без его величественной и неспешной поступи по высокогорному ущелью. Один из разделов моей книги называется “Фотопоэма “Небесное око Земли””. Если в прозе или в стихах можно что-то приукрасить или, наоборот, прийти к несоответствию, когда зазор между задуманным и воплощённым предательски увеличивается, лишая тебя творческого удовлетворения, то в фотоработах ты доверяешь своему взгляду на панораму Иссык-Куля, на тот или иной предмет ландшафта. Природа сама даёт ключи к показу прекрасного. И ты, покорённый её красотой, фиксируешь это, но фиксируешь, соизмеряя с чувством причастности к этому своего сердца, своей души, своего собственного взгляда на суть происходящего.

Исходя из этого, может быть, данный раздел моей книги наиболее удачен, ибо в сотворении его мне помогали сама природа Иссык-Куля и его ландшафт.

Здесь сквозь язычество туманов проступают камни вечности, на которых выбиты письмена и тамги-печати веков, здесь, в чаше Манаса, никогда не иссякнет божественная влага небес и горных вершин, здесь громадный кумай всплывает теке и архара, который является посланцем небес, где шорох космического щебня чередуется с шёпотом звёзд. И над всем этим сквозь тишину встаёт хрустальный воздух мироздания, вбирая и растворяя **воз** бытия на невидимом восхождении, вселяя и оставляя на пути своём неистребимый **дух** — дух Тенгри.

*Я просто пишу стенограмму,
И авторство мне ни к чему.
Но путь мой к небесному храму
Не повторить никому.*

***

— О Иссык-Куль, ты око земли. Ты всегда смотришь в небо. Обращаюсь к тебе, вечный, незамерзающий Иссык-Куль, чтобы стала известна мольба моя богу-вершителю судеб — Тенгри, когда он глянет сверху в твои глубины...

Чингиз Айтматов в “Плаче перелётной птицы”, опубликованном в 1972 году в “Литературной газете”, впервые в своём творчестве обратился к образу Тенгри. Культ Тенгри, как это ни парадоксально, далеко не языческое понятие. Культ Тенгри — это, прежде всего, первооснова ряда религий, это, собственно говоря, и есть религия. Тенгри — это синее небо, невидимое верховное божество, которому поклонялись тюркско-монгольские и тибетские кочевые народы.

А великое синее озеро, глядевшее оком в небо среди скалистых снежных гор, перекачивало воды в хмурых глубинах и бугрилось плотью живой — угрюгими мускулами больших, медлительных волн, возникающих и умирающих втуне. Озеро как бы потягивалось, собиралось с духом, чтобы грянуть ночью бурей. А пока над чистым озером, над его чистым простором, залитым весенним солнцем, всё так же высоко в воздухе роились, всё так же кричали во все голоса перелётные птицы, охваченные предчувствием сбора и скорого движения в новый путь по миру.

“Тенгрианство не имело пророка, не оставило явных письменных канонов, и поэтому момент его зарождения не вполне ясен. По наиболее распространённому представлению, оно сложилось как сумма древних обычаев, верований, культов предков, т. е. материального и духовного опыта алтаеязычных народов Центральной Азии во II тысячелетии до н.э. Понятия о небесном боге — Тенгри, Танир, Тангра, Денгере, Тура, Тейри существуют у всех тюркских народов, а также у монгол, бурят, калмыков, и, как это ни странно, под именем Тэнно — в японском синтоизме, под именем Тангароа — у полинезийцев, под именем Дингир — у шумер. Возможно, также китайское понятие Тянь-ди — небесный правитель, как верховное божество, и последующий культ неба, возникший в Китае в эпоху Чжоу в I тысячелетии до н. э., — заимствование культа кочевых племён.

В более или менее стройную религиозную систему тенгрианство сложилось в империи хунну. Из китайских источников известно, что вожди хунну ежегодно в 5-й месяц (по лунному календарю) в день летнего солнцестояния съезжались на большое собрание в свою летнюю резиденцию и приносили жертвы предкам, небу, земле, духам людей и небесным духам”³.

Чингиз Айтматов в “Плаче перелётной птицы”, в этой поэме в прозе, через образы матери Кертолго-зайип и её последыша Элемана во всей полноте раскрывает глубинную взаимосвязь ритуала тенгрианства с ландшафтом окружающего мира — побережьем Озера, обитателями Прииссыккуля, людьми, животными и высоко парящими птицами, которые, отзимовав у незамерзающего Озера, вновь готовятся к отлёту.

А мать всё молилась истово и яро:

— *Заклинаю белым молоком своим материнским, услышь, Тенгри, услышь мои слова! Мы пришли сюда, к оку твоему на земле — к священному Иссык-Кулю, чтобы к тебе обратиться, великий вершитель судеб — небесный Тенгри. Вот я, а вот рядом сын мой Элеман — мой последыш, больше уж мне не зачать, и не родить мне больше ни хорошего, ни худого человека, а прошу только, дай моему последышу дар отцовский — мастерство Сенирбая; он и сам уже к ремеслу его тянется... А ещё хочет он, последыш мой Элеман, хочет быть сказителем “Манаса”, как брат его Койчуман. Не откажи и в этом, а прежде всего и перво-наперво дай ему силу Слова издревнего, чтобы то Слово в душе приросло, как дерево корнями, чтобы сберёг он Слово, от предков к потомкам идущее, для детей и внуков своих, дай ему силу и дух могучий, чтобы память вместила в себя Слово предков с тех пор, как кыргызами стали они...*

Я мать троих сыновей, Тенгри, услышь мои мольбы, услышь. И просят тебя вместе с нами безъязыкие твари, что с человеком всегда заодно, — гончий пёс наш Учар, настигающий зверя любого, что по правую руку сына стоит, и рыжая кобылица гривастая, что ни разу ещё не прохолостила, что по левую руку стоит...

И хотя мать молилась негромко, вполголоса, чудилось Элеману, будто слова её разбежались, рассыпались и вдаль, и вищрь по всему озеру кликом жарким, заворачивающим, и чудилось, будто слова её отзывались тревожным и чутким эхом в горах окружающих: “Услышь меня, Тенгри, услышь, услышь...”.

И Элеман, спустя годы, вспоминая этот час мольбы матери на озере, будет плакать и отраднo, и горько, будет благодарить судьбу за то, что мать вымолила ему у самого Тенгри дар великого сказителя “Манаса”, за что имя ему дадут в народе — громоподобный манасчи Элеман. “Не знал он, что молодые годы его совпадут с лихими годами насилия ойратов, что людям придётся слушать “Манас”, скрытно собираясь в глухих ущельях, не знал он, что каждый раз,

³ Мурат Уали. Тюркские мотивы. Алматы: Гылым, 2009.

начиная с зачина “Манаса”, мысленно будет возвращаться к мольбе матери на Озере, давно уже убитой ойратами за сокрытие сына-сказителя, и потому в обретение духа величия, и ощущение красоты и глубины Слова предков, в котором воспета суть бессмертия народа. Не знал он, что именно ему будет написано на роду напоминать затаившим от страха дыхание людям “Манас”.

О кыргызы, о самом великом среди нас, о Манасе слушайте сказ.

От тех дней и до этих дни утекли, как песок, несчётные ночи, ушли чредой безвозвратной, годы ушли и века караваном в бесследные дали... В этом мире с тех пор сколько душ пребывало, сколько камней есть на свете, а может, и больше. Среди них великие были люди и безвестные были. Были добрые люди и злые. Силачи гороподобные были, батыры тигроподобные были, мудрецы всезнающие были, мастера всеумеющие были, народы многолюдные были, давно исчезнувшие, от которых остались теперь лишь их имена.

Что было вчера — того нет сегодня. В этом мире всё приходит и всё уходит. В этом мире только звёзды извечны, что правят свой путь при извечной луне, только вечное солнце извечно с востока встаёт, только земля черногрудая на извечном месте своём. А на земле только память людская живёт дольше всех, а самому ж человеку путь отмерен короткий — как расстояние между бровями. Только мысль бессмертна, от человека к человеку идущая, только слово извечно, от потомков к потомкам идущее...

От тех дней и до этих земля изменяла свой лик много раз. Там, где не было гор, горы возникли кряжистые. Там, где горы стояли, равнины сухие простёрлись. Там, где зияли овраги, ямы сровнялись, как тесто, там, где реки бежали, берега сомкнулись, как швы. А тем временем новые рвы и пропасти новые промыты дождями в толще земной. Где когда-то плескались моря голубые со дня сотворения мира, пустыни сыпучие ныне лежат в молчаливом пространстве... Города воздвигались, города разрушались, и на старые стены новые стены вставали...

От тех дней и до этих слово рождало слово, мысль рождала мысль, песня сплеталась с песней, был стала древним преданием. Так дошло до нас сказание о Манасе и сыне его Семетее, ставших твердыней кыргызских родов, ставших защитой от многих врагов...

В этом сказании воскресили мы голос отцов и дедов, в этом сказании услышим мы: птицы полёт в высоте, давно отлетавшей, топот копыт, давно заглушенный, крики батыров, в поединке сразившихся. Плач по погибшим и клики побед. В этом слове минувшая жизнь снова возникнет перед взором живых, во славу живых, во славу живых...

Так начнём же наше сказание о превеликом Манасе и доблестном сыне его Семетее — во славу живых, во славу живых...

И как в великом и бессмертном фольклоре разных стран и народов, птица плачем своим приносит печальную весть. И здесь сила и могущество Тенгри невидимыми воздушными волнами обволакивает приозёрный ландшафт, рождая в Озере мифические буруны и волны, рёв водопадов в глубоких ущельях, вой волка на всплывающую луну. И над всем этим вселенский плач — плач перелётной птицы. О резне и людском побоище на этой священной земле. И птицы крылами уносили свой плач всё дальше и дальше, всё выше и выше.

Мы летим, возносясь всё выше и выше... Так высоко, что горы становятся плоскими, а потом и совсем незаметными, и земля, удаляясь всё дальше и дальше, очертанья теряет: где там Азия, где там Европа, где океаны, где твердь? Так пустынно вокруг — во Вселенной безбрежной только шар наш земной, как верблюжонок заблудший в степи, тихо качается, тихо плывёт, ищет мать свою. Но где она, мать-верблюдица? Где мать всей земли, где

мать всей земли? Ни звука! Только ветер гудит, ветер пустынных высот, и тихо плывёт и качается земля с кулачок, земля с кулачок. Тихо плывёт и качается, точно сиротское, точно дитячье темечко — зыбка земля, зыбка земля. Так неужели на ней столько Добра вмещается, столько Злых дел прощается, столько Добра вмещается, столько Злых дел прощается? Нет, не надо прощать, нет, не надо прощать, молю вас, дьмы творящие, думы творящие, долю творящие!

“Плач перелётной птицы” — это, я бы сказал, не только высокоталантливое приложение к эпосу-энциклопедии “Манас”, это отдельная глава в древней и всегда молодой истории киргизского народа. Как и всё литературное наследие великого сына человечества — Чингиза Тюрекуловича Айтматова. Будем же достойны этого наследия — в своих чаяниях и помыслах, в своём поведении и в своих действиях, перешагнув порог нового столетия и нового тысячелетия.

***

Вместе с вступлением в третье тысячелетие человечество вступает в начальный период эпохи глобализации, во многом чреватой исчезновением ряда особенностей и своеобразия нашего многонационального мира.

Данный период глобализации, по ложному мнению большинства технократов, положительно скажется, благодаря цифровым технологиям, на дальнейшем развитии коммуникаций, нашего образа жизни и общественного сознания. Однако это далеко не так, как представляется на первый, чисто внешний взгляд. “Цифра”, разумеется, в наше время вбирает в себя буквально всё, включая многовековое достояние человечества — наскальную живопись (петроглиф), фольклор, этнографическое и мифологическое разнообразие мира. Одним словом, образуется некое “цифровое” общение мира, хотя всё это, на мой взгляд, должно нести в своей основе прикладной характер и всемерно способствовать “чувственному” и подсознательному восприятию нашего великого прошлого и окружающего нас прекрасного ландшафта. Помогать нам в этом, а не разрушать, когда в силу этой самой глобализации порождаются конфликты как между нациями, так и между людьми, а зачастую и внутри сознания одного индивидуума — Homo Sapiens.

В произведениях Чингиза Айтматова эти противоречия и парадоксы нашего бытия зачастую прослеживаются через образы и явления — порой хроникально чётко, порой подсознательным действием героев и персонажей повестей и романов.

Образ кочевника прошлых столетий сопрягается с образом кочевника с авиабилетом века нынешнего в эпоху естественного космополитизма, когда равнодушие нашего бытия можно разрушить и необходимо разрушать только осознанием корней своего прошлого, только осознанием своей неслучайности в этом “цифровом” мире.

Священное озеро Иссык-Куль является, на мой взгляд, своеобразным центром, где в разные века пересекались пути и устремления многих религиозных конфессий. Тенгрианство, буддизм, зороастризм, манихейство, христианство, мусульманство — всё это, идущее с запада на восток, а с востока на юг и север, в той или иной степени оседало на берегах Иссык-Куля — пещерными храмами, священными камнями, ступами и святыми деревьями, монастырями, синагогами, церквями и мечетями. Иссык-Куль — одна из прародин тюрков. Иссык-Куль — это Земное око Тенгри. Путь богов Тенгри, которые в своём количестве могут доходить до девяносто девяти, и на верхушке высокого дерева может отдыхать один из этих девяносто девяти, а также Матерь-Умай в образе перелётных птиц,

Тюрки познавали себя в других народах, а их веру и религии порою принимали в свою необъятную душу, и в большинстве своём не по своей доброй воле. Древний уйгурский народ за время своего многовекового пути пережил на своей судьбе целых три религии: тенгрианство, манихейство, мусульманство. И всё же вначале был Тенгри!

Быть может, в “Плаче перелётной птицы” и отчасти в “Прощай, Гульсары”, где многие страницы пропитаны и “дышат” духом Тенгри, начинается писательский поиск “богоустройства” мира, в рамках и тисках так называемого “соцреализма”, поиск “божественного” в личности человека.

Затем были (не считая печальной сказки “Белый пароход”, хотя и там проступает тенгрианское начало в образе Рогатой матери — оленихи) “Пегий пёс, бегущий краем моря”, романы планетарного звучания “Буранный полустанок” и “Плаха”. И даже относительная неудача писателя — роман “Тавро Кассандры”, но это творческая неудача Мастера.

Чингиз Айтматов не раз возвращался к образу Абуталипа Куттыбаева, даже когда прошло свыше двадцати лет после издания романа “Буранный полустанок”. И в своей вставной повести “Белое облако Чингисхана”, и в “Препоручение Богу...”.

И это после того, что уже годами устоялось в многомиллионных читательских умах, буквально обжигая души образами и действием романа.

Словно искал дальнейшего соответствия прошлого к настоящему, реального к божественному, соизмеря однажды уже воплощённый замысел романа с теми переменами не только общества, но и каждой личности в отдельности, когда мы действительно “препоручаем” Богу свои помыслы, страдания и надежды.

***

Чокан Валиханов впервые в истории Евразии ввёл в научный обиход термин “тенгрианство”, был первым учёным-тенгрианцем. Сам образ его мыслей и его научные комментарии к фольклорным преданиям свидетельствуют об этом. А Олжас Сулейменов в своей знаменитой книге “Аз и Я” на академическом уровне озвучил это понятие, естественное для нас, тюрков, но в большей степени чужеродное для представителей евроцентризма, хотя уже тогда было широкоизвестно, что 25 ноября 1893 года датский рунолог Вильгельм Томсен впервые выделил из текстов орхонских надписей первое слово — Тенгри.

Тюрки и Тенгри, говоря поэтическим языком, рифмуются по древности своего возраста, по духу и восприимчивости окружающего ландшафта и мира, по быту, обитанию и кочевому укладу жизни.

Нет тайны, непонятной Тенгри, утверждает в своей книге “Тюркские мотивы” Мурат Уали, нет помысла, неизвестного Тенгри, поэтому все свои желания и стремления человек должен согласовывать с верой в бога Неба.

Кочевники жили в единстве с окружающей природой, в соответствии с природными циклами, пользовались её дарами и внимательно наблюдали за её явлениями. Они заметили, что в природе нет смерти или конца. Солнце умирает и вновь рождается каждый день. Луна умирает и снова рождается через месяц. Трава и деревья умирают осенью, но вновь рождаются и зеленеют весной. Животные заползают в норы на зиму и выползают весной. Отсюда вытекает главная идея тенгрианства — о бессмертии природы и жизни. Мир создаётся заново каждое утро, каждый месяц и каждый год. Смерть человека в тенгрианстве воспринимается как длительный сон. Уснувший когда-нибудь обязательно проснётся и воскреснет, захочет есть и пить, поэтому

в могилу обязательно клали чаши с кумысом, зарезанных баранов, коней, личное оружие и вещи. Кроме того, необходимо было проводить пышные поминки. Души “уснувших” ещё 40 дней обитают в Срединном мире и наблюдают за действиями родственников. Чем пышнее и богаче поминки, тем спокойнее и добрее аруах умершего. Если поминки недостаточно правильны, он становится беспокойным, не может попасть в Нижний мир и даже может вредить родственникам. Этот древний обычай сохраняется ещё со скифо-сакских времён. Конечно, со временем эти традиции перестали пониматься буквально, а стали символом бессмертия человеческого рода, человеческого духа и преемственности поколений. Традиция почитания духов предков обязывала тюрков знать свою родословную до седьмого поколения, и подвиги дедов и их позор. Каждый мужчина понимал, что и его поступки будут также оценивать семь поколений. Ложь и предательство, отступление от клятвы воспринимались ими как оскорбление естества, следовательно, самого Божества.

***

Начиная с весны я невольно считаю и пересчитываю дни до недалёкой встречи с Иссык-Кулем. Три года тому назад я взял с собой рукопись нового перевода первого тома эпопеи Мухтара Ауэзова “Путь Абая”, чтобы вычитать уже в целом отредактированную рукопись, а затем, перед сдачей в типографию, завершить контрольную читку в Алматы, вместе с Муратом Ауэзовым, президентом Международного фонда Мухтара Ауэзова.

Уединившись среди кустов арчи-можжевельника, я под шелест прибрежных, едва слышимых волн, погружался в образы, сюжеты и действия романа-эпопеи гения казахской словесности Мухтара Ауэзова. И так, день за днём, вечер за вечером. А глубокой ночью, глядя на огоньки противоположного берега, мысленно находил среди них и огонёк дома-музея писателя, который расположен в Чолпон-Ате. И этот немеркнущий свет вёл меня по страницам, заставляя сверять новый перевод с переводом эпохи соцреализма, который был произведён при его непосредственном участии и наблюдении, при его консультациях, доброжелательной оценке удачных переводных текстов и резком неприятии небрежности или вольности переводчика. Это всё известно и читателям, и специалистам литературного наследия Мухтара Ауэзова. Это всё известно из пятидесятитомного Полного собрания сочинений, издание которого завершается в моём издательском доме “Жибек жолы”.

Каждый новый художественный перевод продиктован в первую очередь велением времени. Каждый новый художественный перевод классики мирового порядка должен, на мой взгляд, переводчика и издателя, вбирать в себя два основных качества. Первое, чтобы перевод при художественном соответствии оригиналу, включая нюансы и оттенки, был в своей основе качественно лучше предыдущих переводных вариантов, а во-вторых, чтобы сам переводчик, будучи профессионалом и мастером, найдя “интонационный ключ” переводимого автора, обогащал произведение средствами своей творческой мастерской, однако прячась за образы и действия, всё больше погружаясь в глубины повествования, не выдавая свой оригинал письма за художественный перевод.

Известному русскому писателю Анатолию Киму в очень краткие сроки удалось это сделать и совершить, в отличие от предшественников, “обыкновенное чудо” художественного перевода. И в этом ему помогли авторы подстрочного перевода Кайсар Жорабеков и Мухтархан Тнимов.

О достоинствах нового перевода справедливо говорили многие специалисты творчества Мухтара Ауэзова, писатели и поэты, литературоведы и критики, читатели и почитатели эпопеи, которые в трёх поколениях были до этого знакомы с первым переводом, осуществлённым А. Никольской, Л. Соболевым, Т. Нуртазиным, З. Кедриной, Н. Ановым.

О недостатках, а они неизбежны при любом переводе, пусть даже наиболее удачном для настоящего времени, скрупулёзно и аргументированно писал «казахский немец» Герольд Карлович Бельгер, в целом положительно оценив этот титанический творческий труд писателя и переводчика А. Кима.

В издательском доме «Жибек жолы» вышла не только эпопея «Путь Абая» в новом переводе в четырёх томах. Вышла также очень плотная по мысли и суждениям книга Г. Бельгера «Жизнь-эпопея», посвящённая памяти Мухтара Ауэзова, где дан развёрнутый анализ нового перевода на русский язык. И надо отметить то, что анализ дан без каких-либо упрёков или обид, которыми зачастую грешат наши литераторы, без каких-либо нападок на автора перевода, всесторонний анализ дан отстранённо, с чувством собственного достоинства мэтра переводческой школы Казахстана, России и Германии. Во всём этом есть и остаётся на перспективу, я бы сказал, дискуссия и спор «хорошего с лучшим». Во всём этом меня радует то, что в настоящее время однозначно наступает своеобразный ренессанс нашего культурного наследия, в результате чего образуется и само наследие культуры. Ренессанс научного, литературного и творческого наследия Чокана Валиханова, Мухтара Ауэзова, Чингиза Айтматова. Для них, и в жизни, и в творчестве, Иссык-Куль всегда вносил гармонию личности и окружающего ландшафта, то самое состояние души, без которого нет ни творчества, ни созидания, ни самой жизни.

... А огонёк с противоположного берега светил и светил, не угасая, соизмеряя свой свет со светом звёзд, которые, как всегда, близки и почти доступны на берегу Иссык-Куля, среди горных, заснеженных вершин Тянь-Шаня.

В том самом Доме-музее Мухтара Ауэзова в Чолпон-Ате, в том самом доме, который когда-то был творческой дачей писателя, Мухтар Омарханович Ауэзов сердечно признался в своей любви к этому божественному озеру:

*До чего же я люблю Иссык-Куль!
Как легко и свободно дышится рядом с ним!
Если бы можно было вновь родиться,
Я бы выбрал здешние места.*

***

Многие и многие из писателей, поэтов, литературоведов-критиков, журналистов и просто читателей не раз встречались и имели счастье беседы с Мастером. Общеизвестны научно-исследовательские работы по его многогранному творчеству, литературоведческие статьи по рассказам, повестям и романам, вышедшим в разных странах и на разных континентах. Его диалоги и интервью полны созидательных мыслей и суждений, они актуальны были и при жизни писателя, они актуальны и сейчас, в наше плотное, противоречивое, поистине судьбоносное время, в Бишкеке, Оше, Джалал-Абаде, на Иссык-Куле и далее по миру — до Японии, где живёт главный герой моей повести «Тамга Тас» Мияно Ясуши.

О таких людях, каким являлся Мастер, говорят, что достаточно прикоснуться к нему, как почувствуешь его святость.

Диалоги с Расулом Гамзатовым, с Куртом Воннегутом, Хейнцем Плавиусом, Николаем Анастасьевым, Федерико Майором, Дайсаку Икэда...

Беседы с Г. Гачевым, Г. Атрыаном, М. Салганик, В. Коркиным, И. Ришиной, О. Сулейменовым, М. Шахановым, Ф. Медведевым, Г. Шалахметовым...

Статьи и отдельные издания книг о Мастере Е. Озмителя, Н. Потапова, К. Асаналиева, Р. Рахманалиева, опять же Георгия Гачева, который, подписывая мне свою книгу “Чингиз Айтматов и мировая культура”, зачеркнул союз “и”, вместо него написав “в свете”, ибо у него в рукописи значилось “Чингиз Айтматов в свете мировой культуры”. Казалось бы, что одни и те же слова, но, к сожалению, нет того самого света, без которого немислимы ни авторская позиция, ни литературные персонажи Ч. Айтматова, да к тому же союз “и” здесь выступает не в роли объединительного начала, а сугубо в противостоятельном аспекте, что в определённой степени несёт в себе и оскорбительный оттенок по отношению к автору, к его главному предмету научно-литературного исследования, да и к читателям этой книги.

У меня было всего несколько встреч с Мастером в реальной жизни — в Бишкеке, Алма-Ате, Москве, Париже. И постоянные встречи с ним и с его литературными героями при чтении его произведений глазами и по памяти, ибо всегда есть “кастальский ключ” понимания, как писал Рей Брэдбери: “Когда спросят нас, что мы делаем, мы ответим: мы вспоминаем. Да, мы память человечества, поэтому мы в конце концов непременно победим!”.

Последняя моя встреча с Мастером была в ноябре 2007 года. На юбилее поэта и драматурга Нурлана Оразалина. Буквально неделю тому назад московская “Литературка” опубликовала цикл моих стихов “Тамга Иссык-Куля”. Мастер сказал, что читал этот номер “Литературной газеты”, находясь в салоне самолёта. Больше других стихов ему пришлось по душе мои “Манасчи”.

— Чон болосын, баскалар кичи! — одобрительно произнёс он строку из этого стихотворения. — Чон, чон...

***

А через полгода его не стало. SMS-сообщение из Москвы, словно бы горестный вздох небес, пробудило среди глубокой июньской ночи — умер Айтматов.

Я тихо разбудил Мурата Ауэзова, который приехал по делам из Алматы и отдыхал в соседней комнате моей астанинской квартиры.

Мы до утра просидели на кухне, встречая предутренние сумерки, а затем и раннее утро.

Первое осиротелое утро без Мастера.

Вспоминали образы и персонажи его литературных произведений.

От пегого пса, бегущего краем моря, до иноходца Гульсары.

От девочки Алтынай до Найман-Ана.

От ранних журавлей до плача перелётной птицы.

От волчицы Акбары до Рогатой матери-оленихи и верблюда Каранара.

От учителя Дюйшена до Абуталипа.

От мальчика Эрмека до старика Момуна, табунщика Танабая, дорожного обходчика Едиге Буранного.

От белого парохода своего детства до манкурта Жоломана...

Вспоминали себя.

Сергей МНАЦАКАНЯН

“Дышать землёй и небесами...”

***

Вот чудесная женщина, но у неё
нет уже никакой перспективы,
хоть крахмально хрустит кружевами бельё
и глазища смертельно красивы.

Вот мужик, молодой и вполне деловой,
полон силы и полон надежды,
он и знать не желает о том, что его
расстреляют в субботу в подьезде...

Незаметно реальность меняет черты,
поражая своей простотою,
и уже ты стоишь у *последней черты*,
а скорее всего — за чертою...

***

... И я её листал,
ошупывал ладонью
снег, белый на бетоне
и серый, где металл...
Листал, но не устал
от чёрно-белой жизни —
здесь грубый дым витал
над трубами отчизны.
Недаром сердце радо,
что в сумерках летит
ночного снегопада
застенчивый петит.
По деревьям — курсивом,
по крышам — прописным,
был снег над домом — синим,
у окон — золотым...

**Сергей
Мигранович
МНАЦАКАНЯН**

— поэт, коренной москвич. Автор поэтических книг, вышедших в России, Армении, Казахстане. Лауреат ряда международных литературных премий. Живёт в Москве.

Был розовым — над красным
 подфарником такси,
 а в общем — был прекрасным
 от века на Руси!
 Зима сырую вёрстку
 оттиснет нам свою,
 а я без шапки, просто,
 под вьюгой постою.
 И в этой книге снежной
 вычитываю я
 о снах любви нежной,
 о власти бытия...
 Прозрение и навык,
 безмерность и предел,
 и — парочку поправок
 к той книге углядел.
 И посейчас листаю
 её, объёмом в жизнь, —
 всё тоньше мгла ночная
 сквозных её страниц...

Энцефалитная баллада

Энцефалит... Какие муки,
 когда отказывают руки
 иль отнимается язык...
 Неповоротливый мужик
 хмелён сильнее, чем от пьянства,
 и голосит, как соловей:
 галлюцинации толпятся
 в косматой тёмной голове...
 ... А Коля Сидоров — влюблён:
 его любовь строга и свята:
 она работает в санбате,
 ефрейтор срочной службы он.

Их чувство трепетно, как верба, —
 они поженятся, наверно,
 а после купят патефон
 и, почитая жизнь за благо,
 начнут внимать с открытым ртом
 Вертинскому, а также Баху, —
вернёмся к музыке потом!..
 Они томятся, где берёзы,
 в преддверье часа своего,
 и между ними — *грубой прозой* —
 ну, одним словом, ничего.
 О, два влюблённых обормота!
 Но с милою случилось что-то:
 раз! — гимнастёрку рвёт с плеча,
 а под соском тугим, как почка,

как родинка — набухла точка
энцефалитного клеща...
И Сидоров, почти крича,
кривился, прижигая спичкой
лиловое клеймо клеща
на теле молодой медички.
Он мог руками гнуть подковы,
но совладать с собой не смог:
тяжёлый дух огня и крови
его качал, сбивая с ног!
Он, зубы стиснув, трепетал,
касаясь девичьего тела, —
над ними облако летело,
а в облаке ревел металл!

Пилот впивался в облака
на реактивном самолёте,
и в мире не было греха,
как вы его ни назовёте.

И В МИРЕ НЕ БЫЛО ГРЕХА —
качались сосны подвенечно,
вцепилось солнце в облака,
как клещ, багровое под вечер!

Косматый монолог

Я — лес, где бродит старый лось
разочарованным монахом...
Я — синим инеем оброс,
я обрастаю мхом и мраком.
В снега вмурованный до пят,
стою — и не пошевелиться,
когда в моей груди храпят
берлоги, вьюги и волчицы...
Но я — почти как человек —
люблю, страдаю, ненавижу
и сны порой такие вижу,
каких не видеть бы вовек.
И — всё, и больше ничего
под пологом большого неба:
в моих глазах черным-черно
от чада мартовского снега.
Весна, избавь от слепоты,
даруй прозрачность и прозреньё, —
пусть плоть мою пробьют цветы,
приобретая оперенье...
И вскорости наступит час,
когда сорву я, словно ставень,
размокший чёрный снег с проталин,
раскрыв зрачки огромных глаз!

И запримечу, как далёк
во мгле моей архитектуры —
седой навязчивый дымок,
заиндевелые фигуры...
О чём я думаю в тиши,
когда в меня приходят люди
и реактивным рёвом будят
окрестности моей души?
О том ли, что мы все — родня, —
и из меня когда-то вышли,
тепло звериное храня,
людские облики и мысли...
О чём смолкают у костра
и о каких томятся славах
солдаты, непогодь коря,
в объятиях теней костлявых?
О чём они в ночи кричат,
стуча своими топорами...
И — ствол напрягся, как рычаг,
раздвинув облака над нами!
А люди — в стороны, бегом
рванулись, чтобы не примяло
кого-то кроною, битком
набитой клочьями тумана...
Один из них из-под ветвей
полез, качнул мохнатой чёлкой,
крича примерно так: “Сергей,
отсыпь-ка чуточку махорки!”...

Танго

Она приглашала на танец
подругу... Ау, мужики!
Зачем вы у стенки топтались
и не протянули руки?

Но славно, чудесно и шатко,
качаясь в сетчатке зрачка,
кружилась впотьмах танцплощадка
окраинного городка.

И только лишь нежная мука
её омрачала чело,
с подругой кружилась подруга,
и вроде бы всё ничего...

Такая за окнами вьюга
шуршит подвенечной фатой,
с подругой танцует подруга,
кручина в обнимку с тоской.

Вцепиться спасительно в руку,
метнуться в людской хоровод,
по кругу, по кругу, по кругу
подругу подруга ведёт...

И в этом с лихвою печали
и столько надежды зазря,
что словно безмолвно кричали
о чуде хмельные глаза...

И женское это моление
о нежности и о судьбе
вменяется как преступленье
мужчинам на Страшном суде.

***

В этой заводи замерло Время —
прервался его яростный ход,
оседаая над соснами немо, —
и железом вода отдаёт...

Захолустье. Провинция. Север,
Звездопады на ощупь острей.
Щекоча — прижимается клевер
к честной замше лосиных ноздрей.

А над заводью — птичий ли присвист,
неразумный сквозняк ли шуршит,
у воды металлический привкус —
здесь железное Время стоит...

Правила игры

1

Принимая правила игры,
начисто запутался в тенётах,
отношениях, пружинах, нотах,
рычагах, но это до поры.
Потому что правила игры
всё-таки меняются, конечно,
ведь любые правила невечны,
если в мире рушатся миры,
а любые игры — до поры.
Одурев от правильной мурсы,
пожалей, что эти игры принял,
пожалей, что сразу не отринул
временные правила игры...

2

Отвергаю правила игры,
раз они придуманы не нами...
Сами, понимаете вы, сами
создавайте правила игры.

Вы уже достаточно мудры,
чтоб не обольщаться чудесами,
чтоб дышать землёй и небесами
и не верить в правила игры.
Ибо главное в любой игре —
это не погода на дворе
и не то, что проклинал и славил:
это то, чему названья нет,
что никак не втиснется в сонет, —
это исключения из правил.

Сонеты к Армении

1. История

Страдалица с прекрасными глазами,
за тыщи лет истории твоей
цари и государства исчезали,
а ты спасала книги и детей...
Раскатывала тесто мирных дней
и от страданий смертно голосила:
невыносима пытка геноцида —
нет в мировой истории страшней.

Я выхожу в вечерний сумрак твой.
С гранитного хачкара, как живой,
в седую тьму истории взовьётся
святой орёл, но с львиной головой,
и вьётся виноградную лозой
языческое кружево Маштоца*.

2. Зимняя лоза

Её зимой закапывают в землю,
чтобы не вымерз виноградный сад,
когда взметнётся горный снегопад,
как бы хвативший ледяного зелья...

Я тоже холод участи приемлю
и, с головой уйдя в житейский ад,
из-под снегов возвышенному внемлю
и будущему несказанно рад...

Да, только так, а иначе — нельзя!
Давай смотреть грядущему в глаза —
оно летит, из будущего эхо,

---

*Месроп Маштоц — создатель армянской письменности (V век н. э.).

да, только так, как горная лоза,
живая и упругая, скользя,
веками прорастает из-под снега...

***

Похмелье неизвестного поэта
с забвеньем неизвестного солдата
сравнил бы я, но нет в душе ответа,
что это будет понято когда-то.
И я вернусь к метаниям поэта,
знакомым мне до искреннего мата,
которым душу покрывают где-то
соседи у пивного автомата...
По части кайфа и по части лайфа
мы чемпионы мировых столиц,
ну а поэт — он не поклонник драйва:
в его душе неслыханная мета:
метафора — как амфора! — стоит,
а амфора, как женщина, раздета.

Мемуары

Пальтишко на рыбьем меху —
зато беззаботная юность!
Я думал — всё в жизни смогу,
да только не так обернулось.

Зато от души воспою,
как утром поскрипывал гулко,
вращая житуху сию,
коленчатый вал переулка.

В том богом забытом дворе
среди алкоголя и мата,
как в некоей чёрной дыре,
до боли вселенная сжата...

Весёлых страстей змеевик!
Случайных соитий реторта! —
где — было! — похмельный мужик
отчаянно драпал от чёрта!

Здесь умер юродивый вор
и благоустроены свалки,
но всё же да здравствует Двор —
фискалы его и весталки.

От этих времён — ни гугу.
когда же они миновали,
оказывается — я в долгу,
а время писать мемуары...

Панихида

Памяти В. Ш.

Он не даёт покоя мне:
нет непреложнее — вполне
того трагического факта:
друг умер в дальней стороне,
внезапно рухнув на стерне
от соловьиного инфаркта...

Он в мире прожил сорок лет,
в душе бродяга и поэт,
а по призванию — литератор,
он был воистину как мы:
исчадь истины и тьмы,
сомнительный журнальный автор.

Мы были с юности дружны,
но жизнь, метанья, две жены
встревали в пониманье клином,
и каждый шёл своим путём,
и переломанным крылом
жизнь трепетала журавлиным...

Стояла летняя жара,
но в зале, где он спал с утра,
струился запредельный холод...
Венок, венок, ещё венок,
и на подушечке у ног
зачем-то орден был приколот.

Когда покойник был здоров,
тот орден вызвал бурю слов:
ухмылки, сплетни, кривотолки...
О чём же это говорит?
Что и храня солидный вид —
писатели отчасти волки.

Итак, он возлежал в гробу,
и на его спокойном лбу
уже яснее отражались
его сомненья и мечты,
сквозняк любви и суеты,
и это вызывало жалость...

К тому, что пройден бранный путь,
и больше не вдыхает грудь
смесь дыма, воздуха, бензина,
что выпорхнула, трепеща,
на волю скорбная душа,
а с ней надежды, вера, сила.

Он был мне друг, почти что брат,
в его душе клубился ад
надежд несбыточных и страсти
к той жизни, жгучей, к той, земной,
что суетится в этот зной
и тихо произносит: “Здрасьте!..”

Толпа переполняла зал,
чуть затемнённый, как вокзал.
Народ пришёл на панихиду.
О, человеческая моль! —
так мог бы молвить прокурор,
но в этом не ищи обиду.

Пришли давнишние друзья,
чья горемычная стезя
с его тропой пересекалась,
стояли родственники с двух
сторон, переводили дух
и ненависть в очах металась.

Об этом больше ни словца,
но так устроены сердца,
что даже у родного гроба
их разрывает на куски
от неприязни и тоски
счетов невысказанных злоба.

Мир непростительно суров.
Не говоря напрасных слов,
у гроба замерли коллеги...
Мы все встречаемся раз в год,
покуда смерть не позовёт
погоревать о человеке...

И панихида началась,
а он, не открывая глаз,
как будто слушал напряжённо
всё то, что сказано, и не-
досказано в той тишине
у траурного микрофона...

Последний акт, прощальный миг
и драматический тупик
литературной панихиды,
всё в мире тлен и трын-трава,
но не о том жуют слова
разумные эфемериды...

Ну что ещё прибавить тут?

Как плачут и как гроб несут,
венки везут на катафалке,
и душу рвёт, что от всего
не остаётся ничего:

.....
2-3 кладбищенских фиалки
.....

июль 1986-1991-2002

Степные стихи

Полынные пространства Казахстана,
где наподобье войлочной кошмы
свивается с материей тумана
растрёпанная шерсть волнистой тьмы.

Ещё закрыты зимние кошары,
но только чабаны уже не спят,
и жёны их закутывают в шали
новорождённых розовых ягнят.

Колючие языческие степи,
здесь в слове “огнь” обозначался “бог”,
пока неразмыкаемые цепи
на правоверных не надел пророк.

Но здесь — восток, и все дороги света
сплетались здесь, тянулись и рвались,
да, было так, но минуло и это,
как время славных некогда столиц...

И только вновь горчит полынь Востока,
и жизнь идёт, и мы стоим на том,
а время беспощадно и жестоко
нам указывает в сумраке перстом —

в космические степи, где понуро
верблюды на горбах влачат рассвет
и воют над бетоном Байконура
турбины огнедышащих ракет...

Смешался дым с зарёю небосвода —
ревут мильоны лошадиных сил,
и снова спутник от Земли уходит,
врываясь в равновесие светил...

Он ломится в распахнутые выси,
антенной, как уздечкою, звеня,
ревущее дитя мольбы и мысли,
и на дыбы взвывает времена...

Восточный базар

Бахытжану Канапьянову

Когда, как бы отмечены Аллахом,
чуть светятся кишмиш и курага,
топор взлетает над мясным прилавком,
от туши отделяя потроха...

Кипят, как лава, рыночные страсти
в круговороте выходного дня,
и разрубает на четыре части
мясник литую голову коня...

А очередь застыла у прилавка —
и умиротворилась эта давка.
Под сапогом темнеет кровь, как грязь.

Ревёт базар. Грозит дороговизной.
И смотрит с непонятной укоризной
прекрасный мёртвый чёрно-синий глаз.

Нерест

Ты говорил о любимой реке
и об отчаянной доле лосося, —
верная снасть, как пружина в руке,
горечью тянет в зубах папираса.
Оттепель! Север! Старинным путём,
мордой сдвигая коряги и глыбы,
против течения идут напролом,
в кровь обдираясь, красные рыбы.
Нерест! Царапая небосвод
хребтами колючими в мраке синем,
рыбина к рыбе — впритык, хоть вброд
переходи по шершавым спинам...
Но метод хождения по водам
нынче не в моде, мой друг любезный,
лучше застыть, как у входа в храм,
над опрокинутой звёздной бездной.
Блещет чеканная чешуя —
что, как не это, вовек свобода:
выносить в сумерках бытия
тайную страсть продолженья рода.
Против течения, против волны —
это ли, вправду сказать, не ересь?
Это — на гребне речной весны
северный ветер, суровый нерест.
Я тоже там был, **но о том смолчал** —
зачем толковать о величье духа,
с которым живое таит печаль,
когда острогою распорото брюхо?
Я тоже там был — под дымами костра,
под небом, текущим в озёра сиро,
под звёздами — крупными, как икра
вечности в миг сотворенья мира.

Фёдор ФАТИН

“Ватные” рассказы

Хлопок — это вата.

Чёрт бы её побрал, эту вату. И, конечно, это совсем не вата. Вообще-то хлопчатник — это низкорослый кустарник с плодами-коробочками, из которых при созревании начинает вываливаться совершенно белая пушистая масса. Тут и подключаются люди. Идут процессы. Различные переработки. И получается в конечном итоге то, что мы называем ватой.

Хлопковые коробочки снабжены Всевышним шипами на верхних краях, для того, чтобы студентам было труднее выковыривать из них хлопок. Бог с лихвой позаботился о нас. Всё предвидел и предусмотрел, возводя на нашем пути препятствия и преграды. Мог бы ведь просто придумать огромное дерево, на котором произрастало бы две-три коробочки, и по мере созревания вываливалось бы из них по семьдесят килограммов ваты. Так нет. Коробочки величиной со сливу дают хлопка с гулькин нос, и ты ходи по рядкам, выщипывай ватные кусочки до упаду. Или в лучшем случае, если повезёт, собирай уже с земли вывалившееся “белое золото”. Мы прозвали такие залежи “сливками”, что, как мне кажется, очень точно отражает и суть, и внешнюю форму.

Потому и получается, что для ботаников это хлопок, для государства — белое золото, а для нас всех — студентов вторых курсов средних учебных заведений, прибывших в самый отдалённый уголок Чимкентской области для отбывания трудовой повинности (в студенческих кулуарах звучит — трудармия) — это вата. Вид которой и по сегодняшний день больше раздражает, нежели завораживает своей лёгкостью и снежной белизной.

Раздражение рождается в первый же день и не на пустом месте. Кто не работал на хлопке, тот не поймёт. Злость берёт при первом же инструктаже, когда местный ленивый житель, не желающий сам собирать дары южных полей, в тюбетейке набок и с тросточкой в руках, начинает с акцентом разъяснять, как собирать хлопок, где и, главное, — сколько за световой день.

“Ви долъжни в етот бьелый мишок собирать хлѣпок и носить к весам. В каждый мишок по пять-сьемь кияграмм. Много мишков, — он растопыривает пальцы на руках чуть ли не веером. — Десять по сьемь кияграмм. Кто хорошо работать, тот премия получает. И ищѣ домой ранше ехать. На паравоз. Ту-ту!” — здесь толстомордый лектор жизнерадостно смеётся, одновременно поправляя съезжающую тюбетейку и обнажая неровный ряд редких зубов. Акцент, как и сам джентльмен, раздражает.

Фёдор ФАТИН

родился 21 января 1963 года в Алма-Ате. Закончил энерготехникум. Армейскую службу проходил в Забайкалье. После демобилизации работал электриком, затем продолжил военную службу в погранвойсках в качестве комсомольского работника. Заочно обучался на юридическом факультете КазГУ. Впоследствии работал в сфере образования. Ныне проживает в Германии.

В “Ниве” публиковался в 2001, 2002, 2006 и 2007 годах.

Автор сборника стихов “Приходит грусть издалека...” (2009).

Акцент азиатский, похожий на грузинский или армянский с городских базаров, но и напоминающий, исходя из трудармейской ситуации, немецкий. Как в книгах или в кино про Великую Отечественную. Принудительные работы, распорядок дня концлагеря. Надсмотрщики и погонщики. Даже прикрепленный милиционер в форме, что по ночам, когда он бродит по баракам с ярким фонариком, очень похожа на форму эсесовскую. Его повадки и отношение к нам — соответственно такие же.

Но вернёмся к нашим баранам.

Нужно собирать ни много ни мало — 70 кило с рыльца студенческого. Которое и так, как известно, в пушку. Хитрое и ненасытное. Даже если перемножить эту бессердечную норму на сорок дней, исключая воскресенья и несколько дней дождливой погоды, и то получится почти три тонны на студента. Какой-то лесоповал. Еда — пайка. Работа — норма. Шаг в сторону — наказание. Расстреливать, слава богу, никого не расстреливали, хотя и грозился всё тот же нерусский милиционер.

Хлопок, хлопок — везде и повсюду. И норма, которая снится по ночам. Мой друг Валерка Парамонов, например, так усердно однажды во сне рвал колючие коробочки, приближаясь по показателям к стахановскому рекорду, что поутру обнаружил изорванный в клочья, до непригодности, отворот своего спального мешка.

Норма, заданная нам администрацией совхоза и нашего энерготехникума, корёжила психику и заставляла идти на всяческие ухищрения.

Семьдесят килограммов полновесной ваты. Жесть! Ваты лёгкой, как пух. Что мы только ни придумывали для её утяжеления, для превращения ваты в свинец, нарушая тем самым все физические законы и удельные веса по таблице Менделеева.

Если бы великий химик собирал в студенческие годы хлопок, то вряд ли придумал бы всю эту замысловатую таблицу с характеристиками металлов, газов и прочее. Уборка хлопка прочищает мозги почище брандспойта.

Мы умудрялись даже мочиться в мешки с собранным хлопком, чтобы придать ему нормальный, по нашим понятиям, вес, сокращающий время ползания на карачках меж глинистых рядков, перетянутых к тому же, как на передовой, множеством нитей колючих и приставучих сорняков.

Забалтывая приёмщика, мы усердно и с независимым видом нажимали ногами на весы в момент взвешивания, работая в этом случае парами. Закручивали в мешки тяжёлые камни по углам, а потом во время ссыпа в общую кучу крепко держали мешок за концы, чтобы камни, не дай бог, не вывалились сверху собранного хлопка, грозя привести в бешенство местных погонял.

Под пулемётными взглядами надзирателей ползли через линию фронта на соседнее поле, переplывая, между прочим, ров с водой и улучшив момент, когда местные жители, что работали по соседству, уходили на обеденный перерыв, воровали хлопок из огромных ватных курганов, набивая и утапывая заранее приготовленные мешки.

Нападали на загруженные под завязку собранным хлопком трактора поздно вечером, когда они медленно двигались от совхозных полей к центральной усадьбе, напихивая ненавистным хлопком все сэкономленные мешки и пряча их в придорожных зарослях. Утренняя роса и влажность соседних рисовых полей делали их к завтрашнему дню ещё веселей.

Фантазия работала только в одну сторону. Мало кто помышлял среди нас о настоящем и бескорыстном труде. Не мудрено, что, рапортуя о сдаче

миллионов тонн “белого золота” государству, совхозы путались в своей же бухгалтерии. Фактическая цифра ощутимо отличалась от победных рапортов. Кроме повального воровства и приписок был ещё и студенческий труд. А значит и изощрённые авантюры, и ловкие аферы.

Но были и передовики коммунистического бесплатного труда. Из наших двух групп, живущих в одной казарме с двухъярусными деревянными нарами и печкой в углу, таких было только двое. Наш отличник Барков и болезненно трудолюбивый Казаков из параллельной. Остальные были нормальными людьми.

Полуузбек ещё вещает. А армия студентов уже стоит напряжённая, с виду готовая к свершению трудовых подвигов, к работе в поте лица и до потери пульса. Но совершенно не готовая к сбору ваты в количестве 70 килограммов на бедную и уже голодную душу, ежедневно.

Как говорят бывалые солдаты: кто не был — тот будет, кто был — не забудет (в нашем случае 49 ватных дней).

Всё было за эти полтора месяца. Всё — это значит всё! И ад, и рай полусамостоятельной, но и полусвободной жизни. Была забастовка на 7-е ноября, когда нас вывели на работы, презирая тем самым Красный день советского календаря. Были три или четыре дня проливных дождей, когда хлопок собирать было нельзя, и мы томились в своих казармах от безделья и тоски. Играли в записочки с девчонками из соседнего барака. Дружили не видя друг друга, посредством листочков мятой бумаги в клеточку и почтовых агентов. Была одна баня за все сорок девять дней изнурительной работы. Были работы по ночам на кухне для отстающих в социалистическом соревновании. Это кто собирал ежедневно менее сорока кило злополучной ваты. Были побеги в соседние сёла за пряниками, сигаретами и вином. Поимки и карцеры. Были имитации различных заболеваний — от дизентерии до радикулита. Были набег на соседнюю молочно-товарную ферму сразу после ночных работ на кухне. Парное молоко в сорокалитровых бидонах — что может быть полезнее и вкуснее.

Были каждодневные обеды прямо в поле, в пыли и сырости, когда чашки перед приёмом пищи протирались хлопком, а мылись после еды второй кружкой чая, если удавалось её выпросить у строгих поваров — старших товарищей — демобилизованных студентов вторых-третьих курсов. Были долгие, часовые походы пешком на поле. Утром в преддawnных сумерках, вечером в лучах заходящего усталого, как и мы, солнца. Колонна студенческого этапа растягивалась на два-три километра пути, задерживая движение автотранспорта. Пять километров этапом на поле и пять обратно. Если повезёт — на тракторе. Везло редко. Было обучение игре на гитаре, правда, безуспешное, ввиду почти полного отсутствия слуха. Старые кинофильмы, игра в карты и сотни анекдотов перед сном в бараке на пятьдесят шесть человек мужского пола.

Вот об этом, не обо всём, конечно, но о самом примечательном и наиболее интересном, на мой взгляд, я и хотел бы рассказать, назвав небольшие зарисовки времён солнечной юности и беззаботного времяпрепровождения просто “Ватными” рассказами”. Не славы ради, а только для изложения на бумаге мучающих и постоянно всплывающих в памяти воспоминаний. Лица, улыбки друзей, шутки и первые стихи, страхи и приключения, — всё это до сих пор греет душу и сердце, обременённые почти сорока годами земного существования.

Начнём-с!

Банка

Закат огромного южного солнца мы застали ещё в пути, шаркая по разогретому асфальту усталыми ногами. В пути — между убраным почти до конца полем и корявым строением нашей казармы, уныло смотрящим своими полужакрашенными окнами на нас, бредущих с пустыми мешками и громыхающими в сетках кружками и чашками.

С медленно оседающей на землю октябрьской темнотой мы ступили на территорию нашего лагеря.

Лампочка над входом в наш барак уже горела. Над её мутным и болезненным светом ореолом кружили мошки и комары. Печь топилась, о чём сообщал нам жидкий, но усердно валяющий в небо дым. Со стороны кухни неслись если и не благоухающие, то всё одно аппетитные запахи готовящихся макарон по-флотски.

Нам предстояло умыться под стоящими прямо на улице рукомойниками, привести в порядок свою одежду и ужинать. Короткий вечерний отдых не предвещал никакой новизны. Болтовня на нарах, стирка носков, написание писем и построение на вечернюю поверку. Для меня наверняка экзекуцию. В тетради приёмщика напротив моей фамилии сегодня красовалась жирная “тройка” и не менее толстая “шестёрка”. Ну и фиг с ними! Тридцать шесть — тоже число, а значит имеет право на существование. На кухню так на кухню. Вчера картошку с парнями жарили, сегодня что-нибудь тоже придумаем. Ужин прошёл мирно и скучно. Усталый студенческий люд уныло скоблил ложками по чашкам, обжигался жидко заваренным чаем и разбрехался по лагерю. Уже слышались переборы гитар, весёлый смех и включённая радиотрансляция. Лагерь был усталым, но не сломленным. Незатейливый отдых привносил в бараки искры веселья, а молодость возвращала разбитым телам силу.

Наша компания собралась вместе почти сразу, только Серёга Тищенко задержался с братом у оврага. О чём-то беседа с неизменными жестикациями.

Эта идея родилась первой у Валерона. Наш Парамоша где-то разузнал, что в соседней деревне, в двух километрах от лагеря, местные жители продают молодое вино на разлив. Рубь — литр.

Так кто же против! Нас четверо — собственно я, Генка Ушаков, Валерон да Серёга Тищенко. Пить или не пить, вопроса не было. Был вопрос в банке и количестве. Серёга, пришедший от брата, включился в совет.

— Считайте, что банка уже есть. Я знаю, где взять. Но только одна, трёхлитровая. Пойдёт?! — подытожил он.

Мы радостно и согласно закивали. Пошуршав по карманам, собрали три рубля, два из которых были мелочью.

Пойти сговорились втроём. Серёгу, как уже поработавшего и притащившего действительно относительной чистоты банку, оставили для прикрытия. Подстраховать в случае поисков, да и предупредить на подходе, где лучше переходить по возвращении границу лагеря, чтобы не напороться на “гестаповского” милиционера.

С богом! Ушли тихо, “по-аглички”, ни с кем не попрощавшись. В крошечной тьме, с трудом ориентируясь и шарахаясь от каждого куста, перевалили за овраг, прошли вдоль поля и по тенистой, но нераспознанной аллее каких-то высоких и густых деревьев, быстрым шагом через полчаса дошли до деревни.

Нас никто не ждал. Искать пришлось долго, полагаясь только на удачу и везение. Только через двадцать минут нашли долгожданный дом. Часы показывали пять минут десятого. А значит до начала вечерней проверки оставалось ровно пятьдесят пять минут.

— Вино есть? — Валерка даже о приличиях забыл. Ни тебе “добрый вечер”, ни “мир вашему дому”.

Хозяйка, дородная и дружелюбная русская женщина, не обиделась. Правда, тоже не поздоровалась. Фонарь над забором немного покачивался от набежавшего тёплого ветерка.

— Есть, — весело, с прищуром осмотрев нашу запыхавшуюся компанию, она растворила дверь в заборе пошире. — Сколько вам?

Мы показали нашу ёмкость.

— Три литра!

Генка, перестраховавшись, переспросил:

— По рублю литр, так?!

— Так-так, давайте свою кринку, — хозяйка протянула мозолистую руку. — И ждите здесь.

Здесь так здесь. Лишь бы не долго ждать. Стрелка прямо на глазах бежала по своему кругу. Чего-чего, а времени у нас было в обрез. Терпение лопалось на глазах. Валерка уже нервно смолил свою “Приму”, а Генка ходил кругами у забора. Моё самообладание было не лучше.

Часы показали уже почти половину десятого, когда дверь вновь отворилась, и наша медлительная спасительница вынесла наполненную молодым красноватым вином банку. Сунуть её в авоську было секундным делом. На этот раз мы не забыли про приличия и хором выдохнули:

— Спасибо!

На всякий случай, скрашивая отсутствие приветствия и надеясь на дальнейшее сотрудничество (не искать же снова по дворам), я пожелал ей спокойной ночи. В ответ она только улыбнулась и захлопнула скрипучую калитку. Фонарь в последний раз качнувшись в нашем присутствии, пожелал нам доброго пути и хорошей выпивки.

Мы рванули. Как на пятьсот!

Назад, по буеракам, оврагам и вдоль полей и огородов, бережно и почерёдно прижимая драгоценную ношу к своим молодцеватым телам.

Ещё издали мы увидели строящийся в каре лагерь. Время — без малого десять. Суета, гомон. И наш маяк. Тищук дефилировал около умывальников. Нас скрывала темнота. А она — верный друг студента.

Всё удалось на славу. И запрятали банку под окном нашего барака, и вовремя успели в строй.

Вечерний разбор “полётов и пролётов” прошёл по стандартной схеме. Мне и ещё десятку “счастливчиков” выпала честь нести полуночную вахту на кухне. Мои “тридцать шесть” были не минимумом, но далеко за чертой среднего арифметического. А по нему наши боссы и мерили. Ниже черты бледности. Ниже начиналась уже синь, или работа на кухне. Что-что, а средним человеком я не был.

Договорившись со своими собутыльниками о встрече на нарах после 12 часов ночи, я заступил на чистку картофеля, из которого вальсяжные повара готовились завтра варить нам очередную бурду. Мы уже месяц как пребывали в уверенности, — кулинарного образования ни у кого из них не было и в помине. Всё варилось на “глаз”, но не на вкус. Но бог им судья, а также будущие жёны.

Мысль, светлая, доложу я вам, мысль о банке вина несла меня в работе к заоблачным высотам. Не пьянства ради, а компании! Всё в руках спорилось, вертелось, носилось. Пронеслось и время, извечный обманщик.

Бывает же, что и не хватает его, а летит, как угорелое. А как торопишь его, подгоняешь, так упрямым ослом упирается, ползёт, хоть трактором стрелки двигай. В этот раз всё сошлось в наших настроениях и траекториях. Не прошло и четверти ночи, как я уже снимал промасленный пограничный ватничек под нарами, вдыхая свежими ещё лёгкими тяжёлый запах мужской спящей компании.

Трижды просить соседских Валерку с Генкой не пришлось. Если б вот денег я попытался у них займы, да среди ночи, выклянчить, так то совсем другой коленкор. А то — вино трескаться. Это как приглашение на бал. Сон у обоих, как гонгом к обеду сняло.

И полезли мы в другой угол, на нары, к Тищуку. Тихо, шёпотом, как молодая группа партизан на очередную диверсию.

Серёга, можно сказать, почти бодрствовал. Почти ждал. А если точнее ещё, то спал сном апостольским после празднования Пасхи. Будить пришлось так долго, что даже разлили раз по кружкам, плеснули в себя живительного нектара для согрева и смелости. Что-что, а она нам требовалась сейчас как никогда. Наш бессменный бдительный милиционер бродил где-то поблизости, не столько сон наш охраняя, сколько пытаюсь кого-нибудь, где-нибудь, да ещё и с кем-нибудь застукать. Мания такая у него была. Может, даже с детства. Он так и говорил нам, причём всегда со злостью и сильным акцентом:

— Я вась вивиду всех на чистый воду!

Вот и сейчас его дальнобойный фонарь вычерчивал круги на другом конце плаца. Расстояние приличное, но не убедительное. Начни оно сокращаться, так и нам станет не до вина. У нас тоже всё сократится. До минимума.

Тищук проснулся, чуть не взвизгнул, когда Валерка капнул ему на нос винца для дегустации. Сел, протёр пребывающие в объятиях Морфея глаза и протянул руку за кружкой.

Мы рассмеялись, тихо, дружно и уже с известной долей той самой смелости, от которой даже море Лаптевых по колено. Так и сидели, по-казахски, кружком, четыре друга на нарах в студлаге, — счастливые, слегка хмельные, но уже и довольные этой жизнью, каторгой хлопковой.

Ночь была — что надо. Даже в маленькое мутное окошечко, почти против Серёгиной лежанки, были видны россыпи чистых тёплых звёзд, отсвет жёлтой луны, бегущей по другой стороне нашего барака, и гордые пики тополей, ровным рядом уходящих вдоль оврага к светлому горизонту. К светлому будущему. На пересечение с Млечным путём.

Всё хорошее и доброе быстро кончается. Вот и наша банка с вином подходила к концу. Живительная влага растворилась в крови, согрела озябшие и усталые души. Ну и, конечно, не без головы. По ней пришёлся самый сильный удар. Всё вокруг звенело, пело, воздух в бараке не казался уже таким спёртым, нары безобразными, а все приятели-студенты виделись просто сказочными добрыми персонажами. Спящими красавцами.

Беда всегда приходит внезапно, как и война. Настоящая война. И всегда откуда ни возьмись. Но на этот раз она пришла именно оттуда, откуда мы её и ждали. Из входной двери. Никаких привидений и призраков. Беда влетела в барак, с грохотом отбрасывая дверь к стене, в образе вездесущего милиционера-маньяка. Профессионального! Фонарь, а он казался нам уже и не

фонарём, а мощным прожектором, ударил по нам слева, неумолимо прорезая темноту на своём пути. Вниз, правее, снова вверх, изучая и попутно дактилоскопируя тела, движения, звуки. Гиперболоид, блин! Это был полный конец, если не сказать более! Крандец, как говорят водители автокранов.

Распоряжаться последними секундами, что скрывали нас в темноте, пришлось уже поодиночке. Как кому бог помог. Как кого положил. Серёга, оказавшийся в лучшей ситуации, просто упал замертво на своём родном месте. Ему и в “Спортлото” всегда везло, то рубль, то пять выигрывал.

Валерка с Генкой упали тут же рядом, обнимая с двух сторон щуплого Адриюху Бочкарёва. Он во сне и не сопротивлялся. Принимал реалии как должное. А мне достался, в экспромтном прыжке, кусок нар в углу, где мирно похрапывали Сашка Алеев с Витькой Шамриным. Я втиснулся между, пытаюсь хоть как-то прикрыть своё тело их внушительными спальными мешками. Оба почувствовали какой-то дискомфорт. По очереди двинули меня под рёбра с разных сторон, причём Витька довольно чувствительно, ещё и пробормотал во сне: “И когда ты утомонишься, Сашка?”.

Фонарь был уже рядом. Вернее, прямо над нами. Мент услышал-таки все наши перемещения, падения и зарывания. Стоял в двух метрах от меня и как волк прислушивался к лежавшим у ног жертвам.

Крови жаждал, гад!

Банка! Боже мой, так мы её даже не спрятали. Холод и жар одновременно пронзили тело, выступая холодным потом на лбу. Хмель испарился, видимо, вместе с ним. Сейчас найдёт, и тогда всё, вплоть до повешенья. Кружки ещё, а запах. Запах точно учует, волкодав азиатский!

Пауза висела секундная, но длинная как ночь по всё той же теории о времени. Вместе с паузой висела и тишина, если не считать всех естественных звуков спящей усталой казармы-барака. Никто не шевелился излишне и не выдавал отсутствия сна в столь поздний час. Маскировочка у нас была отработана что надо!

Но милиционер был бодр, профессионально подкован и прилично выдрессирован на поиски происков. Банку он отчего-то не нашёл, но кружку с нар поднял. Она жалобно всхлипнула. Я сильно зажмурился.

Не знаю откуда он её поднял, мне видно не было из-за Сашки, да ещё и с зажмуренными глазами, но подскочив к Тищуку с другой стороны от лежавших мумиями двух других наших собутыльников, сыщик принялся бесцеремонно расталкивать ни в чём не повинного и крепко спящего Олежку Рыбникова. Даже ногами подпихивал, — это я уже собственными глазами видел.

Олежка проснулся, как очнулся. Приподнялся на локтях:

— Ты что? Что случилось? А?!

— Ты вино пиль?! Давай вставай! Алькашь! — милиционер цепко держал добычу в руках. Виновник был пойман с поличным. Правда, как-то убедительно заспан, лицо непонимающее, эмоций — ноль. Но и не такие попадались, раскалывались, как миленькие.

— Вставай, вставай! Пиль? А?!

Олежка ещё ничего не понимал. Сидел и хлопал своими большими глазами. Меня начинал разбирать смех. Из истерической серии, конечно. Я даже начал вздрагивать. Олежка тем временем уже подавал признаки жизни, а заодно и вразумительности:

— Да ничего я не пил, спал я! Кого пил, чего пил? Что тут пить-то! Спать я хочу, отстань!

Но настойчивый милиционер уже совал кружку ему под нос:

— Твой!? А?!

Олежка взял, понюхал и отбросил в сторону:

— Нет, не МОЙ! — собезьянничал он. Его уже раздражали ситуация и положение придурка. Ничего не понимающего.

Содержимое кружки растеклось по верхним нарам, просочилось сквозь мешковину и мерно закапало вниз. По естественным законам физики. А вниз — значит на спящих внизу — не более и не менее.

Меня уже просто трясло от смеха. Опасно, но пока беззвучно. Витька слева снова двинул меня локтем, принимая за Сашку. Мол, что трясёшься, дядя! А тут и Сашка, в свою очередь, въехал с любовью по рёбрам. Думая, что я Витька, конечно. Да ещё и сквозь сон прибавил:

— Кончай, а?! Дай поспать!

Сказал — мне, а милиционер конечно же принял на свой счёт. И принял ещё конкретнее за Рыбникова. Начал искать вокруг него дополнительные улики.

А развязка шла совсем с другой стороны. Снизу. Крик раздался почти истерический. Вздогнул, я думаю, даже мент.

— Вы что там, обмочились, сволочи!

— Что это, что?! Ну, гады, мой мешок!

Барак оживал. Там, внизу, уже что-то стряхивали, чистили, матерились. Всё в кромешной темноте. Наше положение становилось уже не таким безнадежным, как всего пять минут назад.

Милиционер почему-то ничего не нашёл. Но хватку не ослаблял. Жертва — на то и жертва.

— Вставай, пошли в штаб! Бистрее, давай-давай!

Олежке ничего не оставалось как подчиниться. Вылез из мешка, оделся в тёплое. Бояться ему было нечего. Это нам было.

Как там Валерка с Генкой? Живы ли?!

Хорошо хоть он свет не зажгёт!

Снизу уже поднимался огромный двухметровый детина из параллельной группы с инфантильным прозвищем Кока. Обиженный и оскорблённый. Вино от мочи отличить не может, примитив!

Этого мент уложил обратно под нары одним взглядом. Размах плеч не вписался в лейтенантские погоны. Власть победила. Осыпая проклятиями верхний этаж, Кока закарабкался обратно в свой мешок. Нам предстояло ещё убедить его позже в вечной дружбе и любви. Висеть под потолком никому не хотелось.

“Да-а-а-а, попили винца”, — подумалось мне. Теперь вот Рыбчука спасать как-то надо. Сами вроде выкрутились.

Захлопнувшаяся дверь за милиционером с жертвой вернула нас в реалии. А это был Кока внизу, куда-то закатившаяся банка, кружки да следы от вина.

Мы взлетели почти одновременно. Бешеными стрекозами. Вертолётками из ущелья. Пробками из шампанского. Уже не обращая внимания на потревоженных и спасших нас спящих товарищей. Сашка с Витькой ещё долго по инерции толкали друг друга, так и не узнав, что меж ними был третий.

Коке пришлось отдать остатки вина, чудом сохранившиеся в опрокинутой набор банке. Он беззлобно выругался, снисходительно слил последние капли в свой огромный рот и отвернулся от нас.

И двух минут не прошло, как мы практически смели все следы. Даже мешок Серёгин поменяли на мой. В мой угол, поди, если нагрянет инспекция, не пойдут. Кружки спрятали подальше. И стали ждать Олежку. Нашу вину перед ним словами передать нельзя. Подвели под трибунал, причём совершенно без задних мыслей. Наказание без преступления.

Вернулся подрасстрельный уже под утро, с красными глазами как у волка.

Всё вышло немного лучше, чем мы предполагали. Удостоверившись, что Рыбников не пил, что нет запаха, и даже милицейская пробирка не действует, наш чекистский педсовет отпустил его восвояси, не освободив при этом за бессонную ночь от работ на хлопке.

Мы подарили ему оставшуюся у запасливого Тищука пачку печенья “Привет” и в обед два мешка с “белым золотом”.

Больше за вином мы не ходили и трезво смотрели до конца хлопкового сезона на окружающую серую-серую — белую действительность.

Кружка

Попал на кухню один раз — всё. Спёкся. Это как наркотик. Втягивает. Во-первых, можно наесться до отвала, если подсуетиться, а во-вторых, когда работаешь на кухне до трёх ночи, то всё равно за несколько часов, оставшихся до подъёма, не выспишься, а значит будешь спать назавтра среди рядков, подложив под голову мешок с парой кило хлопка, собранных только ради этого. Спать до обеда. А после обеда стараться собрать хотя бы что-то, чтобы не расстреляли, не унизили до потери сознания на вечерней линейке, а просто отправили после отбоя на уже знакомую кухню. Собранных за день меньше всех, кроме обязательных кухонных работ, подвергали экзекуции, выводя перед всем лагерем на середину П-образного строя во время вечерней поверки. Стыдили, читали нотации, даже угрожали исключением из техникума, но отпускали с миром в направлении кухонного хозяйства. По прошествии месяца хлопковых работ многим даже исключение казалось наградой, лишь бы уехать домой и забыть всё это ватно-принудительное мероприятие. Но за все сорок с большим хвостиком дней дальше угроз дело так ни разу и не доходило.

Я даже не знаю, собственно, почему за всё время пребывания на хлопке посетил кухню ночью ровно тринадцать раз. Тринадцать раз я собирал менее всех или попросту сказать, меньше среднего балла. На “торжественной” линейке вечером выходил на середину раза два, от силы три, а норму в 70 кило выполнял только пять дней. Это я хорошо запомнил, на всю жизнь. Настолько, видно, были сильны впечатления, настолько силён психологический сдвиг в молодом и неокрепшем сознании.

Тринадцать — число особенное, но ни в коей мере не повлиявшее ни на дальнейшую мою жизнь, ни тем более на пребывание в лагере. Поваром я не стал в своей жизни, а на кухне, несмотря на повышенную опасность при производстве ночных работ, калекой не сделался.

Но зато... За все бессонные ночи и полудремотные полевые работы я получил взамен большую, как вата на развесочном пункте, серию приключений и весёлых историй.

Правда, весёлых, — это только сейчас, а не тогда, когда большая часть из них казалась скорее печальными или казусными. Об одной из этих ночных историй — и речь.

На кухню, так на кухню. Я беззаботно сплюнул в направлении руководства лагеря, сунул руки в карманы и бравой походкой знатока зашагал к барaku. В запасе ещё полчаса. Умыться, теплее одеться и вперёд. К победе коммунизма.

Лагерь беспокойно засыпал. Ворочался, посмеивался, вскрикивал, шуршал спальными мешками. В зависимости от того, куда ступала нога дежурного преподавателя, бараки попеременно затихали. В конце концов притихли все.

Луна лениво висела над печной трубой, грея свои розоватые округлые бока над прозрачным, в кристально чистом ночном небе, дымком из нашей трубы. Моя смена, моя ночная вахта ждала меня — одинокого уставшего студента.

До полвторого я заваривал чай к завтраку, растапливал солдатские котлы и вёдрами носил солянку. В двух котлах весело кипела вода и подпрыгивала весёлая, но поднадоевшая картошка. Причём сегодня не совсем здоровая на вид.

Я, наверное, единственный из нашего барака, кто так часто мог на подъёме ответить на вопрос: “А что у нас сегодня на завтрак?” или “Чем нынче попотчуют нас эти повара?”.

Вариантов много, а итогов два. Макароны или картошка. Разнообразие меню полностью совпадало с представлениями о тюрьме. Прочитанный в самиздате “Архипелаг Гулаг” не был лишён реального воплощения в некоторых своих сценах. Наш студенческий лагерь — тому подтверждение. Мы даже шутили иногда по-чёрному: Гулаг, КарЛаг, СтудЛаг, Хлопковый Лаг.

“Лишь тому не страшен Ад, кто прошёл Хлопковый Лаг!”.

Без четверти два нас — бедолаг с заиндивевшими душами и скрюченными от холода пальцами, отпустили спать. С богом!

Но спать вовсе не хотелось. Хотелось есть. С кем-нибудь поговорить. Хотя для этого и нужно было сначала кого-то разбудить. Все друзья мирно сопели по своим коконам, бережливо перебирая отдыхающим мозгом всё хорошее и доброе за день. То, что было или то, что могло бы быть. Посидев в позе роденовского мыслителя около друзей, я легонько пнул сначала один мешок, затем другой. Валеркин и Генкин. Валерон зашевелился сразу, а Гена даже ухом не повёл.

— Ты что, Федяй? — Валерка открыл глаза, — что случилось?

— Да нет, ничего. Ты есть не хочешь?! — я умоляюще смотрел на друга.

— Ну как тебе сказать: и есть хочу, и спать. А у тебя что, еда есть?!

Я повеселел. Есть Валерка всё же хотел.

— Да нет, — сказал я, — но, может, за молоком сбегает на МТФ. А?! Вот Генку разбудим — и вперёд!

Валерка задумался, мне даже показалось, что заснул.

Но нет, не на того напал.

— Ладно, — решил он, — но буди сам, а то крокодилы спросонья агрессивны и прожорливы.

Я радостно приступил к Генке. Дёрнул за мешок раз, другой. Генка высунул голову из своего убежища.

Не давая ему времени разозлиться, я скороговоркой зашептал:

— Генка! Молоко стоит на ферме, море. Бери кружку, пошли пить.

Есть, поди, хочешь. А молоко парное, тёплое, витаминное.

Против витаминов Генка ничего не имел, в отличие от Валерона, сразу расстегнул мешок и начал выкарабкиваться на свет божий. Будто и не спал, а ждал приглашения на ночной пикник. Молодец!

В рассудительности Генке нельзя отказать. В любой ситуации, экстремальной ли, полном ли штите, в смысле настроения, он всегда соображает за двоих, а то и за троих сразу.

— А ты, Федяй, на кухне, значит, был, а пожрать забыл? Что-то на тебя не похоже больно?! Колись, давай, что там на завтрак эти бугаи варганят.

— В том и дело, дядя Гена, прикинь. То что они там готовят под гитару, есть почти невозможно, даже голодному. Картошка гнилая, толчёная, с салом. Впечатляет такой завтрак? А?!

Генку впечатлило. Он старательно засопел, натягивая тёплые штаны сверху на трико.

— А насчёт пожрать, так вообще, как назло, эта ночь не в Красную армию. Чай переваренный и хлеб. Кроме изжоги, никакого наслаждения. Понял! Давай быстрее, молочко уже киснет без нас.

Пока суть да дело, я сбегал на кухню, взял “во временное пользование” буханку свежего хлеба.

Через пару минут мы уже крались в тусклом свете разболтанного фонаря вдоль стен барака к чёрным, как сажа, кустам. Такие тени худощавые на стене, измазанной извёсткой. Быц! Быц! Быц! Кусты всё ближе.

Они жили своей обычной ночной кустарниковой жизнью. Зевотно шелестели, подбадриваемые ветром, в них что-то трескало, квакало и аукало. Правда, вовсе без пугания и вещания опасности.

Опасность, если и была, то только со стороны бравого милиционера, но и его, видно, сморила сказочность тёмной осенней ночи. Лагерь принадлежал сам себе. А мы, вооружённые идеей возможной халявы, стараясь наступать как можно тише и мягче, выбирались на дорогу, ведущую к молочно-товарной ферме. Кружки свои, дабы не звякнули предательски, держали в руках. Смешно было подумать, что со стороны мы смотрелись как гуськом идущие нищие. Слепые, голодные и замёрзшие.

Подайте бедному студенту на пропитание!

Дорогу на ферму старательно освещала луна. Её жёлтый фонарь недвижно лежал на гравии. Греть не грел, но всё же. Идти было легко и даже как-то уютно.

На подходе к цели пришлось перегруппироваться. Пугать доярок не было никакой охоты. Они же не в курсе про наши планы! А может, подумают, что мы по другому поводу пришли. Не-е-е-е! Нам молоко дороже! Нужно ещё тише. Остаться без молока мы уже не можем. Надо будет, и с боем возьмём эту ферму. Как под Смоленском!

Ура!

Молоковоза вечером не было. Бидоны со свежим молоком стояли рядком, бок к боку. Теперь только оставалось отличить молоко от обраты, если он и был. Нам, городским голодающим, в этом деле приходилось полагаться только на нюх и природную сообразительность. Всё, что мы смогли разузнать о молочных фермах у нашего старосты группы Кольки Черненко ещё неделю назад, трудно укладывалось в голову, а тем более запоминалось. Дойки, доярки, коровы, бидоны — слова знакомые, но вместе тяжело сопоставимые. Как далеки мы всё же от здорового крестьянского труда!

Генка кивнул. Всё чисто! Работаем!

Украдкой наши дальнейшие действия назвать никак нельзя. Громыхая крышками, щёлкая запорами и пиная попутно пустые бидоны, мы в считанные минуты закончили осмотр и инвентаризацию. В некоторых ёмкостях сверху плавал редкий ледок, в двух — молока было меньше половины. И мы остановили свои вожделенные взгляды на одной из фляг. Дружно и сплочённо. Сполоснув под краном в углу свои уставшие от чая кружки, запустили по очереди в матово-белый нектар дрожащие голодные руки. Даже в тусклом свете висящих под крышей лампочек было видно, как молоко, подрагивая в трясущихся руках, разливает по поверхности яркие блёстки.

Молоко было что надо!

Ещё тёплое. Жирное и обворожительно вкусное. Буханку хлеба ломали на три части. Ровные-неровные, какая разница! Не поровну, а по дружбе. Наши желудки урчали от возбуждения и удовольствия. Кружки веерообразно мелькали в воздухе. Как ковши экскаваторов.

Майна! Вира! Майна! Вира!

Вниз — загрузка, вверх — разгрузка. И снова вниз. В трудолюбии махать кружками нам не откажешь.

На седьмом круге моя неверная правая рука разнежилась и расслабла. Кружка, набрав молока под завязку, подобно обречённому кораблю, с хлиплым “Бульк!” ушла на дно.

— Ну ты, Федяй, даёшь!

Валерка с Генкой единодушно выругались ещё в адрес чьей-то матери.

— Что делать будем? Не лезть же теперь по плечо во флягу?! А?! — Генка допил содержимое своей кружки и крепче сжал пальцы на её кольце.

Валерка приуныл:

— Да, влипли, кажется. Может, палкой или проволокой попробовать?!

Я молчал, виновато облизывая жирные и вкусные губы. Страх не было. Сытость его отбивает.. или убивает.

— Ты что, Валерон, вся фляга к утру прокиснет, — Генка жил в пригороде и немного больше понимал в молочной продукции.

— Тогда придётся так и оставить.

— А ты что молчишь как партизан? — Валерон толкнул меня плечом, — плакала, однако, твоя кружечка.

— Ну и ладно, что теперь, — сказал я. Мне как сытому и довольному жизнью индивидууму было почти всё равно. Равнодушие приходит именно с сытостью.

— Что упало, то пропало! Всё — забыли! Дай я ещё хлебну! — я протянул руку к Валеркиной кружке.

— Ну-ну, полегче! Думаешь, две кружки на дне лучше, чем одна? Налить — сам налью, а так... Нет тебе, Федяй, доверия в молочном деле.

Мне пришлось немного подождать, пока Валерка дохлебает ещё одну кружицу. Потом он набрал и мне. Это была последняя. Больше пить я не мог просто по причине физиологических границ. Во мне было уже молока по самое горло. Уплывшую на дно кружку было слегка жаль. Цветочки такие тёплые на боках...

Валерка тоже устало пыхтел. И только худощавый Генка, крокодилий жилистый друг наш, выпил ещё пару кружек молочка и только потом успокоился.

Уходили мы медленно и вальяжно. В случае засады, погони или облавы нас не нужно было брать врасплох. Таких тёплых, сытых парней и

окружать нужды не было. Просто брать под белы ручки и вести куда следует. А куда следует — туда мы и шли. Домой, в барак, на нары. Поспать слегка, да идти вкальвать. Но выпитое парное молоко грело душу и завтрашний день не казался до половины пути таким однообразным, ватным и убогим, как все предыдущие и последующие.

На половине пути, когда уже за строем пирамидальных тополей была видна наша казарма, плавающая в бликах мерцающей лампочки, первым отошёл от молочного наркоза Генка.

— Ха! — сказал он и задумался.

Мы с Валеркой тоже задумались, что могло означать в сытой ночи это замысловатое и одиозное “Ха!”.

— Ха! — повторил Генка и наконец продолжил, не давая нам поразмышлять о его нарушенной молоком психике. В обратном действии коровьего продукта мы убедились уже через несколько секунд.

— Ребята, а мы, кажется, влетели! Вернее, Федяй влетел или влетит завтра утром, самое позднее к вечеру. И знаете, почему?!

Мы пока не догадывались.

— Всё просто, ясная поляна! Завтра доярки утром начнут переливать из фляг молоко и кроме всего прочего найдут Федькину кружку. Взвоят сирены, объявят тревогу — и через пять минут напряжённой работы бригадирова мозга вычислят виновных. Студенты, кто ещё! И не фиг думать, что они недодумаются.

Генка прав. Так и произойдёт. Моя фантазия тут же, в установившейся тишине, нарушаемой лишь нашим пыхтением и шуршанием по дороге, начала рисовать кошмары завтрашнего дня. Построение утром на линейку, осмотр кружек под благовидным предлогом. Я, единственный, оказавшийся без оной, выведен буду на середину. Мент зачитает приговор, написанный и отредактированный коллективом доярок совхоза такого-то. И дальше через повешение или расстрел. Судя уже по фантазии вышеозначенного молочного коллектива.

Где взять кружку? Не у Валерки же. И не у спящего Тищука. У кого можно было бы, просто подойдя вплотную, вырвать из рук простую металлическую кружку, двадцать копеек штука. Чушь! Хотя со стороны я бы поглядел на эту выходку. Грабёж среди бела дня и только! Смешно, верно, выглядит. — Караул! Грабят, кружку отняли!

Но до смеха ли!

Пока я фантазировал и умничал про себя, Валерка с Генкой уже зашли слишком далеко в своих изысканиях. Среди жертв мелькали имена наших общих врагов, друзей врагов и их соседей. У Генки в запале даже родилась, но, слава богу, сразу и умерла идея стащить кружку у преподавателей. Лично я плохо представляю себе как это можно повернуть, а тем более объяснить, если попадёшься. Мол, чаю пить “хотся”, не дайте пропасть жаждущему...

Так, все в тревогах за мою душу, в перебирании способов добычи злополучной кружки, мы и дошли до лагеря.

Он как спал час назад, так и продолжал спать — безмятежно и сладко.

Кругами плавали комары с мошкой вокруг сияющего божественным ореолом фонаря. Квакали вдалеке неспокойные базарные лягушки. Холод медленно подбирался к земле, забирая у осени права на всё живое и неживое. Пока что только ночью. Печь в бараке медленно остывала, но

пока ещё подавала признаки затухающей жизни. Что-то в ней изредка щёлкало, хрюкало и отсвечивало тусклыми сполохами.

Тепло, темно и нет... кружки.

Так мечталось и хотелось ещё там, на молочной ферме, залезть по возвращении в спальный мешок, укутаться, прижаться спиной к спине Валерона и заснуть. Хотя бы на три часа, в сытости и довольствии.

Теперь всё рушилось. Пока решения не было. Друзья тоже не ложились. Из солидарности. Но долго ли можно переживать ночью, с тяжёлой головой, всё равно не находя выхода. Вокруг храп и храп.

Плюнули мы на всё через четверть часа.

— Ладно, мужики! Утро мудренее ночи этой дурацкой. Давайте спать, там придумаем что-нибудь! Идёт?!

Это предложил я. Если бы кто из друзей, я, может, и обиделся бы, но так вернее. Может, действительно утром что и надумаем. Тищука подключим.

Все с большой радостью согласились и юркнули по мешкам.

Заснули, несмотря на переживания, быстро. Спал я без снов и кошмаров. Только перед самым, как мне кажется, криком Аллы Николаевны, классного нашего руководителя, начал сниться мне огромный туалет, белый-белый, такой же огромный писсуар, журчащая в нём вода и жёлтые подтёки на задней стенке. Ясно дело почему. И к чему. Думаю, что и Валерке с Генкой снилось что-то в этом же роде.

По крику Аллушки и командам для старост стало понятно, что она и духом ещё не знает ни о ферме, ни о молоке, ни о происшествии на соседнем совхозном объекте.

Первым делом, первым делом туалеты, умывальники, конечно же, потом.

Мы бежали дружно и резво. В сторону деревянных вычурных строений, с ромбиками вместо сердечек в центре двери...

Назад шли уже делово. На чуть просветлённые головы продолжали думать и гадать.

Помог, как ни странно, так как и предполагали ночью, всемогущий Тищук. Всё он может, и под вино банку найти чёрт знает где, и даже кружку.

Для меня так и осталось тайной, где он её выкопал, именно выкопал — старенькую, бледненькую, с отбитой в десяти местах эмалью. И при этом к тому же не первой свежести. Чистоты она не излучала.

Я не удержался, хотя и несказанно обрадовался, когда он через пять минут притащил её прямо к построению на завтрак. Спросил:

— Ты что, Серёга, её у ветерана войны спёр?! Лишил памятной реликвии.

— Да ты бери и радуйся! Разборчивый какой. Свою-то где посеял?

Мы, разом ссутулившись, многозначительно промолчали. Пауза совести повисла в узком кругу. Его мы просто забыли разбудить, так как спал он вдали на верхних нарах, рядом со своим двоюродным братом.

Тишину разбил Генка:

— Смотри, Федяй, ментяра что-то шепчет директору!

И мы, вытянувшись как будущие солдаты, приготовились слушать, внимать и следить за происходящим в центре нашего каре.

Тищук юркнул к брату, да так прытко, что я еле успел ещё раз в знак благодарности хлопнуть его по плечу. Он уже, от своего места просто пожал плечами и подмигнул.

В центре же происходило что-то необычное для простого утреннего развода. И точно по нашу душу. Но уже спокойную и почти безмятежную. Кружку свою я сжимал крепко в левой руке, ощущая её неизвестное, ещё чужое, спасительное тепло.

Милиционер вышел вперёд. И быстро скомандовал:

— Первые шерэнги два шага вперёд. Вторые — на месте. Третьи — чэтыре — назад!

Началась каша. Некоторые соображали, в каких шеренгах они находятся, кто-то шагал вперёд, полагая, что первый, кто-то ушёл назад на десять метров.

Не привыкшие ещё к строевым порядкам армейских будней, ребята разбирались в предполагаемые шеренги минут десять. Знания, полученные на занятиях по НВП, явно были недостаточны в объёме. Девушки и того хуже, так суетились, крутились и повизгивали, что менту пришлось прикрикнуть на них. Холодно и высокомерно:

— Дэвушки могут стоять так. Толко тихо!

“Дэвушки” подчинились и затихли.

Наконец и мы кое-как построились, расстроились, рассосались на два метра друг от друга.

Милиционер продолжал:

— Кружки на вытянутый руки вперёд! Каждый свою!

Загremели, зазвенели разноцветные, разновеликие, алюминиевые, стальные кружки, кружечки. В общем унисоне тонул и звон моей старушки. Моей новой кружки-подружки.

Мент ходил между рядами вместе с директором и соколиным своим взглядом всматривался в кружки, лица. Никто ничего не понимал, кроме нас троих. Но и на наших, прожжённых в студенческих аферах лицах читалось только недоумение и непонимание. Сдаваться мы не хотели. Тем более этому “гестаповцу”. Все были с кружками, все были честны и невинны. Как “дэвушки” из Смольного института.

Неудавшаяся экзекуция закончилась, так и не начавшись.

Так ничего нам, а вернее, всему лагерю, не объяснив, директор скомандовал завтрак.

И только взглянув мельком влево, я увидел улыбающегося Тищука. Своей коронной Челентановской улыбкой в половину лица. Голова его качнулась в знак понимания, он весело подмигнул, и я понял, что всё прошло благополучно. Только на поле предстоял разговор со спасителем, Серёгой Тищенко. Но это уже проще. Он поймёт. Он хороший парень и настоящий друг. Жаль, что дорога на ферму теперь была для нас закрыта до конца хлопковой уборочной, а то бы мы обязательно взяли его с собой. Обязательно. Такое молоко было вкусное, тёплое...

Крокодил Гена

Дождь зарядил с утра. Обильный, он к тому же бил наотмашь, пощёчиной от Бога. Вода лилась с небес беспрестанно. Монотонная нерабочая погода. У нас был праздник. У студентов вообще всё наоборот. А тут, на уборке “белого золота”, и подавно. Солнечные тёплые осенние дни мы называли плохой погодой. Пели птицы, чуть влажный воздух по утрам был свеж и богат озоном. Восход солнца превосходил по красоте, обилию красок и оттенков все известные работы Куинджи. Степь меняла цвета каждые

две-три минуты, раскрашиваясь попеременно от нежно-розового с сероватыми тенями до пурпурно-красного с оранжевыми переливами. Деревья, кустарники, теряющая свежесть трава купались в разноцветной гамме веселого и жизнерадостного солнечного диска.

Всё это мы видели уже по дороге, длиной в бесконечность, на поле, неся не первой свежести мешки и сетки с посудой. Мы шли работать или, как мы выражались, пахать, а потому мало как реагировали на все прелести южноказахстанского края. Погода для нас в эти дни была отвратительной, потому что она была пригодной для работы. Другое дело — дождь. Хлопок собирать нельзя. И хоть маялись мы в такие редкие дни от безделья и скуки, но всё равно предпочитали эту маету передвижению в позе “намбер ту”, среди грязи и пыли.

Дождь, праздничный и долгожданный, лил не переставая. Мы сидели в безвременье, между только что закончившимся завтраком и далёким ещё обедом. Сидели и скучали, как в детском стихотворении Сергея Михалкова. Валерка пел, я молчал, Генка ногой на нарах качал, а Серёга строчил письмо в Алма-Ату.

Внизу не лучше, но веселей. Олег Стадниченко играл на гитаре, пел. Вовка Бельский сидел, подперев руками подбородок, и самозабвенно слушал песню про Красную Шапочку. Шабанов барабанил на чемодане.

“... Мы идём по Уругваю, ночь — хоть выколи глаза...”.

Не помню уже кто, но кто-то из параллельной группы забежал в барак и сообщил новость. Девчонки предложили нам играть в “почтовый ящик”. Переписываться между собой, не зная и не видя адресата и отправителя. Дружить посредством почты. Инкогнито. В свете сегодняшних реалий, что-то вроде секса по почте. Хотя в то время, как известно, в Советском Союзе секса не было.

Идея обрела реальность и множество желающих. Почти три четверти барака бросились искать авторучки, блокноты, перебирать в уме всех знакомых и незнакомых из женской половины, все известные не матерные, но ласковые слова.

Я в то время, очень стеснительный в отношении женского пола, но очень охочий до шуток и розыгрышей, согласился стать почтальоном, т.е. носить приветы и ответы. Быть посредником более любопытное занятие, на мой взгляд, чем просто строчить любовные послания практически в никуда. Я мог видеть сразу обоих партнёров по переписке, лицезреть их платонические страсти.

“Гоу!” — как говорят американцы. Поехали! Принесённые мной послания, пока без конкретных адресов, горячие хлопковые парни разобрали в один момент. Подчистую. И пошло на обоих уровнях нар сопение, крикание и потение. Кто нервно покусывал кончик авторучки, пытаясь изложить на листе бумаге весь объём своей души, кто-то писал так быстро, будто боялся опоздать к сдаче на проверку своего сочинения. Олежка Рыбников, скрестив ноги “турецким султаном”, старательно выводил на листе незамысловатый цветочек. Работа кипела. Теперь ребята должны были подписывать свои письма придуманными именами или прозвищами, и вручать их мне предстояло девушкам тоже законспирированным, романтическими, как сегодня говорят, “Никами”.

Валерка, назвавшись “Сатурном”, писал какой-то “Русалке”. Серёга Тищенко как “Штык” — “Аленькому цветочку”, а Ушаков Гена, наш закадычный друг и объект шуток по имени (Гену все ассоциировали только с

одноимённым персонажем мультфильма про Чебурашку), писал длинное любовное письмо незнакомке с красивым именем “Эсмеральда”. Себя он нарёк “Царевичем”. Просто и со значением.

Собрав согнутые в любовные треугольники послания и накинув куртку, я выбежал под дождь. Сто метров по глиняному утрамбованному нашими ногами квадрату приказарменной площади я пробежал то ли на лыжах, то ли на коньках. Ноги постоянно разъезжались и попадали в мерзкие лужицы. Влетев на крыльцо женского царства, я старательно отряхнул ноги, привёл в порядок разлетевшиеся от ветра и без того непослушные волосы и постучал.

Девушки с экзотическими именами встретили меня весело и неприуждённо. Разобрали письма и попросили зайти через четверть часа.

Четверть так четверть.

Письма мне отдавали дамы с наставлениями и расспросами, на которые, впрочем, я старался не отвечать напрямую. Тайна переписки. Зная адресата, пропадает интрига и интерес.

— А какой он “ковбой”?

— Это не тот высокий блондин называется “Ястребом”?

— Ой, а скажи мне, а как выглядит “Ветер”? Волосы у него тёмные? Да?

— А “Штык” — это почему? Он что, худой и костлявый?!

Я усмехнулся. Серёга действительно походил на штык, длинный, худой и костлявый.

Вопросы сыпались градом. Я только успевал отбиваться. Не знаю. Не видел. Не рассмотрел.

Немного расстроенные девушки разбежались по углам, где с нетерпением и стали ожидать будущих ответов от своих завуалированных кавалеров.

Только теперь я разглядел, как сильно барак женский отличается от нашего. Не только запахами. Но и стилем, чистотой. Всё аккуратно убрано, разложено, печь и то, кажется, топится как-то по-особенному. Весело пощёлкивает сухими дровами и нежно гудит сердитым углём. Благодать. Да, в таком бараке можно и жить. Не то что у нас, — подумал я, — запах прелых носков, пота, сигаретный смог и вечно чадаящая и грязная печь. В нашем кавардаке несомненно не хватало женских рук и умения обустроить почти семейный уютный очаг из старой, хотя и отремонтированной совхозной конюшни.

Делать нечего, как ни приятно находиться в дышащем цветами домике от Мальвины, да нужно идти. Товарищи заждались, поди, в нетерпении нары грызут.

Наш казарменный барак встретил меня как бога. Ну, почти... Писем хватило почти всем. Написали девчонки от души и по-женски с тёплой фантазией.

Не было письма только Гене.

— Федяй! А где мне? Как же так, я так красиво написал, ты что, съел по дороге, что ли?!

Я пожимал плечами. Не помню, чтобы что-то терял по дороге, в карманах рыться тоже смысла не было. Письма я принёс в руках. Не припоминал я и прекрасной “Эсмеральды” среди цветущих девушек соседней казармы. Ответить другу было абсолютно нечего. Генка, убитый горем, с завистью оглядывал казарму, где все счастливики оживлённо читали,

обменивались впечатлениями, весело балагурили и немедленно принимались писать ответы.

Игра удалась на славу. Скука канула вон, прямо под прямые и холодные нити бесконечного дождя. Обделённым оказался только мой лучший друг Генка Ушаков. Жалость сдавила сердце. Залезая к себе в нижний дальний угол, Генка бормотал под нос не то проклятия, не то пожелания солнечной погоды. Ему уже больше хотелось на работу. Быть на равных, а не одиноким отвергнутым всеми и вся неудачником.

Выход нашёлся сам по себе.

Пока затихающая братия скрипела авторучками и шелестела перечитываемыми посланиями, я полез наверх. Выпросив у Тищука непомятый лист из блокнота и откопав в кармане авторучку, я быстро сел писать письмо. От “Эсмеральды” к Генке. Хорошее, доброе письмо. В нём я восхитился его стилем написания, поблагодарил за радость переписки и извинился за невозможность сразу ответить, сославшись на занятость по уборке помещения. В душе я искренне проклинал эту самую злополучную “Эсмеральду”. Во-первых, за то, что обманула надежды моего друга, а во-вторых, за то, что вынудила меня прибегнуть к этому пошлому спектаклю. Тогда я ещё не догадывался, в какой розыгрыш может обратиться этот мой порыв оказать помощь обманутому другу.

Время моё истекло. Меня уже искали, требовательно стучали по нарам, жаждали продолжения.

От девчонок я вернулся с полным боекомплектом. Среди посланий не последнее место занимало и письмо от “Эсмеральды”. Для “Царевича”, как значилось на лицевой стороне. Генка практически вырвал его у меня из рук, не дав и слова сказать. И сразу исчез под нарами, избавив меня от необходимости краснеть в его присутствии.

Вылез он через двадцать минут счастливый до беспамьятства. Улыбка шире ушей, глаза блестят, в руке сжимает треугольный конвертик. Собрав оставшиеся, я пообещал Генке вернуться быстрее с ответом. От девчонок в наш барак не вернулся, а пошёл к кухне, такой знакомой и ставшей близкой. Сколько уже ночей на ней отработано в поте лица, сколько картошки перечищено, чая заварено. Не счесть. Четверть часа у меня есть. Уединившись под навесом, я вскрыл Генкино письмо. В конце концов этики я не нарушал, так как в некотором роде письмо было адресовано мне. Привожу его полностью, без купюр:

“Здравствуй, прелестная Эсмеральда! Я несказанно рад, что получил наконец-то твоё послание. Не знаю, что могу тебе ещё написать. Хотелось бы встретиться. Поговорить. Я очень хочу с тобой дружить. Я симпатичный парень. Надёжный. И могу хранить все твои тайны. Ответь, пожалуйста, я очень буду ждать. Надеюсь на встречу. Напиши, согласна ли встретиться. И напиши про себя. Какая ты? Глаза, губы, волосы. Жду с нетерпением”.

И эту записку он двадцать минут писал! Ну Генка даёт! Видно, сильно переживает, дружить хочет, девушки нет, а тут настоящая незнакомка. И может быть, прекрасная как Золушка из сказки. Эсмеральда. Любопытство — это его стихия. Точно!

Я быстро развернул новый лист, достал ручку, на воздухе она писала плохо, но всё же. Да ещё и паста попалась зелёная. Невзрачно как-то. Но другого ничего не было. Как и выбора — писать или не писать.

Я отписал ответ:

“Дорогой Царевич! Я согласна на всё! Ты покоришь моё сердце. Я верю тебе, не знаю почему. У меня нет парня. А ты так хорошо пишешь. Нежно и спокойно. Я тоже хочу тебя увидеть. Давай встретимся после отбоя. Только где, скажи сам. Но недалеко. Я боюсь выходить далеко. Глаза у меня карие, губы как у всех, а волосы тёмные. Больше пока не скажу. Встретимся — увидишь. Может, я тебе и не понравлюсь. Эсмеральда”.

Господи, на что только не пойдёшь, лишь бы другу помочь. Чушь, конечно, написал, но лучшего в голову ничего не лезло. Да и как поставить себя на место этой Эсмеральды, которую я и в глаза не видел. Сам стиль мне, правда, понравился. Есть во мне, точно, есть что-то от прабабушки-балерины.

Сложив конверт, как и положено, треугольником, я понёсся на всех парах к девчонкам за письмами.

Принял письма, вложил своё между, и к себе.

Наши меня уже ждали. Генка, возбуждённый и нетерпеливый, тоже. Дрожащей рукой взял конвертик, растолкав других, и ушёл читать. Я вдруг испугался, что он может понять. И тогда мне кранты.

Но нет. Прочитав, он сразу сел за ответ. В мою сторону даже не взглянул. Я наблюдал за ним от лестницы, пытаюсь уловить его мысли, переживания. Но Генка только шевелил губами и усердно что-то строчил. Толстой и Ясная Поляна, блин. В этот раз писал не долго. Значит, не поэма.

Другие тоже не заставили себя ждать. Набитый письмами, я снова растворился в ливне. Всё повторилось, как и в прошлый раз. Забежав под навес в открытую нашу столовую, я жадно прочитал коротенькое Генкино письмо. Читал уже как Эсмеральда, почувствовав вкус игры и войдя в женский образ. По Станиславскому. Верю!

“Эсмеральда! Спасибо. Ты мне нравишься ещё больше. Не бойся. Со мной тебе ничего не будет страшно. Давай встретимся в половине двенадцатого, у водокачки. Твой Царевич. А вообще меня зовут Геннадий. И намерения у меня серьёзные — дружить”.

Ба! Ну вот — приехали. Это же развязка. Он уже и Геннадий. И не идти же мне вместо Эсмеральды с Генкой под дождём целоваться.

На ум пришла беспризорная идея. Просто сорвалась.

Карты на стол, господа! Нужно прекращать это письмоблудие. Отказываться и выкручиваться. Пока от имени Эсмеральды. В противном случае тучи сгустятся и над моей головой.

Я взял свою ручку с зелёными чернилами, подышал на шарик и написал:

“Милый Гена! Всё-таки Гена! Извини, но я не смогу прийти, как ты просишь к водокачке, в половине двенадцатого. Я знаю одного Гену с МЭС, он мне совсем не нравится. Но мне не хочется тебя обижать. Просто ты не в моём вкусе. Я, честно говоря, думала, что пишу другому мальчику. Целую тебя в щёчку по-дружески. Больше мы не будем переписываться. Но я желаю тебе найти хорошую девушку в твоей жизни”.

Подумав немного, я приписал постскрипtum:

“Пишу твоими любимыми чернилами”.

Эта фраза вылетела сама собой, спонтанно. Просто чёрт дёрнул. Или просто чернила и в самом деле были подходящими. Ярко-зелёными.

Нет, конечно, я понимал, что обижаю друга и товарища, но настолько всё это далеко зашло. Дальше некуда! Идти на свидание нельзя, так можно

хотя бы превратить всё в добрую шутку. Генка добрый, он поймёт. Посмеёмся от души. А может, он и не поймёт, чьи это проделки?

Наивная уверенность.

Вручая послание, я с опаской смотрел Генке в глаза.

— Ты что, что так смотришь? — Генка взял конверт, пожал недоуменно плечами и ушёл в свой закуток. Я медленно начал отходить к двери. Ретироваться и готовиться к самому наихудшему.

Какому худшему, я и додумать до конца не успел.

Из-под нар раздался дикий рёв, и дерево задрожало во всех плоскостях. Все в бараке притихли. Зевс в Генкином обличье метал молнии, бабахал громом и пытался испепелять взглядом всех, стоявших на пути ко мне.

Никто не знал, да и не догадывался, о нарастающей буре ущемлённых страстей. Я распахнул дверь и, оттолкнувшись от порога, прыгнул в дождь. Леопардом... или, может, просто котом, съевшим хозяйскую сметану.

— Убью, Федяй! — кричал обезумевший влюблённый.

“Убить не убьёт, но покалечить — запросто, в таком-то запале”, — подумал я. И прибавил ходу. Дальше погоня продолжалась уже на улице. Мой опыт пересечения глиняной скользкой площади был больше. Генке не повезло и здесь. Через десять шагов он уже потерял равновесие.

Вот что значит сидеть целый день в бараке, письмаца строчить. Это тебе не фунт изюму. Я смог притормозить и оглянуться. По всему было ясно, что Генка влип в грязь по самые уши. Брыкался, вставал, снова падал и беспрестанно матерился. На мою бедную голову сыпались отборные и смачные выражения в духе времени. Было что-то даже про хлопковые коробочки, на которые, впрочем, я совсем не похож. Да и обижаться времени не было.

Встал всё же.

— Гена! Прости подлеца! Я же пошутил! Ну можешь ты понять или нет?! — я кричал через ливень, ветер, напрягая всю мощь своих ещё молодых лёгких.

— Или нет! — парировал Геннадий и припустил за мной снова. Теперь, правда, более осторожно. Пришлось и мне снова включить пятую скорость. Или шестую даже. А заодно перейти на бег зигзагом, так как он подобрал где-то в грязи солидную палку.

Страшно не было. Генка парень хороший, добрый. Отходит быстро. Я пытался передать мои мысли ему. Дружеские. Тщетно! Значит, придётся побегать. Не доставлять же ему двойное удовольствие. И поймать, и покалечить. Побегает, остынет, вот тогда и сдаваться можно. “Стрела, пущенная издалека, не пробивает даже шёлка” — говорят люди. И я с этим согласен. Потому и бегу.

В спину больно ударило. “Вот она, родимая!” — догадался я. Так солдаты в атаке думают свою прощальную думку, поймав телом вражескую пулю. Хорошо, что мы не на поле боя.

Теперь оружия у него больше нет. Я уже заворачивал за злополучную водокачку. Резко изменив направление, побежал почти сразу в противоположную сторону, только вдоль кирпичного забора, с другой от Генки стороны. Как можно тише, но резвее.

В казарму я добрался быстрее. Это точно. На входе Рыбников сразу напороочил:

— Ну всё, Федяй! Считаю себя покойником. Разозлил ты нашего крокодила до колик. Видел его сейчас, пробегающего. Зубами лязгает, страх просто! Из пасти уши от Чебурашки торчат. Ты — следующий, гадом буду. Ищет он, всех спрашивает, где письмоносец-сука!!

— Олег! Ты не говори ему, если ещё раз спросит, что я уже здесь. Пусть ещё немного побеждает. Лады?!

— Да мне по фигу! Бегайте хоть до ужина. Ты письма-то потащишь, или искать другого почтаря?!

Я пытался восстановить дыхание. И успокоиться.

— Не, я не в форме. Мне бы дожить ещё до ужина. Носите сами. У меня другие заботы — сам видишь!

Я забрался по лестнице на второй ярус, в угол, к старосте нашему Колян. К власти поближе. Он безмолвно пустил. Лишних вопросов он вообще никогда не задавал.

В барак влетел Генка. Собственной персоной. Ушей чебурашкиных видно не было.

— Кто Федяя видел?

По интонации я понял, что он уже не тот Генка с палкой, уже спокойней. Но всё же ещё опасный. Меня в свете одной тусклой лампочки он разглядеть не мог. А те, кто меня видели, пока молчали. Но это пока. Мир, как и положено, не без милостивых людей. Пару минут разгорячённый погоней Генка ходил по бараку без понятия. Добрые люди показали на моё укрытие.

Последнее средство. Я решил притвориться покойником. Мол, он уже меня убил. Помогло мало. Генка бросился на меня, как бросается ястреб, — камнем, на свою лёгкую добычу.

Сил у меня не меньше. Но на его стороне была правда. Куда ни кинь, я его подставил, выставил клоуном. Бельский вон, Вовка, хохочет без устали. Ишь как ему шутка про чернила понравилась.

Душил он меня долго. На мои уговоры, хрипы и заверения привести Эсмеральду к нему на свидание только рычал и наседали. Обида жгла его душу. Он и меня-то мучил просто для проформы. Ну кто-то же всё равно виноват, что ему никто не пишет?! Риторика.

Снизу кто-то подзадоривал:

— Зелёный! Откуси ему одно место! По самые уши!

— Федяй! Бей крокодилов! Сумочки из них даёшь, кошельки!

Наша потасовка стала уже зрелищем для “патрициев”. Гладиатор и крокодил. Вот народ! Хлеба мало, а зрелищ — хоть отбавляй!

Короче, обиделся он железно. А я терпел. Искусство требует жертв, пусть даже таких. С тумачами и подзатыльниками.

Уходя и сплёвывая на грязный деревянный пол, Генка ещё и пригрозил:

— Вовек тебе этого не забуду. Понял?!

Я благоразумно промолчал и, растирая разгорячённую Генкиными руками шею, полез вниз к Валерке. Тот незаметно всё увёртывался взглядом от Генки и недвусмысленно смеялся глазами. Смех в бараке не умолкал до ночи. Смешно было всем. Кроме меня и Генки.

Помирились же мы лишь на ужине.

Я протянул руку, Гена, подумав, пожал её, крепко и искренне. Как всегда. Обнявшись, мы улыбнулись друг другу. Мужская дружба выше всех мелочей и розыгрышей. Жить вместе нам предстояло ещё добрых три недели. Поддерживать и помогать, вместе грустить и веселиться. С ужина

уже шли всей ватагой, дружной и спаянной. Смеялись просто так! Потому что вся жизнь ещё впереди, и она прекрасна, чёрт возьми!

По случаю вечерней прохлады и затянувшегося дождя Гена был, как и положено, в пуловере... ярко-зелёном.

История эта стала притчей, а вспоминали её до самого диплома. И больше всех сам Генка. Вспоминал, смеялся и щипал меня за бок.

***

Эпилог. Сижу и думаю, что можно добавить, что пояснить. Время съело всё, что было вокруг. Всё, кроме памяти.

Ушёл от нас безвременно и безвозвратно великий и могучий Советский Союз. Во времени ушли и некоторые из студенческих друзей. Нелепо, рано. Многие просто растерялись. Жизнь раскидала нас по странам и весям. Изменилась и страна.

Ныне студенты больше не работают осенью на хлопке. Законы капитализма изменили законы страны. Хлопковые поля выкуплены в частные руки. Их обрабатывают семьями. И ходят по стране странные и страшные слухи, будто на уборке хлопка используется рабская сила. Вроде как сгоняют хозяева бомжей, вылавливают, крадут, отбирают документы и заставляют работать. Спираль истории возвращает страну на двести-триста лет назад. Республиканская газета "Караван" кишит объявлениями о пропаже людей. Ищут родственников, друзей, знакомых. Ищут, но не могут найти. Жестокая система новой жестокой страны, в которой первыми жертвами "базарной" экономики стали пенсионеры и дети, строго хранит свои тайны. Этим тайнам ещё только предстоит стать явью через двадцать-пятьдесят лет, когда заработает в нашей стране Процветания и Добра другой ментальный механизм.

Когда вместо белых, красных, коричневых придут просто порядочные люди и никто не станет их убивать, потому что все будут хотеть просто хорошо и спокойно жить. Любить свою страну и не жалеть, что родились именно в ней, а не на абстрактных Канарских островах.

Жаль только, что это всё фантазии. Жаль только, что мы бесчувственно транжирим и разворовываем своё настоящее, продолжая при этом верить в светлое будущее, которое при таком раскладе просто невозможно вылепить. Именно из этого настоящего.

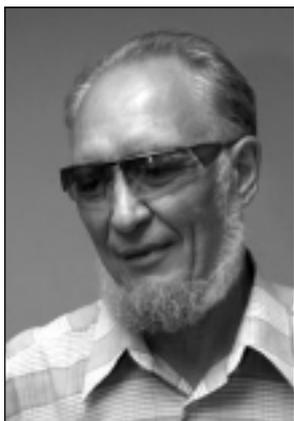
А главное, больше жаль мне этих рабов на хлопке, что никогда не смогут вспомнить ни о походе за вином, ни о парном молоке с фермы. Ни о добрых друзьях и товарищах, проверенных в суровых буднях студенческой жизни. Я всех помню, люблю и пока в ладах с памятью, никогда не забуду непредсказуемую, бесшабашную и талантливую группу "МЭС" Алма-Атинского энергостроительного техникума.

Ради них, собственно, я и написал эти рассказы и кланяюсь им днём сегодняшним.

Постскрипtum. Я намеренно не изменял имён. По совести, считаю это излишним. Память надёжней, когда сквозь строки написанного видны настоящие, а не вымышленные лица друзей моей молодости.

Вот и всё!

**г. Трир,
Германия.**

Владимир ГУНДАРЕВ

*“Я буду жить
до самой смерти...”*

Романс

Последний отблеск грустного заката
Коснулся края неба и погас.
И зарево любви, пылавшее когда-то,
Уже совсем не освещает нас.

Последний отзвук нежных песнопений
В густых вечерних сумерках потух.
Мелодия любви иссякла постепенно,
И даже эхо не ласкает слух.

Но есть луны волшебное свечение,
Что призрачно рассеивает тьму.
Пусть это не любовь, а только увлечение, —
Я так же пылко поддаюсь ему.

По-прежнему во мне бушуют страсти,
Не остудить их даже январю.
... Её смущённых рук целую я запястья,
На милый лик восторженно смотрю.

И верящему в чудо уподобясь,
Молю судьбу: мне заново яви
Последний отзвук тот и тот последний отблеск
Мелодии и зарева любви.

29 марта 2011 г.

Галина

Алым соком наливается калина,
Только горечи таят в избытке гроздьях..
Ах, без памяти влюбилась бы Галина,
Да боится, да стыдится — слишком поздно.

Зачарованные поступью Галины,
Даже старцы лиц не могут отвернуть, —
Если губы слаще ягоды-малины
И такая соблазнительная грудь.

Хоть и замужем, — пригожая собою, —
Счастья женского ей выпала лишь малость.
И томилась неистраченной любовью,
Страсть её неутолённой оставалась.

Поросло былое буйным черноталом,
Для Гаины нет теперь пути назад —
Словно ласточка, душа затрепетала,
Будто в омут затянул зовущий взгляд.

И Гаина, сердцу вещему внимая,
Крылья молодости снова обретает.
Ведь черёмуха цветёт не только в мае,
Но и осенью, бывает, зацветает.

... Вновь объятий власть влечёт неодолимо
И глаза от всплеска нежности блестят.
Разве поздно быть влюблённой и любимой,
Коль по паспорту всего-то... шестьдесят?

2 апреля 2011 г.

***

Ласточка, голубушка, сударыня,
Вот и снова я перед тобой.
Эта встреча не была подарена
Скуповатой на добро судьбой.

Воплотили мы свои желания
Сами всем преградам вопреки.
Так притоки празднуют слияние
В радостных объятиях реки.

Не бывает ничего случайного
В мире обретений и потерь.
Было что желаемо и чаемо, —
Полностью сбывается теперь.

Я тебе о многом не рассказывал —
Пусть в минувшем остаётся боль.
Лучше улыбайся, кареглазая,
Дай налюбоваться мне тобой.

Видишь небо в лёгкой дымке бежевой?
Время хочет нас предостеречь,
Что разлуки наши неизбежные
Не всегда предвестье новых встреч.

3 апреля 2011 г.

***

Благодать Заельцовского бора...
Строгих псов охранительный лай...
Поджидает меня у забора
Мой двоюродный брат Николай.

Он живёт в окружении сосен,
Базы отдыха ревностный страж.
Меднолицая сдобная осень
Озаряет сибирский пейзаж.

Соревнуются дятлы друг с другом,
Выдают барабанную дробь.
И, ворочаясь в русле упругом,
Катит волны размеренно Обь.

Подхожу. Обнимаемся с братом.
Как всегда: “Сколько зим, сколько лет!” —
“Погостишь?” — “Послезавтра обратно.
Наготове в кармане билет”.

... Коротали за рюмкой мы ночи —
И по крови, и духом родня.
И когда приезжал я в край отчий,
Навещал он в деревне меня.

А порой, по общению скучая,
Мог нагряться и в Целиноград...
Вот сидим мы — не только за чаем.
Я приехать к нему был так рад.

... Заельцовского бора отрадой
Наслаждаться теперь не дано.
За кладбищенской скорбной оградой
Брата прах упокоен давно.

Не всегда был он в жизни удачлив.
Четырёх удостоился жён.
Был бесхитростен, прост и не алчлив,
И коварной болезнью сражён.

А когда лихо мне в настоящем
От болванов, тупиц, дураков,
Вспоминается с чувством щемящим
Друг и брат Николай Байдаков.

4 апреля 2011 г.

Новосибирскому аграрному университету

В аграрном университете —
Теперь уже почти родном —
Я стал своим, хотя не ветери-
ринар, механик, агроном.

Меня здесь знают: от студента
И коменданта уйму лет —
До ректора и президента,
И попечительский совет.

В аудиториях и залах
Дам романтических завлекал,
Рукою воздух разрезая,
Читал стихи я землякам.

В библиотеке — в назиданье
Потомкам духа и ума
Средь специфических изданий
И лирики моей тома.

Как не спешить под эти своды,
Где радость новых встреч остра,
Где обо мне слагают оды
Маститые профессора.

А коль без шуток — стал мне близким,
Оставив в сердце яркий свет,
В моём родном Новосибирске
Аграрный университет.

6 апреля 2011 г.

***

Мои враги, свой пыл умерьте,
Мои друзья, всегда я с вами.
Я буду жить до самой смерти,
Хотя она не за горами.

Пока наполнен жгучей кровью, —
Тяну упорно воз с поклажей.
Сказать вам, как моё здоровье? —
Так это вскрытие покажет.

10 апреля 2011 г.

***

Не иссякает в веках Непрядва,
Лишь вновь пробивает русло своё.
И что проходит любовь — неправда:
Меняются только объекты её.

11 апреля 2011 г.

***

Как стрелка компаса всегда глядит на север
И на него нацелена в пространстве, —
Так я стремлюсь к тебе из будней серых,
К тебе, мой полюс, тороплюсь из странствий.

Как пьяница не может без спиртного
И с возделеньем смотрит на бутылку, —
Так жажду я прильнуть губами снова
К твоим ладоням трепетно и пылко.

Как, по весне доверившись наитью,
Летят к родным гнездовьям с юга птицы, —
Так и меня влечёт в твою обитель —
Будь то светёлка или же темница:

Услышать только б ласковое слово,
Припасть лицом счастливым к изголовью.
Но на ногах — незримые оковы,
И не дают насытиться любовью.

23 апреля 2011 г.

Ретроград

Хоть прежнюю страстью не в силах пылать я,
Но всё же у старых привычек в плену:
Мне нравятся женщины в юбках и платьях,
А в брюках — не вижу в упор ни одну.

С досадой глазами по встречным я шарю:
Те женщины, что облачились в штаны,
Загадок и тайн, обаянья и шарма —
Как это ни грустно — совсем лишены.

Шагают походкою мужиковатой,
Как будто в солдатский отправились путь,
Мужские повадки у них и ухватки,
А где ж первородная женская суть?

Освоили бокс, каратэ, джиу-джитсу,
В мужском укрепились спортивном кругу.
Представить Джоконду в потрёпанных джинсах
Иль в ботсах футбольных — никак не могу.

Кто этих двуполых сжимает в объятьях?
Но утешается пристальный взгляд:
Ведь есть ещё женщины в юбках и платьях,
Что словно лебедушки плавно скользят.

29 апреля 2011 г.

Воспоминания о Гурзуфе. 1962 год

1

Над Чёрным морем марево оранжевое,
Размыта горизонта полоса.
Притягивая взор и завораживая,
Сливаются с водою небеса.

Буруны бьются в груди скал осклизлые,
Поднявшихся сурово на дыбы,
А волны лёгкие целуются, облизывая
У валунов морщинистые лбы.

Дельфиний флот резвится по-русалочки,
Игрою очаровывая нас.
И лишь пронзительные всхлипы чайчи
В гармонию вплетают диссонанс.

Смотрю вокруг, увиденное впитывая:
Вдали медвежьей тушей Аюдаг..
Такое всё волшебное-удивительное,
И каждый штрих — природы добрый знак.

Повсюду буйных красок полыхание,
Причудлив олеандров каждый куст.
Магнолии струят благоухание,
Чуть-чуть солоноватое на вкус.

Вот девушки идут шажками цапельными —
Что в райских кущах может быть милей? —
Где кипарисов знаки восклицательные
На строчках разлинованных аллей.

Пальм голенастых веера кокетливые
Едва трепещут в знойной синеве.
Глаза цветов мерцают фиолетовые,
И муравьи плутают в мураве.

Плывёт дымок шашлычный по-над кровлями,
Щекочет ноздри пляжников, висясь.
Приткнулся к мысу дом-музей Коровина,
С давно минувшим сохраняя связь.

... Растаяло то время, слившись с вечностью,
Как отблески погасшего костра.
Но дивный луч минувшее высвечивает,
И кажется, всё было лишь вчера...

30 апреля 2011 г.

2

На юношеских перепутьях
Я был удачлив и удал —
В международный лагерь “Спутник”
Мне комсомол путёвку дал.
Там были венгры, немцы, чехи..
И мы, сдружившись вдалеке,
Общались с ними без помехи
На нашем русском языке.
И даже семь американцев
Дней десять с нами провели.
(Мы их на диспутах, признаться,
Повергнуть ниц тогда смогли).

А в санатории военном
(Завидный дар судьбы самой),
О чём узнали мы мгновенно —
ГАГАРИН отдыхал с семьёй.
И к нам пришёл по приглашенью!
Как дети радуясь тому,
Все мы, вытягивая шеи,
Внимали не дыша ему.
Он, первый космонавт планеты,
В зените славы мировой —
В кинотеатре нашем летнем —
Простой, доступный, близкий, свой!
Он о полёте нам поведал,
О самом трудном без прикрас,
О том, что новым быть победам
При освоении звёздных трасс.
Он рассказал о встречах в странах,
Где побывал за этот год.
И нам казалось даже странным,
Что знаменит он — а не горд.
Ведь легендарен он по праву —
Другой задрал бы, чванясь, нос.
Но бремя той всесветной славы
Он скромно и достойно нёс.
Болезни “звёздной” не подвержен,
Заносчивости — ни следа,
Гагарин оставался прежним,
Каким и был. Во всём. Всегда.
А “потрясатели вселенной”
(Зачем их в памяти храним?),
В крови увязши по колено,
Ничтожны по сравненью с ним.
Он хрупкий этот мир и зыбкий
Без ангельских бесплотных крыл
Неподражаемой улыбкой
Завоевал и покорила.
Он стал любимцем всех народов,
Пленившим души и сердца
Не грозной статуей Свободы —
Сияньем русского лица.
... И вот прошло уже полвека,
Как с Байконура корабли
Возносят в космос человека —
Посланцев матери Земли.
Но только первым на орбите
Гагарин был! С тех пор сполна
Его улыбкою открытой
Планета вся озарена.

1 мая 2011 г.

3

В памяти вдруг порой
    словно рассвет забрезжит:
Год шестьдесят второй.
    Крымское побережье.
Море. Гурзуф. Танцзал —
    с модною леткой-енкой.
Я ухаживал за
    американской студенткой
Констанцией Макклинтон,
    а по-простецки — Кони,
Стремившейся на Восток,
    учившейся в Вашингтоне.
Мне — восемнадцать лет,
    была она тоже юной.
Мешал нам солнечный свет,
    впрочем, мешал и лунный.
Прибежищем стали нам
    сумрачные аллеи.
От выпитого вина
    лица у нас алели.
Мы, граждане двух держав,
    соперниц неоднократных, —
Порывов своих не сдержав,
    налаживали контакты.
Правда, за десять дней
    в памятном том июле,
Что провели мы с ней,
    были лишь поцелуи.
Ну а потом... Потом —
    как продолжение чуда —
Письма мои в Вашингтон,
    письма её оттуда.
Но... тысячи миль — сюда,
    тысячи вёрст — на запад...
Вот уж и нет следа,
    и растворился запах.
Но в наслоньях лет,
    скрытых в туманной дымке,
Промельком силуэт —
    как на размытом снимке.
Но за Медведь-горой
    видится, как и прежде,
Год шестьдесят второй,
    Крымское побережье.
Молодости восторг...
    Памятные рассветы...
Констанция Макклинтон,
    давняя Кони, где ты?
    20-21 апреля 2011 г.

***

*Лучше сделать — и покаяться,
Чем не сделать — и потом сожалеть.*

Народная мудрость

Не страшусь я божьей кары:
За семь бед — один ответ.
Ждать блаженства мне от кармы
Поздно — и резона нет.

Небо видывал в алмазах,
Моря высверк голубой.
Многократно я наказан
И обласкан был судьбой.

Я прошёл сквозь ад кромешный,
Одолел в душе раздразн.
Каюсь, каюсь — слаб и грешен,
Но зато и в жизни здешней
Познавал и счастья рай.

Не стремлюсь все тайны сердца
Доверять карандашу —
Чтоб прилюдно не раздеться;
И грешу — пока дышу
(А пока дышу — грешу).

Я ещё не разучился
Восхищаться красотой,
Не иссяк, не разлучился
Ни с надеждой, ни с мечтой.

Я и впредь — другим на зависть —
Несмотря на божий гнев,
Совершу — потом покаюсь,
Ни о чём не пожалев.

2 мая 2011 г.

Людмила Зыкина

Символ вечной России, путей-перевалов,
Земляничных полян и берёзовых роц,
Воплощала она и олицетворяла
И державную суть, и духовную мощь.

Её голос звучал, покоря просторы,
И стремительной птицей взмывал в небеса,
Повторяли напев благосклонные горы,
Если Зыкина пела — молчала попса.

Осиянная солнцем и храмов свечами,
Открывая народам души закрома,
То печально, то нежно, а то величаво
Её голосом пела Россия сама.

И вбирая в себя воздух знойный и волглый —
От больших городов и до сельской избы,
Стала неиссякаемой песенной Волгой
От истоков до устья великой судьбы.

Но не стало её — будто выпало знамя.
И божественный голос утих вдалеке...
Только Зыкина, верю, по-прежнему с нами —
Словно мать в оренбургском пуховом платке.

3 мая 2011 г.

***

Хотя и давно на свете живёшь,
Однако дивишься таинству:
Чем нетерпеливей кого-то ждёшь, —
Тем медленней время тянется.

Ведь в старости мчится оно стремглав,
Как будто скакун необузданный,
Почти не касаясь копытами трав,
Летит и летит над буднями.

Когда ожиданье душу томит,
Желанную встречу выклянчивая,
То время злорадствует — каждый миг
Плетётся убогой клячею.

А встречи дождёшься — время опять,
Ещё не успеешь опомниться, —
Свой бег убыстряет, его не объять,
Несётся подобно коннице.

Ах, время!.. С ним не поладить никак,
Не освободиться от бремени:

Оно тебе враг иль **ты** ему враг?
Возможно ли с ним примирение?

17 мая 2011 г.

Лариса МАРТЫНОВА

Валечка

1

Эзотерики точно знают, что человек, как луковица, состоит из нескольких оболочек. Физическое, ментальное, астральное и какие-то другие наши тела образуют толстенькую матрицу личности, в которой и днём, и ночью происходит работа, не всегда видимая миру.

Все события жизни — просто пища для наших матриц-матрёшек. Но у каждой из них — своё меню: кому-то витамины необходимы, кому-то — музыка и поэзия.

Иногда, в силу различных жизненных обстоятельств, какие-то из оболочек увеличиваются и поглощают другие. Тогда человек невольно приобретает способности, кажущиеся остальным людям (у кого “матрёшки” в порядке) просто невероятными.

2

Есть у меня такая подруга — человек абсолютно астрально-ментальный. Она пишет лирические стихи, но так всерьёз, что и сама живёт по всем правилам жанра, от одного стихотворения до другого. Постепенно превращаясь в лирическую героиню своих произведений, она, конечно же, не забывала физически соответствовать своему романтическому стилю, но, по сути, к телесной своей составляющей относилась небрежно. Однажды, будучи не в настроении, просто вышла на улицу с балкона пятого этажа.

Последней каплей, переполнившей её физическое терпение, стала телепередача, в которой показали, как нефтяники загрязняют побережье, вследствие чего морские котики тысячами выбрасываются на берег!

Её лучшие друг и подруга были в тот вечер отторгнуты от неё обстоятельствами жизни.

3

Она не разбилась, как другой, совсем уж “физический” человек. Но с тех пор доминанты её личности изменились в пользу воздушных составляющих. Валечка — лёгкая, хрупкая. Для неё это кажется вполне естественным.

Питается она, как птичка. Стихи пишет романтические. Голос её приобрёл некоторую хрипловатость, как у скрипки, потерявшей одну струну. Иногда она видит то, что нам, “тяжёлым”, совсем не заметно.

4

Постепенно (а с того вечера прошло почти десять лет), всё как-то гармонизировалось. Валечка так и живёт на пятом этаже. Гуляет на балконе. В магазин выходит редко. То — снег, то — дождь, то — ветер и гололедица, которым она противостоять не может, потому что потеряла устойчивость на земле.

Родители её работают в деревне, оставили квартиру, повесили ковров, от которых она немного задыхается. Раз в неделю, с плодами и вареньем, приезжают её проведать.

Её ментально-астральные тоже живут хорошо. Научились даже некоторым физическим радостям. Валина комната заполнена книгами, косметикой, скульптурками буддийских божков. Чай у неё пьют по этикету. Мебель расставлена по фэн-шуйски. Карты “Таро”, “И-цзин” и мешочек рун всегда под рукой. Аромат сандаловых палочек чувствуется уже в подъезде. Пишет она хорошо и много.

5

Я сейчас — её лучшая подруга. Она одаривает меня тибетскими и китайскими безделушками, на законном основании будит в два часа ночи, читает новое стихотворение. В любое время суток она знает, где я могу находиться.

6

Иногда к ней приходят тряпичные куколки. Они танцуют у изголовья, перебивая друг друга, рассказывают что-нибудь противными тонкими голосами. Астральный возлюбленный уже не покидает её никогда. Но и мне уезжать надолго из города не рекомендуется.

Если ей что-либо не понравится в этом тексте — пусть простит меня, ведь её призывание — писать о красивом и романтическом, а моё — о том, что сильнее всего болит.

Наши цветы отцвели

1

Наши цветы отцвели. Высохли поцелуи и лепестки. Наверное, так и надо — постепенно приобщиться к созданиям, для которых вся эта сочная мишура не имеет значения, как игра в цветение ... или тление.

2

Наша зелёная Земля стремительно уходит из-под ног! Лазурь становится тоньше, а тени — длиннее. Не странно ли? Синие скарабеи, силуэты египетских танцовщиц, все их улыбки-ухмылки, все тайны Джоконды наполняются содержанием после приобщения заинтересованных лиц к более тонкому достоинству умершего.

И эта мишура не менее обольстительна, чем первая. И эта игра нервами по лезвию того же ножа!

3

Можно лежать, а можно — гулять у подножия вдоль пирамид, чувствуя кожей все вырезы плит, где сквозь тонкие щели вибрирует Нечто, еле-еле профессорами и колдунами очерченное. На вершине любого холма — ветер дольнего мира, — удивительно нежные созвучия (даже если в низине — затишье). А поднимись-ка повыше — там бесконечные вереницы воинов, предстоящие лику Всевышнего, странники и флейтистки, горбоносые инки, виллендорфские сдобные и бесстыжие матроны...

Неужели все они уже ближе ко мне, чем ушастый щенок во дворе, ошалевший от первого снега?!

Мы с тобой разойдёмся с поклоном. Далёкая звезда Вега знает больше о пыльных клёнах, чем ты обо мне в этой стране ...умерщвлённых.

4

Только звонкое эхо порвёт тишину. Прямо с неба, сквозь прорехи вдоль снежного лая, колокольный срывается звон (быть снежинками выгодно в стае).

Все Колодцы Времени отворяет прямо в наше — какой-то монашек. Вместе — шелесты цвета, звуки флейт, стон походных валторн, грохот всех колесниц, похоронные медные лязги возле красных и траурных звёзд, завывания наёмных плакальщиц, приторный гипноз роз, почти бесшумное шарканье карликов, танцующих в изголовии из лазурита (сопричастному дверь всегда приоткрыта). И в руках у танцующих — Лотос, или нечто из адского сада, или райских предгорий сочных. (Это всё — может быть, аллегория. И она может быть неточной).

5

А цветы хотелось бы видеть наши, те, что здесь отцвели, возле дома, и поэтому стали старше, чем любой из твоих знакомых.

г. Усть-Каменогорск.

Жанаталап НУРКЕНОВ

“Крылья песни моей...”

Степь

Заря зардела на ветру,
 И в синеву рассвет плывёт,
 Проснулись кюи — и от струн
 Над степью кинулись в полёт.
 Чабан утихшую отару
 Встревожил щёлканьем бича,
 Караторгай вдали растаял,
 Себя с лучами повенчав.
 Ссыпая трель невероятную,
 Он выше, выше к солнцу рвётся..
 Я степь люблю!
 Я здесь уверовал,
 Что нету музыки без солнца.

Иртышу

С детских лет его в душе ношу.
 И когда мне было тяжело,
 Приходил всегда я к Иртышу,
 Где качался в брызгах солнца плот.

Жанаталап Кабиденович НУРКЕНОВ

(17.12.1940 — 13.04.1997) — ярко выраженный поэт евразийского плана, один из первых членов Павлодарского литературного объединения им. П. Васильева. В его поэзии переплетены начала двух культур: рядом с персонажами русских сказок встают герои казахского эпоса, при этом фольклорные сюжеты помещены в реальное художественное пространство: прииртышские леса, в Баянаул, а лирический герой — наш современник. В стихотворении “Павлу Васильеву” поэт подчёркивает общность судьбы и устремлений русского и казахского народов: “... Не зря казах назвал тебя тамыром... / От маслениц — до взвихренной байги / Живём и жили общим миром”. Как из казахского, так и из русского быта приходят в стихи поэта и микрообразы: “*Стоят стога, как куличи, / Метелью припорошены*” — “*Над поймой берег луком выгнут, / А небо юртой голубой*”; “... пахнет молоком кобыльим / Вдали звенящая капель”.

Перепробовав в молодости много профессий, Ж. Нуркенов нашёл себя в журналистике: был членом Союза журналистов СССР, потом — Республики Казахстан.

Одно из его стихотворений начинается словами: “Любить, наверно, не отвыкну...”. Они в полной мере отражают характер мироощущения этого замечательного человека и талантливого поэта. Он любил жизнь во всех её проявлениях и всегда верил в лучшее, она бурлила в его поступках и стихах. Он обладал умением расцветивать всеми красками мир, в котором жил, делая его щедрым, приветливым. Удачно найденные образы переполняли его. Но в 1997 году жизнь поэта трагически оборвалась.

От плотов — поверженного бора —
 Шла такая светлая печаль!..
 Не вернулись плотогоны в город,
 Затянуло травами причал.
 Похоронки — пальцев не разжать! —
 И в Затон, и в Перелёт Гусиный..
 Где закат на отмели прижат,
 Польшнули пламенем осины.
 И смолилки слёз разбитых судеб,
 Брошенных войной в глухих углах,
 Мой Иртыш волной своей остудит
 И поднимет многих, кто ослаб.
 Тишина, какая тишина!
 Синевы иртышской непорочность.
 Здесь любовь моя — моя жена,
 И друзья испытаны на прочность.
 С детских лет его в душе ношу.
 И когда мне в жизни тяжело,
 Прихожу, как в детстве, к Иртышу.
 Где качался в брызгах солнца плот.

Вороной

В. Семерьянову

Знаю, ты не сказочный скакун —
 Есть клеймо на крупе твоём жилистом,
 Но никак забыть я не могу,
 Как меня впервые в степи вынес ты..
 Ах, зачем чеканное седло —
 Есть глаза — осколки майской ночи!
 Нам с тобой в те годы не везло —
 Вспоминаю. И жалею очень.
 День и ночь, как лошадь ломовая:
 Камни, брёвна, уголь и гробы..
 Не до призов было, понимаю,
 Сам хлебнул я этакой судьбы.
 Но однажды, помню, в воскресенье,
 Будто юность ворвалась в денник:
 Встретил ржанием меня весенним
 Вороной скакун-старик.
 Кинулись мы в степь из улиц узких,
 Ветер ошалело бил в загривок,
 Впутав в гриву повод недоуздка,
 Мчались одичало и счастливо.
 Никогда так сердце не болело
 И не рвалось в голубую даль..
 Как копыта песенно звенели!
 Не услышать больше никогда..
 С той поры, как вижу лошадей,
 Слышу: мчится памятной мне масти
 Конь, что в человеческой судьбе
 Нёс людское и своё несчастье.

***

Любить, наверно, не отвыкну
 Снегов раздолье по зиме!
 С метелью первою гигикну,
 Да так, чтоб тополь зазвенел.
 И ягод стынущий янтарь
 Вдруг вспыхнет где-то в снежной мгле...
 Ты не оставь меня, январь,
 Без белых вихрей на земле!
 Я в круговерти зим застыну —
 Пусть сказки детства тормозат,
 И, шапки белые надвинув,
 Застынут кручи Иртыша!
 И пусть, как в детстве, пальцы зябнут —
 Зато душа в снегах горит,
 И с веток яблонь вместо яблок
 Летят в сугробы снегири!

Метельные напевы

<p> Из лесов и долин, Что безмолвны и чутки, Из страны синих льдин, Что за чумами чукчей, Как в фате обручальной, Чародейка — сама На санях на хрустальных Выезжает Зима. За снега вислокрылые, За сугробы-причуды Солнце спряталось-скрылось Снегирём красногрудым. Только белое пламя Гулко бьёт в небеса, И Снегурочки платье В прииртышских лесах </p>	<p> Замелькает по рощам — Из мечты или яви? — После первой пороши В звоне стынущих ягод. И в метельных извилах, В круговерти снегов Встанет образ счастливый, И воскреснет Любовь. Я по синим снегам Всё за ней бы, за ней бы... Я стихи бы слагал Про неё да про небо... Но опять в вихре снежном Мир вьюжит и кружит. Нет Снегурочки нежной — Чтобы заморозить! </p>
---	---

***

Я каждую весною удивляюсь,
 Как солнце по разливу отправляется,
 Я каждую весною восторгаюсь,
 Как тополь половодьем окрыляется,
 Осиною, разбухшею от сока,
 Жужжанием пчелы над первоцветом,
 Ветлою, опустившей свои локоны
 В рассветы наступающего лета.
 Я удивляюсь пеню скворчонка
 И запаху черёмуховых веток...
 Весна, весна! Знакомая девчонка
 С глазами удивительного цвета.

Я каждую весною удивляюсь
 Дорогам, что задумались о чём-то,
 И с каждой весною отдаляюсь
 От детства своего и от девчонки.
 Я каждую весною удивляюсь,
 Как парусником месяц в путь отправился...
 Да, каждую весною удивляюсь,
 Хотя не смог когда-то ей понравиться.

В Кызылжаре

Над поймой берег луком выгнут,
 А небо — юртой голубой.
 И долго ивы к струям никнут,
 Свою выплакивая боль.
 А выше — ветер за ковылью
 В колосьях пробует запеть,
 И пахнет молоком кобыльим
 Росы звенящая капель.

***

Стоят стога, как куличи,
 Метелью припорошены.
 Молчит, таинственно молчит
 Тальник, на синь взъерошенный,
 И чудом уцелевший ствол
 Над крутояром никнет —
 Давно покинутый листвою,
 Вот-вот в безмолвье вскрикнет.
 И, осознав наедине
 Таинственность молчания,
 Я слышу смех и вижу снег —
 Белый до отчаяния.

В Баянауле

Скалы — сказания,	Молнии лизут
Скалы — рассказчики,	Скалу за скалой...
Берёзы в Баяне,	И вот я вижу:
На скалах раскачиваясь	Скалу расколов,
От ветра и кюев,	Чёрные косы
От взвихренных скачек,	Стряхнув на валун,
Легенду земную	Выходит ко мне
Под кронами прячут.	Баян-Сулу.
Есть мрачная чаша,	А я уж прострелен
В ней слёзы раскаяния.	Злодеем Кодаром,
О, серые камни!	Запутавшись в стремени,
О, грустные камни!	Свисаю с Тулпара...
Скалы — сказания,	Любовь, ты разлучена,
Скалы — рассказчики...	Но не развенчана:
Я над Баяном	Самая лучшая
Слышу раскаты.	Рядом — как вечность.

Каменные бабы

По ним дожди веками льются,
 Песками хлещут их ветра...
 Стоят безмолвнейшие лица,
 Зарывшись в горький запах трав.
 Их обдаёт рассвет полынный,
 Но, ярой дикости верны,
 Лишь содрогаются в порывах,
 Когда проскачут табуны.
 И коршун, тень над ними вскинув,
 Под облаками где-то тает,
 Как будто вспугнут криком скифа,
 Добычу в судорогах оставив.
 О, эти каменные глыбы,
 В веках хранящие раскосость!
 Что если видеть вы могли бы
 Ракеты, вышедшие в космос?
 Но не понять моих речей им —
 Я без доспехов, без коня...
 И исчезает дым кочевий
 Тех, что придумали меня.

Баянаул

Зияющей тенью пещера,
 Навалена груды камней,
 И скалы, на сосны ощерясь,
 Долго ползут ко мне.
 В пещеру иду, к фантазии,
 Послушать ветра гул.
 В ней, может, путь под Азию
 Средь каменистых скал.
 Птиц не слышен щебет —
 Шаг — и колено дрожит,
 Сыплется под ноги щебень,
 А трещины — словно ужи,
 Солнце тени движет,
 Шурясь цепко в покат —
 В древний, замшелорыжий,
 Древнее, чем аксакал.
 Закроешь глаза — фантазия!
 Слушаешь ветра гул...
 Нет путей под Азию.
 Здесь — Баянаул.

***

Мне хочется куда-то убежать,
 Мне хочется с тобой уединиться.
 Но между нами годы как межа,
 И образ твой ночами только снится.

Я утопаю в светлой той дали,
 Которая навряд ли возвратима,
 О, боже, я прошу, ты ниспошли
 Покой и радость женщине любимой!
 Пусть все мои желания для той
 Окажутся немедля исполнимы,
 Пусть для меня останется святой
 Ушедшая к другому.
 И любимой.

Прощальный взмах руки

Тревогу о разлуке предстоящей
 Заведомо ударили сердца.
 И лайнер, в горизонты уходящий,
 Сигнальными огнями замерцал.
 И в синеву рванулся гул турбинный,
 Метнулся воздух взлётной полосы,
 И, вспарывая синие глубины,
 Со мной разлука сверила часы.
 Великая эпоха скоростная!
 Мгновение — и тишина вокруг.
 Растерянности глупой не стесняясь,
 Ловлю вдали теряющийся звук.
 Никто не властен отменять маршруты.
 Не удержать рождение строки...
 Летят секунды на просторы суток,
 От взмаха

от прощального
 руки.

***

Ах, зима, ты в румянце,
 В серебре, в снегирах.
 В белом снежном романсе
 Я себя потерял.
 И опять, беспокоясь,
 Ухожу за Иртыш.
 Как забытую повесть,
 Чутко слушаю тишь.
 Где вы, где вы, метели —
 Крылья белых гусынь?
 Я потерян, потерян
 В белой вязи осин.
 Мы не всё ещё спели —
 Песнь с годами нужней.
 Подпевайте, метели,
 Крылья песни моей!

Татьяна ФРОЛОВСКАЯ

Поэт

(Бахытжан Канапьянов)

Имя Бахытжана Канапьянова, опубликовавшего около двадцати стихотворных книг от первого сборника “Ночная прохлада” до капитального тома “Над уровнем жизни”, автора критических и публицистических статей, немалого числа фильмов, в особом представлении не нуждается. Московский критик В. Максимов написал о поэте исследование “Свет кочевой звезды”, казахстанский литературовед В. Бадиков опубликовал книгу “Линия судьбы. Творчество Б. Канапьянова в историко-литературном контексте эпохи”, журналист и писатель Людмила Мананникова посвятила ему книгу “Стихи под взглядом неба”, Национальная библиотека Республики Казахстан выпустила собрание литературных материалов “На стыке веков”, полностью посвящённое Б. Канапьянову.

Что же помогло поэту сформироваться, как сложилась его поэзия, бегущая броскости и эпатажности, чем, кажется, переболели все “входящие” в пространство, где вечными, таинственно мерцающими и манящими Вселенными присутствуют Пушкин и Блок, Валери и Магжан, как разрывалась, казалось бы, неизбежная, непреодолимая зависимость от предшественников и современников? Слава Богу, что тем, кому это всё интересно, нет смысла отправляться в слишком долгое и дальнее путешествие: ответ мы найдём в книгах Бахытжана Канапьянова.

Противовесом, гасившим острые уколы, опасные изгибы эпохи, сплошь состоящей из невиданных перемен, сотрясаемой “неслыханными мятежами”, раз и навсегда стала семья. Основатель “династии” — учитель по профессии и призванию, отец поэта Мусахан Канапьянов, к сожалению, рано ушёл из жизни. Однако отцовский авторитет — житейский, нравственный, педагогический — коррозии не подвергся: один сын — поэт и кинематографист, другой — успешен в бизнесе и сочиняет музыку, третий — известный экономист и пишет стихи, а также статьи о Лермонтове и Чехове — любимых классиках отца. Есть ещё три сестры... Все дети Мусахана Канапьянова не лишены деловой и творческой жилки.

Свыше двадцати лет пребывает Бахытжан Канапьянов во главе издательского дома “Жибек жолы”, и непростые обстоятельства, финансовые, производственные и прочие, не помешали осуществить немало оригинальных инициатив: поэтические календари, посвящённые Абаю, Ауэзову, Пушкину, “Поэтическая библиотечка” издательского дома, серия книг современных писателей Казахстана, почти полное стихотворное собрание репрессированного Магжана Жумабаева на русском языке...

I

Если попытаться отыскать преобладающую черту личности, а она более всего отразилась в стихах Канапьянова, то это романтическое мироощущение, причём напрочь лишённое самолюбования, мрачной рефлексии, всего того нарочито-гибельного, кокетливо-козырного, чем любили некогда потрясать почтительно внимающую публику мечтательные маргиналы. Шли годы, они складывались в десятилетия, бушевали страшные бури, нынче напрочь отгремевшие, а к стихотворным строкам, написанным недавним металлургом, впоследствии выпускником Высших литературных курсов, прибавлялись всё новые и новые, и они вовсе не противоречили ранее написанному, и не устарели.

Если посмотреть по времени (дебютный сборник “Ночная прохлада” — 1977 г.), то увидим, что более 25 лет в современной поэзии существуют стихи Бахытжана Канапьянова. Каждая книга имеет свои особенности. Например, “Горная окраина” (1995 г.): поэтические строки здесь соседствуют с наскальными рисунками Сары-Арки и Мангышлака; они на правах “параллельного текста” вошли в книгу стихотворений. Шедевры безвестных мастеров далёкого, даже очень далёкого прошлого, казалось, призывали и подталкивали нашего современника к изящной стилизации, к тяжеловесным или, наоборот, ажурным попыткам искусно выстроенного лирического комментария. Б. Канапьянов соблазнительному искушению не поддался, а сохранил в своих стихах именно ему присущую интонацию, не позволив естественному восхищению перед древним искусством перейти в эмоциональный форсаж, в нагнетание страстей по поводу... Так что в стихах — всё своё, а примитивные и прекрасные петроглифы — просто-напросто один из главных источников духовного мира автора.

Потому в стихах чашку кофе протягивает женщина с рембрандтовского полотна, автор ждёт помилования от героини Рубенса, а запечатлеть на грубом холсте старинную ветряную мельницу, столь характерную для голландского ландшафта, ему помогает доверие Питера Брейгеля, передавшего поэту секреты живописного мастерства.

Однако эта открытость поэта самым возвышенным впечатлениям действительности, цепкая пристальность взора, обращённого к приметам, скажем так, замеченным натурами художественными, тонкими и чуткими, ничуть не мешает присутствовать в строчках деталям совершенно земным, таким, которые, как верно заметил Юрий Олеша, вызывают у нас вкус к жизни. “Мы начинаем чувствовать, что наша жизнь мила нам, что это хорошо”: тихо сидеть в углу кофейни, смотреть, проходя по берегу Патриарших прудов, как свет вечернего солнца отражается в оконных стёклах, закуривать отсыревшую сигарету над туманным оврагом и называть про себя мелькнувшую поодаль цыганку в цветастых одеждах своей “бездомной музой”.

Было бы странно, если бы в книге стихов поэта, прошедшего школу Л. Озерова и А. Межирова, не было обязательных, никогда не теряющих свежести и никогда не приедающихся образов тайны, свечи, звезды, дороги, снега, часов, песни, осени...

Все эти краугольные камни русского поэтического словаря от Державина до Мандельштама, от Кантемира до Тарковского обеспечила подлинностью чистота души автора, потому что читателя нигде не царапнет воспоминание о той или иной чужой строке.

Простота поэтического почерка автора не то чтобы обманчива. Вот только не сразу замечаешь, что в “Горной окраине”, например, сильно философское течение:

*Цена человеческой жизни
По сути нам вроде ясна.
Но кто подсчитает на тризне,
Какая нам вышла цена?*

Этот философский настрой, помимо зоркости собственно поэтического взгляда, вызвал к жизни такие строчки, которые многосмысленны, и задумываешься над ними: “Встаёт державный шпиль бетонной телебашни”, “Не знаю, что, но вновь роднит нас — пасынков былой империи”, “Блаженная пыль ворожбы”...

Автору стихотворения “Позабитый мой с детства язык...” лет пятнадцать назад дорого обошлась эта мировоззренческая неуспокоенность, но, слава Богу,

времена наступили иные, и нынешний читатель имеет возможность самостоятельно поразмышлять над тем, что тревожило, да, наверное, и по сей день тревожит поэта:

*Позабитый мой с детства язык,
Пресловутое двуязычие,
При котором теряю свой лик
И приобретаю двуличие.*

Навряд ли читатель согласится с тем, что лирический герой Бахытжана Канапьянова — “пришелец из тяжкого плена”, что далёкий предок воспринял бы его “недостойной сменой”, но то, что автором затронута одна из болевых точек духовной современности, — несомненно.

В одной из статей Лев Озеров приводит слова французского критика Пикона: “Чем тяжелее времена бедствий, тем необходимее прибегать к поэзии”. И разъясняет, что поэзия возмещает человеку “недостаточность самой истории” да и саму ограниченность человеческого бытия.

К тому корпусу эпитетов, метафор, ритмов и стихотворных сюжетов, что существовали раньше, автор без какого бы то ни было насилия над своим дарованием присоединяет свои строки. Поэтому читатель найдёт в книгах Канапьянова “Владычицу былых племён” и “Когда солнце начнёт скрываться за гору...”, дневниковые “Я — кочевник с авиабилетом...” и “Себя я чувствую частицей Амстердама...”, милую картинку отечественного пейзажа: бело-дымный костёр в осенней долине; беркут, поднимаясь ввысь, пронзает тяжёлыми крыльями низкое облако.

Если читатель найдёт небольшую книгу “Горная окраина”, то скорее всего поставит её на полку — по крайней мере, так поступил Андрей Вознесенский, написавший предисловие к американской книге Канапьянова. Мы тоже поставили её на полку и время от времени перечитываем:

*Горная окраина,
Террасы и дворы,
И некая есть тайна,
Что люди в них добры.
И, словно из грядущего,
Луна из-за хребта
Желает доброй участи
Сейчас и навсегда.*

Романтический взгляд на действительность ничему и никому не удалось замутить. Дома в незнакомом городе, небесная смуглянка-луна, мелкая весенняя зелень аборигена пустыни — шершавоствольного саксаула, плотное крепкое тело короля “горной окраины” — апорта, наконец, одухотворённое лицо милой незнакомки, не встреча, которая заставляет ночами просиживать над независимым белым бумажным листом, — всё это найдём в стихах Б. Канапьянова.

Для читателя, намеревающегося не просто перелистать книги поэта, а понять сокровенные глубины его мировосприятия, полезно порою присмотреться к первым строчкам стихов. В них открывается многое: “Владею тайной я, она в глазах подростка”, “Когда я заплакал однажды во сне...”, “В далёком доме плачет мать моя...”, “Весёлая мысль витала...”, “На свои только силы надеюсь...” И, последовав совету одного из учителей Б. Канапьянова — Евгения Винокурова, задержим внимание на понравившейся и чем-то зацепившей строчке, посмотрим “Содержание” и уже сможем составить первоначальное представление о главных ценностях бытия, что дороги автору. Представление о жизни вообще и

об отношении к ней поэта. Самое замечательное, что об отношении именно к собственной жизни самого поэта. Жизнь эта, к счастью, не завершена и привлекательна как раз своей незаконченностью, живой неприбранностью, мятежным уютom “поэтического беспорядка”.

Поэт с предельной добротой и незащищённостью вручает читателю ключ — лирический и метафорический. Бога ради, продолжай — бодрствуй в бессоннице томительно-магнетического блюза, бреди новонайденной тропинкой, освобождённой тёплым мартовским ветерком от долгого снега, к домику молодой брюнетки, чтобы дыхание страсти “сбило пламя огонька...”. И как не восторгаться лукавой эротически-целомудренной усмешкой бесшабашного странника, “праздного гуляки” в “Песенке ваганта”, откуда и взята “пламенная” строка:

*В темноте дойти до цели
Опыт странствий мне помог.
Нам небесные качели
Ниспослал с улыбкой Бог.*

Бахытжан Канапьянов — достойный наследник поэзии предшественников и современников. Живые следы великой культуры, отважно принятой в собственные строки, постоянно и просветлённо обозначают себя в его стихах. То пригрезится Артур Рембо (“Не пьяным кораблём поэта...”), то вспомнится лермонтовское “Из пламя и света рождённое слово”:

*И жаждет вымысла бумага,
Как древко жаждет пламя стяга, —*

то в качестве жизненного девиза Б. Канапьянов приводит афористический завет Шакарима:

*Будь, как облако, что дарит
Лёгкую в дороге тень,
Исчезая там, за далью,
Если на исходе день...*

Он неспроста в качестве звёздно-знаковых опор своего мировоззрения рифмует “словарь” и “календарь”, пространство и время разумного, наделённого божественным словом бытия. “Ландшафты” — последняя по времени книга стихотворений Б. Канапьянова, из которой мы взяли многие строчки. Это очень цельная, архитектурно точно построенная книга лирики. И если вышесказанного недостаточно, чтобы убедиться в справедливости этих слов, то прочтём последние три строки из упоминавшейся “Песенки ваганта”:

*... Напишу одну из книг.
Вспыхнет в памяти молитва,
Что когда-то пел старик.*

На последней странице сборника мы найдём эту незабываемую молитву — у поэтов хорошая память на всё хорошее:

*Храни Всевышний вас во имя новой встречи,
Храни Всевышний и в грядущие все дни...*

Кропотливый исследователь, вооружившись томами Л. Тимофеева и М. Гаспарова, без сомнения, постаравшись, найдёт в стихах технические слабости и изъяны, но в “тихой лирике”, как ни странно, отточенность, чрезмерная приглаженность строки, алгебраическая выверенность образов иной раз мешает осуществиться прямому, непосредственному общению с читательским сердцем.

Кстати, как не заметить, что в русском стихе Б. Канапьянова — казахский язык поэт знает: казахский эпос, Магжан, Шакарим, Махамбет переведены с оригинала — чётко проступает традиционная интонация, можно сказать, кольцовская, даром что стихи воронежского прасола всем знакомы, как правило, всего-навсего по трём-четырёх хрестоматийным вещам:

*Перелесок за аулом.
Прячется в траве ручей.
Проезжаю на каурум
Я среди карагачей.*

При всей простоте, крупноформатности поэтического почерка, когда строка не щеголяет нарочитой таинственностью, не оберегает себя от прямого и быстрого понимания, в стихах Канапьянова заметна разносторонность тематического выбора. Меньше всего автор склонен работать “циклами”, многократно снимать урожай с одной, хорошо получившейся строчки. Под руку так и просится расхожее слово “хроникальность”. Вот только хроникальность, репортажность стихов Канапьянова замешана на лирике, пропущенной, как велели классики, сквозь сердце:

*Представил я за сотни вёрст,
Как в южном городе зелёном
Ты дышишь в трубку телефона,
Чтобы от стужи я не мёрз.*

Но что такое доброта? “И почему её обожают люди”, и первый среди обожающих — поэт?

*За всё есть небесная плата.
Край виден земного пути.
В час первый, что после заката,
Свечою мне, друг, посвети.*

Мы и не заметили, как легко, как естественно возросло и окрепло в стихах Б. Канапьянова философское качество: поэт переходит к несмущённому мнимой скромностью открытому высказыванию, и оно не тяготит нас надуманностью, назидательной наставительностью. Немного лукавства, приправленного то ли горечью от непонимания, то ли мужской грубоватостью вызова: “Я просто пишу стенограмму. И авторство мне ни к чему”. И захочешь — не поверишь после знакомства с сотнями стихотворных канапьяновских строчек. Но папирной остроты выпад ещё не закончен, и наш собеседник не преминет всё поставить на свои места: вот что он думает сам о себе — “Но путь мой к небесному храму не повторить никому”. И здесь сквозь простые слова проступает “великая магия” поэтической цельности. Не всегда отзывчивость поэта оборачивается безошибочным попаданием “в яблочко”, и мы, сочувствуя сердечной боли гражданина, душою тянемся к не менее печальному, трагическому, однако же более свободным эмоционально, более эстетически прочным стихам. Не все “пометки на полях” современности необходимо высекать золотом на мраморе, иные лучше делать быстрым лёгким карандашом: пусть протекающие годы решат, стоит ли передать написанное в арсенал вечности или всё-таки дать возможность милосердному ластик забвения “снять неудачу с пробега”.

II

“Мы странно встретились...” — вот такая строчка из старинного романа припомнилась мне, и я вновь вижу Бахытжана Канапьянова на давнем литературном собрании в Москве. Готовилось обсуждение поэтических книжек

казахстанских женщин, и мы дружной стайкой бродили по Центральному дому литераторов и ждали строгого, но справедливого суда москвичей. Собрались столичные критики и поэты, всё больше мужчины, среди сочувствующих зрителей я заметила родное лицо. Родное потому, что оно было несомненно степного происхождения. И звали человека, явившего дружелюбие и заинтересованность, Бахытжан Канапьянов.

Не позднее вечера того же дня я имела возможность в полной мере оценить душевную самостоятельность Бахытжана, его беспристрастие, нерастраченную и по сей день любознательность высокого образца. Послушать нас, наши стихи призвали казахскую диаспору в Москве. Оказалось, что наши земляки неплохо представлены во ВГИКе и Литературном институте, консерватории имени Чайковского, разного рода технических вузах, но что-то никому и в голову не пришло прийти в Союз писателей и послушать, что же говорят о нас и нашем творчестве “старшие товарищи”.

Тот вечер принёс мне много хорошего: Евгений Винокуров предложил принять меня немедленно в Союз писателей. Его слова остались без отклика, и мастера это ничуть не изумило. Просто на завтра в редакции “Нового мира” он написал мне рекомендацию, и это без просьбы вмешательства в мою не очень лёгкую писательскую судьбу до сего дня светит благословенной звездой. Но и присутствие Бахытжана запомнилось и помогало в последующие годы не меньше, и оказалось, что мы встретились не только странно, но и счастливо. Правда, это стало ясно намного позднее.

С той поры прошло-промелькнуло двадцать пять лет..

Я не пропускала ни одной книги Б. Канапьянова, ни одной его статьи, пристрастно читала переводы. Настороженная обстановка постоянного соперничества, собратья, караулившие момент, чтобы или впрямую грубо тебя оскорбить и отвалить от издательства, или со слащавой улыбкой донести, как дурно отозвались о тебе, о твоих стихах. Подогреваемая малой одарённостью зависть к чуть-чуть преуспевшему товарищу — всего этого не только я нахлебалась в своё время сверх меры. Но вот что примечательно — контраст — светлой натуры Бахытжана вся эта накипь не коснулась даже в малейшей степени. К таким “подвигам” он никогда не имел ни вкуса, ни отношения.

Я стремилась не давать воли негативному чувству к разным нападкам, к клевете и наветам. Оправдывала и объясняла себе, рассматривала неблагоприятные поступки, держась Божьего завета: “Мне отмщение, и Аз воздам”. Старалась судить по стихам и прозе людей с богатым воображением, максимальной верой в свою исключительность и порою полным отсутствием совести. Иначе построил свои взаимоотношения с товарищами по ремеслу Бахытжан. Он — человек, бесспорно, не собиравшийся принижать себя ни в своих, ни в чужих глазах, — раз и навсегда решил, что ему интересны все. Со своими достоинствами и недостатками, праведники и неумные честолюбцы, несносные зануды и благородные скромники. Многогрешное собрание друзей и недругов — всё оно целиком, без сортировки, принималось Бахытжаном, потому что он понимал: насильственно укладывать кого бы то ни было в прокрустово ложе идеала — занятие бесполезное и безнадёжное. Идеал — вещь недостижимая, а исправлять чужой характер совершенно ни к чему. И не исправишь, да и самому нравственный ущерб — навязываться с непрошеной помощью.

Своей терпимостью Б. Канапьянов, конечно, раздражал. Помню, как по поводу книги “Аист над Припятью” — стихи Канапьянова о чернобыльской трагедии напечатали в Киеве — некая литературная дама каждому встречному и

поперечному возвещала: “Наш пострел везде поспел”. Позаспинно, конечно, возвещала... А нашего героя так мало это всё волновало. Фальши и притворства не было в независимом и гордом характере Бахытжана, потому злобные укусы столь мало его заботили. Он уже всем ответил своими стихотворениями:

*Каких же мы яблоч съели,
В какой же зашли тупик?*

Я нашла много неподдельных, с глубокой философией в подтексте, строк в книге о чернобыльской трагедии.

Про наших маргинальных зоилов ещё наш поэтический прародитель Александр Сергеевич пронизательно заметил, и попробуйте им сказанное опровергнуть: “Он не хранил в своём запасе Глубоких замыслов и дум; Имел он не блестящий ум, Душой не слишком был отважен...”. Вот именно!.. Как видно, и Пушкину досаждали...

Крупность души, скорее всего, можно объяснить ещё и тем, что чистый лирик по миропониманию, Бахытжан корневой системой сознания чувствовал казахский эпос. Мне также очень близки эпические сказания казахов, вообще тюркского мира, я читала прозаические и стихотворные переводы, и как раз переведённая Канапьяновым поэма “Кыз Жибек” заставила ревностно мечтать о том, чтобы переложить русскими стихами “Козы Корпеш и Баян Сулу”. Читала я русскую версию весьма пристрастно и понимала, что есть в ней достоинства, невозможные в работе “варягов”, нанятых со стороны.

Недавно случайно, будто прочла чужое незапечатанное письмо, довелось прикоснуться к тому, как автор готовил перевод “Кыз Жибек” к переизданию. Оно вот-вот увидит свет. Исправления, замены, нелёгкий поиск нужного слова здесь же на странице, вереницы синонимов, россыпь эпитетов, новые, только что сочинённые строчки — какая добросовестность, вгоняющая в пот наборщиков, какая смелость нужны, чтобы решительно погрузиться в поток, отбушевавший много лет назад, чтобы воскресить свежесть и чистоту поэтического создания.

III

Бесстрашие перед листом белой бумаги — завидная доблесть, оно не покидало Бахытжана. Потому-то в его духовном арсенале столь важен приобретённый с годами жизненный опыт, накопленная из книг и путешествий образованность. Как важно и сохранение молодой непосредственности. Нельзя не заметить, что здравый смысл — опорный камень степного менталитета — в высшей степени присутствует в поведении Бахытжана, что, разумеется, ничуть не мешает ему увлекаться и мечтать.

Для меня до сих пор загадка, как Бахытжан решился “построить” издательский дом “Жибек жолы”. Безденежные друзья-товарищи, — а недруги, как только приказала долго жить прежняя издательская система, мгновенно превратились в таковых — конечно, контингент хлопотный и малоблагодарный. Но поскольку президент издательского дома объявил Алма-Ату столицей поэзии, а кроме того, принял решение — непременно выпустить в порядке безвозмездной помощи по книжке каждого своего литературного знакомого, об отступлении от благородного замысла пришлось забыть.

Началось с календаря, в котором оказались представлены почти все русские поэты Казахстана. Канапьянов возвратил многим и многим мироощущение поэта, выдал каждому кредит доверия, а дальше “вольному — воля, спасённому — рай”. Как этим кредитом кто распорядился, на то собственный выбор

того, кто по доброму почину Бахытжана в этот календарь попал. Так наметилась единственность, неповторимость Канапьянова. Он смог заменить собою, своим издательским домом пришедший в упадок Союз писателей вместе со всеми впавшими на целое десятилетие в бездействие издательствами.

И только слепец может не заметить, что это и есть грамотная культурная политика. Один человек переборол “глухую пору” интеллектуального безвременья, нравственного разброда. Для того чтобы осуществить всё проделанное, надо иметь марафонскую выносливость, терпение и справедливость, достойные высшей награды. В произвольном соревновании всех, кто действует на поле отечественной культуры, Бахытжан Канапьянов — десятиборец-победитель.

Мне как-то попались на глаза высокомерные, мнимо аристократические рассуждения одного кинорежиссёра о том, что, дескать, здесь, в Алматы, “жидкий культурный супчик”. Так вот, когда думаешь о Бахытжане, когда убеждаешься, как широк круг его всевозможных интересов, как он открыт и восприимчив к новым впечатлениям, как несравнима с обыкновенными житейскими правилами его неустанная работоспособность на грани окончательного упадка сил, понимаешь, что все эти пустопорожние разговоры о “жидком супчике” — всего-навсего свидетельство собственной беспомощности и нежелания хоть чуть-чуть помочь ближнему. А если взять в расчёт ещё и деликатность в обращении с прозой и стихами авторов, печатающихся в “Жибек жолы”, когда рукопись идёт в набор без навязчивого вмешательства редакторского карандаша. Днём с огнём не найти подобного примера, причём не только в наших евразийских палестинах.

Как не заметить, что мир имеет дело со стройной мировоззренческой системой. Бахытжан относится с иронией не только к тем интеллектуалам, что десятилетиями капризно отворачивались друг от друга, соблюдая в многолетней холе существующие, а всё больше несуществующие, обиды. Он не прочь, осерчав на кого-нибудь, над собой, разгневанным не в меру, самокритично посмеяться. О том, что у Канапьянова коротка память на зло, ему причинённое, нужно ли говорить. “Рифмы дружат, а люди, увы...” — писал А. Вознесенский. Для Бахытжана “рифмы” любого человека, во-первых, “охранная грамота”, во-вторых, льготный талон на право безвозмездного (по сути меценатского) выхода отдельной книги в издательском доме “Жибек жолы”. Это не считая того, что голова Канапьянова всегда полна проектами и в каждом проекте непременно задействованы и правые, и виноватые. У миротворца Б. Канапьянова характер литературного героя — легендарного средневекового короля Артура, собиравшего за круглым столом сообщество рыцарей. Общаясь с Б. Канапьяновым, и сам становишься терпимее, больше думаешь о товарищах по писательскому цеху, нравственно подтягиваешься и держишь верную моральную осанку.

Человек корневой памяти, Канапьянов включил в благородное семейное собрание не только родственников — отца, мать, няню, жену, сыновей, сестёр и братьев, но и предков, ближних и совсем дальних. Принадлежность к родовой ветви чингизидов ко многому обязывает, как и то, что в обширной родословной имеются и такие великие люди, как Чокан Валиханов. И не романтическая ли тяга к прозрачному Онону, где некогда начиналось родословное древо, довольного-таки рано отправила “кочевника с авиабилетом” в путешествия.

“Во многих мудрости много печали”, — констатировал и предупреждал Экклезиаст. А в добровольных скитаниях по белому свету? Он и в путешествиях всё тот же — с неизменным спокойствием относится к тому, что замечает, а замечает многое, но исповедует следующую истину: “Мир интересен сам по себе, а не таким, каким мы его заранее вообразили”. И в то же время, добравшись до

Амстердама, Франкфурта, Загреба или Парижа, до американского сталелитейного Питтсбурга, наконец, поэт совершенно убеждён, что это всё для того, чтобы попасть в его добросовестные стихи. Культ собственной личности — вполне справедливое состояние души. Иначе поэту незачем было пускаться в путь, а затем возвращаться в родные пенаты. Что же касается библейской “печали”, той самой, что от “многой мудрости”, пожалуйста, читайте и размышляйте:

*Сверял гекзаметром Афины,
Но не нашёл, чего искал.
Передо мной одни руины,
На сто столетий опоздал.*

Так и видишь старика Гомера, растерянно листающего “Илиаду” со всеми имеющимися там гекзаметрами и не могущего оправдаться перед суровым степняком, что в конце второго тысячелетия рифмует бессмертные Афины с мраморными руинами. Однако в конце концов как не понять, что “великого старца” (Пушкин) можно отпустить на покаяние — наш современник в действительности горюет по поводу собственной “вины без вины” — “На сто столетий опоздал”.

В книге о Канапьянове считаю нелишним признаться вот в чём. В последние годы отношение к самому заметному, но и к самому непонятому, почти непрочитанному Льву Николаевичу Гумилёву для меня критерий и мерилло интеллектуальной и нравственной состоятельности человека. Несколько встреч с Бахытжаном особенно были богаты на разговоры об авторе “Древней Руси и Великой степи”. Канапьянов всерьёз интересовался темой евразийства как потомок Чингисхана, как строитель духовной культуры, как персона, принадлежащая к сердцевине Центральной Азии. Я — поклонник и ревностный почитатель “последнего евразийца” Гумилёва — очень пристрастна ко всем, кто хотя бы чуть-чуть скептически воспринимает наследие моего гениального кумира. И вот Бахытжана мне упрекнуть не в чем. Он, исколесивший полмира, всегда с комом в горле от самой кратковременной разлуки возвращается в евразийские пределы как раз потому, что кровно соединён с землёй, каждая персть которой — сама история. Моему евразийскому земляку, по вещим словам Александра Блока, “внятно всё: и острый галльский смысл, и сумрачный германский гений”. Но остаётся Канапьянов при своей вере, выкованной, выплавленной в тигле мировой поэзии, и самой массивной частью этой веры обозначился Пушкин.

При всём при том Бахытжан очень чуток, не закрыт — нечастое качество для стихотворца, прямо скажем, — ко всем поэтическим явлениям, будь то сонет Бодлера или эпиграмма, сочинённая за гостеприимной чашкой чая в его кабинете однокашником по Высшим литературным курсам. “Через головы поэтов и правительств” Канапьянов, подобно пчеле-труженице, собирает драгоценный мёд поэтического слова и укладывает в плотный воск опорных символов.

*Причём здесь бык вне Бога наших мыслей,
Причём здесь Бог, увы, он ни при чём.
Я колесницу времени сквозь числа
Вновь завожу магическим ключом, —*

пишет поэт в стихотворении, названным самолично изобретённым словом “Компьютодор”. Да, поистине так оно и есть — Канапьянов всегда в сказочной “колеснице времени”, и всегда при нём — “магический ключ”. К воображению и вдохновению.

IV

Поговорим об искренности нашего поэта. О совести творца, о нравственных ориентирах сочинителя. Канапьянов становился на литературную стезю, когда соблазны скороспелого шумного признания просто-таки бушевали со всех сторон. Достаточно было осознать, приглядеться к генеральным приметам моды, чуть-чуть ради приличия отойти в сторону, а потом петь “во всё воронье горло”, и, возможно, вожди стадионного “мейнстрима” тотчас бы приняли в свою компанию, а там — все блага, что положены вошедшему в “стаю”: тиражи, снисходительное поощрение старших товарищей, доброжелательные статьи критиков той же “группы крови”, льготные путешествия в дальние края и главное — чувство самодостаточности, наконец-то выбился из гонимых, непризнанных, замалчиваемых. Ему повезло, конечно, больше многих, но...

Стихи Бахытжана значимы потому, что против собственной совести поэт никогда не поступал. Нет строк с моральным изъясном. Искренность автора очевидна. С ним можно спорить, иной раз ожесточённо, до ярости, можно не принимать, не соглашаться, более того, выдвигать собственные варианты, посмеиваться над заблуждениями или корить за бесспорное отставание от моды, но не верить нельзя. Контрасты, противоречивость, порою раздражающая читателя категоричность суждений — всё это есть. Иной раз Канапьянов весьма заметно противоречит себе самому, себя же, любимого, и опровергает. Но не по чужой, а по собственной воле, по своему разумению и хотению. “Не продаётся вдохновение...” — этот пушкинский нравственный императив та самая муза, что, по словам Ахматовой, диктовала Данту страницы “Ада”, вручила Канапьянову одновременно с лирическим даром.

Вот почему, читая Бахытжана, мало того, что чувствуешь — это стихи твоего современника; понимаешь, что ты к ним ещё вернёшься, поскольку они рассчитаны на вырост. Что-то в них есть такое, не доступное полной расшифровке, зёрнышко тайны, и всё это имеет полное право на дальнейшую жизнь, за пределами сиюминутного прочтения. Прибавим также, что и прошлое не менее интересно в стихах Канапьянова, и в эпохе, в которой, казалось, не осталось ничего неразгаданного, вся она вроде бы на ладони, изучена и исчерпана, протоптана вдоль и поперёк, внезапно открывается нечто, что и по сей день живёт и набирает драгоценный свет истины. Возвращает милый сердцу звук, без которого вся жизнь — твоя жизнь, особенная, неповторимая, — пыльный листок, что оторвался от ветки родимой и никому не нужен, даже тебе самому:

*Спой мне песню из времён застоя,
Из времён застоя песню спой.
Струны я на время то настрою,
Подпоёт мне кто-то из пивной.*

*Говорят, что мир без песен тесен.
Подтверждаю — правду говорят.
Спой мне, друг, одну из наших песен,
Излечи, как двадцать лет назад.*

Как точно пришлась к месту пивная. Давний приют свободомыслия, равноценный бане, именно там развязывались языки. Банный веник да пивная кружка — вот опорные инструменты откровенности, мужской свободы и неподчинения существующему миропорядку. Одно слово в его строке (поэт — не любитель обстоятельно разворачивать талантливую подробность), а как много-много сказано.

Оно, это слово, одновременно высекло и искру, и слезу. Вот что совершает бесхитростная интонация, родниковая прозрачность функциональной речи. Для такого изначально раскованного обращения с живой жизнью одного таланта мало, хорошего знания русского языка мало. Свободного доступа к печатному станку тоже недостаточно. Без всего этого нечего и силы душевные тратить, но объяснение феномена Канапьянова вот в чём. Школа. Школа с большой буквы — вот что действительность дружески, доверчиво подарила Бахытжану. Он — выученик поколения фронтовиков, далеко отошедших от абстрактной возвышенности и риторической холодности. Это люди неподдельной судьбы, трагического опыта, добытого мужественно и некабинетно.

Кто его школил? Откройте любую поэтическую хрестоматию Великой Отечественной войны — там поимённо перечислены наставники Канапьянова. Назовём же имя главного Учителя — Александр Межиров. Мне посчастливилось дважды — один раз по телефону — разговаривать с Александром Петровичем. Эти кратковременные беседы произвели сильное неизгладимое впечатление. Межиров явился мне человеком, полностью владевшим сокровенным знанием о Поэзии как части природы. После того, что он сказал, короста пафосности и примеры чужих одежд отлетала, как зерновая шелуха под ветром. А Бахытжану посчастливилось два года быть межировским семинаристом. Есть чему позавидовать, в том числе и тому, что в эпигоны и Межирова, и других поэтов фронтового поколения Канапьянов записываться не стал. Мы числим его по иному ведомству. Вот послушайте:

*В саду незримая певунья
Иль в море шлейф от ветерка...
Поэзия —
Моя колдунья —
Быть может мифом полнолуныя,
Быть может притчей моряка...*

Невозможно не почувствовать пушкинский ветерок, легчайший благоуханный зефир в негромкой человечности, в бесхитростности незаёмного изящества, когда на своём месте миф и притча, моряк и полнолуныя. Потому-то истинную радость доставила мне совместная работа над “Пушкинским календарём”. Составить календарь к 200-летию великого поэта Бахытжан доверил мне. Я проштудировала академический десятитомник и готова была писать “Тридцать девятое мартабря”, лишь бы уместить побольше материала в небольшой перекидной календарь. Начались долгие битвы под знаком отбора и отсева. Что оставить в календаре, чем пожертвовать, как композиционно разместить по календарным числам, какой рисунок к какому отрывку присовокупить?.. Какими же словами выразить мою благодарность за то, что Бахытжан дал мне возможность — как я определила — выпустить мою лучшую книгу стихов? Теперь, спустя годы, перелистываю страницы “Пушкинского календаря” и убеждаюсь, что благодаря бескомпромиссности, твёрдости Канапьянова всё пошло в дело, почти ничего не пропало. Давным-давно степной здравый смысл подсказал мне следующие строки:

*Все ищут в миру красоты и прокорма,
За это на этой земле послужи.*

Я получила, если говорить о “Пушкинском календаре”, вдоволь и сполна “красоты и прокорма”. И кто бы ещё, кроме сурового Бахытжана, по своей воле принял на себя нравственные и финансовые затраты на издание, получившее в Москве уверенное признание! А с моей стороны сколько получил глава издательского

дома “Жибек жолы” несправедливых слов и слёз. И вот вам его объективность, неподвластность негативным мгновениям и стопроцентная незлопамятность. Казалось бы, расположение ко мне должно было подвергнуться коррозии и прочим искажениям, умалиться, а то и вообще пропасть. Плохо же мы думаем о Бахытжане — он не изменил своего отношения ни ко мне, ни к другим, провинившимся перед ним куда более крупно по сравнению со мной, и его вечная, почти что буддийская терпимость к чужим причудам, изменам, даже предательствам осталась непоколебимой.

V

О Бахытжане Канапьянове написано много. Преобладает положительно-комплиментарная тональность. Поневоле и с чувством, что сказано совершенно справедливо, вспоминаешь Окуджаву: “Давайте говорить, друг другом восхищаться, высокопарных слов не стоит опасаться...”. Понятно, почему: можно роковым образом не успеть. У Бахытжана глаз поставлен на всё лучшее в человеке и в жизни, и критики это тотчас замечают, и доброта поэта в лучшем смысле этого слова заразительна. И авторы многочисленных отзывов о Канапьянове столь же терпимы, столь же чутки к хорошему. А такого хорошего в стихах Бахытжана много.

Я уже писала и о поэте, и о его критиках. Просматривая вышедшую в Москве в редакционно-издательском центре “Пилигрим” книгу Виктора Максимова “Свет кочевой звезды” (2000 г.) о творчестве Бахытжана Канапьянова, поначалу задумываешься, зачем автор прибегает к столь обширному цитированию. Прочитав, к примеру, строчку “Я родом из мира, я верю, что он будет вечен”, литературовед стремится сделать наглядными некоторые закономерности движения цивилизации, здесь естественно возникают и пространственные параллели, и понятие “ноосферы”, вовсе не лишнее в теоретических построениях по поводу конкретных стихов. Не каждый согласится, чтобы гармонию его вольного вдохновения проверяли алгеброй пристального литературоведческого анализа, причём вовсе не потому, что так действовал пушкинский Сальери, а потому, что живут начерно, пишут расслабленно, тащат на бумагу всё, что попадает в поле зрения.

Для В. Максимова чрезвычайно важно восстановить в современном читателе угасающую способность сопоставлять, слышать в музыке и метафорике нынешнего стихосложения явственно проступающий “вековой прототип”. Сплыв высокой традиции с усложнённой техникой письма и способом художественного мышления, выработанных XX веком, — вот что в “Свете кочевой звезды” названо литературными достижениями Канапьянова. Это справедливо и интересно, когда твоего современника проверяют на фоне мирового контекста, и чувствуешь — выдерживает.

В 2002 году Виктор Бадиков, доктор филологических наук, написал книжку о Б. Канапьянове “Линия судьбы”. Это учебное пособие к спецкурсу “Современный литературный процесс Казахстана”. Это уже совсем иной контекст, если сравнивать с книгой В. Максимова. Интересно, что стихотворения Канапьянова выдерживают два подхода, две непохожие методики исследования.

Не менее мне дорог и взгляд другого критика и литературоведа. Людмила Мананникова назвала свою книгу о Б. Канапьянове “Стихи под взглядом неба” (2002 г.). Она тоже чувствует, что образы поэта пронизывают Вселенную, что без этого поэтического слова мир бы обеднел “в отсеке сегодняшнего дня” и привязанности к одному месту. Мананникова пишет: “Хорошо ответы на вечные вопросы искать в дороге... в пути скрывается нечто иррациональное. Здесь

Поэт, как ему кажется, близок к разгадке жизни. И неважно, едет он в автомобиле, поездом по степи, летит в самолёте. Дорога для Поэта — повод остановиться и оглянуться”. Строчка за строчкой цитирует критик стихотворения Б. Канапьянова. Уже однажды пропущенные через душу образы пропускаются Мананниковой ещё раз уже через свою душу и навевают неотвязную мысль перейти от цитат к полным стихам и перечитать, может быть, известное, но до конца ли понятное. Этот метод: памятуя о космосе, о предшественниках и современниках, об общечеловеческих истинах, более всего ценить то, что переходит от одной души к другой, — мне симпатичнее полной алгебры. Книгу Л. Мананниковой можно назвать лирикой о лирике — это созвучно с тем, что я чувствую, читая Канапьянова.

И кроме всего прочего, я воспринимаю Бахытжана для себя тем, кем были для Чайковского издатель Юргенсон или Надежда Филаретовна фон Мекк. Прожив большую часть своей жизни при советской действительности, я с некоторым подозрением читала о благотворительности, меценатстве, жертвенности. Как прекрасно, что новая эпоха позволила Б. Канапьянову стать меценатом аполлонического племени. Помню его великолепное признание на открытии дома “Жибек жолы”: “В конечном счёте я открыл издательство, чтобы печатать своих друзей и себя. Осточертело зависеть от людей, завистливых и полуграмотных, которым на ухо — если говорить о чутье к поэтическому слову — наступили все медведи с самого раннего утра в лесу. Опротивела чужая самоуверенность, что они лучше разбираются в твоей душе, чем ты сам. Что им пушкинский завет: “Ты сам — свой высший суд”?”

У каждого из нас довольно незаживающих, долгие годы сочащихся кровью ран, нанесённых самоуверенными редакторами. И наша память на обиды прежних лет не ослабевает, пусть даже позарастали мохом-травой все те дорожки, что когда-то вели в то или иное издательство или единственный литературный журнал, в котором поэтов умерщвляли злодейски испытанным присловьем: “Замените подборку!”. Да, мы не забыли, а вот Бахытжану наша непримиримость не пример. Он, я уже говорила, как раз обиды не очень-то и помнит, по поводу обидчиков не злословит, врагов не кланёт, собеседника своего разного рода проклятиями не терзает. Широта души и позволяет Канапьянову оставаться предельно и призывно последовательным в своей незлобности и объективности.

Как-то Канапьянов признался, что самая чистая, ничем не запятнанная надежда — приход Нового года. Накануне годовой смены мальчишкой он весь день пребывал в нетерпении, какой подарок на рассвете окажется под подушкой. Не говорит он впрямую о тепле, о душевном уюте родного очага, о том, как его любили мать и отец, но нам уже всё понятно, как понятно и то, что, только обладая такой защищённостью, человек получает возможность, свободные силы искать своё особенное счастье за пределами материнской обители. Его влечёт “Фонарь надежды”, его притягивают ветер, вольная воля. И в маятниковых ветровых порывах поэт уже чувствует отлаженный механизм бытия.

Давным-давно замечено, что истинная лирика всегда печальна. “Страшит необъяснимая печаль”, как сказано у Канапьянова. Обострённость его зрения, пронзительность печальных слов, наверное, возникают потому, что молекулы мира, мимолётные впечатления, звенья бытия, попавшие в стихи, — и они сейчас “Золотом вечным горят в песнопенье” (Фет) — это одновременно приметы необыкновенно яркой, многоцветной действительности и колокольню-прощальный звон по жизни. И чем острее, чем приметливее взгляд поэта, тем сильнее горькое предчувствие расставания с этим прекрасным миром. “Дни прошлого — легки”, — успокаивает себя поэт. О, если бы это соответствовало истине,

если бы “позднее прозреньё” действительно отличалось невозмутимостью, разве расслышал бы поэт в младенческом плаче ребёнка невысказанную “тайную тоску”?

*Не зная племени, не зная рода,
Основ не зная языка,
Ребёнок плачет, нет ребёнку года,
А в плаче тайная тоска.*

*Он высказать пока ещё не может —
Обиду или просьбу, не поймёшь,
И это всё он в будущее вложит
И рассечёт на правду и на ложь.*

По существу ведь так оно и есть в действительности, в человеческом многофигурном общении. Более того, в каждодневном борении с языком, со своей и чужой речью — сражение за точность нравственного расклада. За взвешенную оценку, что есть правда и что есть ложь.

Для лирического героя (былинки и песчинки во Вселенной) стихов Б. Канапьянова в конце концов настаёт момент, когда он обращает свой взор к небу. Читатель поражён, как по-разному Бахытжан относится к поискам смысла жизни среди планет, ближних и дальних. То совет предстать перед звёздами один на один принадлежит “жизнерадостному кретину”, то подлинным алмазом светится удивительная строка, в которой звёздное небо названо “Божественной перфокартой”, да ещё выданной “по логике Декарта”. Но сколько ни зови на помощь математику, даже и высшую, всё равно выпрямить “ломаную линию судьбы” под силу только поэзии, причём поэзии серьёзной, бесстрашно обращающейся к вечным вопросам.

VI

Писатель не разделяет для себя труд на свой и чужой, когда берётся за перевод или критику, или за прозу о чужой жизни. Равно высокое чувство ответственности испытывает он перед Литературой. Пора сказать несколько слов о переводах, которыми Б. Канапьянов отдал не менее полжизни. Порой это были значительные удачи. Найдём и изысканную инструментовку, искусную рифмовку, изощрённый образный строй. Максимальна версификаторская оснастка, например, в вольном переложении одного из произведений рафинированного “парнасца” Поля Валери:

*Как будто жертвую небытию под небом,
Плеснул я в океан из амфоры вина.
Невольный взмах руки, что разуму неведом,
Почти не отразив, втянула глубина.*

*Быть может, магия чернеющего дна,
Хмельную кровь перемешав с небесным хлебом,
Повелевает мной, и там, быть может, следом
Над волнами встаёт души моей волна.*

*Мгновение, и всплеск, и розовая дымка
На гребне волн, мелькнув, ныряет невидимкой
В привычную прозрачность пробуждённых вод,
И боги там, на дне, скрепив морские узы,
Стада вечерних туч выводят в небосвод —
Забили волны шторма в колокол медузы.*

Что-то переводилось с незнакомых языков, может быть, с помощью подстрочника: Поль Валери, Н. Хикмет, П. Оресик, Я. Юркандс..., но Канапьянову хотелось отдать долг двуязычию, данному Богом. Более всего он перевёл с казахского. Это и Махамбет, и Абай, и Шакарим, и Магжан, и Джамбул, и Кенен...

Мечта каждого, кто держит в руках перо, непременно соприкоснуться с эпосом, особенно переложить его современными стихами или даже прозой. Творческая ревность к тексту оригинала неизбежна, попасть в соперники неведомого автора, отдалённого от тебя, пишущего, столетиями, и страшно, и заманчиво. А если ты к тому же владеешь языком подлинника и тебе доступны тайны старинного слога и смысла, ведь можно почувствовать себя в положении древнерусского князя, привязанного одновременно к двум древесным вершинам. Перевод казахской эпической поэмы о "Шёлковой девушке" создавался Б. Канапьяновым в свете традиций классической русской школы стихотворного перевода. В прежние годы за переложение эпоса — казахского, киргизского, калмыцкого, за переводы колоссальных шедевров Востока: "Шахнамэ" Фирдоуси или "Пятикнижия" Низами, или "Витязя в тигровой шкуре" Руставели — брались первоклассные мастера: Тарковский, Липкин, Заболоцкий. Будем также иметь в виду, что переводческая работа Пастернака, Лозинского — если только о крупноразмерных произведениях говорить — также не была тайной за семью печатями.

Бахытжан, следуя торной классической тропой, не пошёл по пути, на котором столько переводчиков, именно знающих язык подлинника, потерпело решительную неудачу. Он отказался от буквального воспроизведения оригинала, позволил себе куда большую свободу в обращении с фактическими строчками. И правильно поступил. А разобраться — за перевод эпоса поэт принялся, когда ему только-только исполнилось тридцать лет. Совсем ещё молодой человек!..

*Тулегену между тем двенадцать лет.
Тайны взрослые подростку застыт свет.*

Задумываясь над удачами перевода, понимаешь, что благодарность Бахытжана за прочный фундамент, полученный в наследство от предшественников, состояла в душевной способности тридцатилетнего стать двенадцатилетним. Эта необыкновенная свежесть взгляда, только поэту доступное возвращение в детство просветили насквозь весь перевод.

Даже локальные приметы вроде казахского слова "Алкисса" вместо русского "Присказка" оказались весьма к месту, поскольку точно передают процесс приобщения того же самого подростка к иной языковой стихии. Да, это перевод на русский язык, но перевод-то с казахского и с тонкой продуманностью, выдающей, что автор действовал не по шаблону: слева — страница оригинала, справа — белый лист, а меж ними — казахско-русский словарь. Переводчик придал своей работе родной акцент, что, без сомнения, приближает читателя к старинной истории, бережно и любовно хранимой в народной памяти. Даже правило "жы-шы пиши через ы", верное для казахского оригинала, уцелело в именах эпоса в русском переводе. Не всё переводится, и это присутствует очень тонко.

Я стала читать перевод Канапьянова, чтобы подобрать несколько фрагментов, и не заметила, как дочитала до конца, почти позабыв о своей первоначальной цели. Прочла от строки до строки весь текст, все сто страниц. Имей я в предмете "набрать поганок", т. е. нацелиться на поиск промахов, шероховатостей, частных неудач переводчика, пожалуй, кое-что и накопилось бы. Однако я ходила не "по поганки". При чтении бросалось в глаза и запомнилось иное. К примеру, роскошный парад одиннадцати красавиц, и Кыз Жибек среди них ещё

нет. Бровки прелестниц, как “серпики лун”, сами они, словно белокрылые лебеди, и сокровенным сиянием их глаз озарён весь степной мир:

*Она сродни по красоте
Шолпан — предупренной звезде...
Чью осчастливила семью?
Возможно ли в земном краю
Такой красавице родиться?
Быть может, родилась в раю!*

А ведь это всего-навсего вторая красавица!.. И восторженные описания самих прекрасных девушек, и поражающих изысканным убранством нарядов идут по нарастающей. Казалось бы, куда выше — Шолпан? Очарование восточной поэзии — в неиссякаемости подробностей; сухая информативность ей чужда, вся многоцветная пестрота восточного базара постепенно, эскортируемая звонкими рифмами, размещается в пространстве эпической поэмы. Перевод Канапьянова позволяет представить, как на протяжении веков жизни этого эпоса радовались процитированным и подобным строчкам казахские женщины — безымянный автор не пожалел самых ярких красок, и отныне каждая могла любоваться и гордиться своей неотразимой красотой. Да и казахским мужчинам в пользу — поэтическое восхищение очарованием женщины, волшебным умением безвестного поэта преклонить колени и широко раскрыть глаза перед явлением Прекрасной Дамы. Что вера в душевную тонкость предков давно присутствует в поэтическом сознании Бахытжана, как и стремление почувствовать дальнюю-дальнюю эпоху в свете любви, можно понять из следующих строк:

*«Когда солнце начнёт скрываться за гору,
когда лягут от елей на длину копья тени
и, как чёрные перья, падут на тропу,
тогда приходи к дереву,
там
ствол выщерблен молнией.
Я ждать тебя буду,
моя белая горлинка».*

*Может, так назначали встречу влюблённые
В племени саков в былом.*

(“Когда солнце начнёт скрываться за гору...”)

Но вернёмся к эпосу. Действие поэмы приближается к главной красавице — самой Жибек. А перед нею читатель знакомится с её матерью. И что же?! Она столь обаятельна и обольстительна, что решительно затмевает предшествующую вереницу, о чём автор, пребывающий в неустанном восхищении, заявляет напрямую:

*... несмотря на возраст свой,
Затмит умом и красотой
Всех красавиц предыдущих...
Светилась вся она и лбом,
И золочёным сапожком.
И это — мать Жибек была.*

Все эти описания нисколько не принизили, ничуть не умалили ничьей красоты. Ни одна краска на авторской палитре ни разу не поблёкла, не потускнела,

а, наоборот, каждый раз набирала такой светоносной силы, такой ослепительной яркости, что глазам и, разумеется, сердцу становится больно:

*Четырнадцать всего ей лет,
Заморский на руке браслет.
И три подружки рядом с нею
Для тайных девичьих бесед.
И пуговики на рукавах
Все в переливчатых камнях.
Алмаз бухарский в каблучках
Не виден в собственных лучах.
Серёжкам, что в ушах видны,
Достойной в мире нет цены.
Про тяжесть их нам не узнать —
Любуемся со стороны.
В шелках узорных стан её
Стройней, чем тонкое копье,
Как у крылатой кобылицы,
Осанка гордая её.*

Поневоле позавидуешь неравнодушному, а точнее — любовно-приметливому взору старинного поэта, нашедшего в потомках достойного сотоварища по ремеслу и мировосприятию.

Прошу поверить мне на слово — я знала эту эпическую поэму задолго до знакомства с переводом Канапьянова, знала тайны и секреты этой области словесного искусства, постигла стихотворные приёмы, знакома с работами великих русских переводчиков — они уже названы мною. Открыть что-либо новое почти невозможно, и обновление возможно лишь при помощи интуиции и таланта. Они помогают сделать верный выбор. Так вот в переводе Бахытжана точный отбор решает всё; безошибочно распределены свет и тени...

Попутное замечание — Канапьянов как-то написал: “Найти бы время (“Одиссею”) перечитать когда-нибудь”. Знаменательная откровенная строка. Пастернак признавался, что вместо заказанной статьи об Александре Блоке он написал русский рождественский пейзаж, “как у голландцев”. Так и здесь: вместо того чтобы перечитать “Одиссею”, он перевёл “Кыз Жибек”.

Свобода переводчика, эквивалентная дерзости, сказала в портрете Кыз Жибек, точнее — в представлении главной красавицы казахского эпоса современному читателю. О внешности героини поэмы, конечно, говорится в тексте, как же без внешности-то, и в помощь себе эпический портретист призвал черты неземные, приметы запредельные. Но сначала мы не увидим, а именно услышим Кыз Жибек, нас поразит её бесстрашный смех. Она весьма остроумна, а при её несомненной гордости это соединение просто-таки убийственно. Разит наповал... Как дерзко, как хлётко она отчитала самоуверенного акына Каршыгу, да ещё при Тулегене. Ещё бы — разве можно простить?! — акын осмелился назвать её “сестрою”. “Нашёлся братец!” — был ответ. После такой отповеди хоть бегом беги из аула, оставив домбру и надежду на то, что люди не станут отныне снисходительной усмешкой встречать твоё появление. А острая на язык Кыз Жибек ядовито напоминает, что тот же самый Каршыга готов был продать красавицу за породистых коней.

Среди удач переводчика такой эпизод: едет по степной дороге колесница, и вот из-за приоткрытой нежной женской ручкой занавески выглядывает Кыз Жибек. Появление ярчайшего светила не столь изумило бы Тулегена, как

сверкнувшее ослепительной красотой лицо незнакомки. Чтобы поразить джигита в самое сердце, ей не понадобилось “дышать духами и туманами”. Конечно, такая кинематографическая картинность, сказать откровенно, — технический приём. Но он — этот поворот от внешней характеристики к психологическому портрету — осуществлён весьма умело, хватка профессионала чувствуется в полной мере. “Завидовать будем!” — как сказал вождь с грузинским акцентом, правда, по другому поводу. Психологический портрет — не достояние народного эпоса, где почти всё функционально и здравомысленно. Переводчик, следуя оригиналу, всё-таки ухитрился композицией и подбором деталей внести в перевод достижения русского XIX века.

Владение ремеслом не ограничилось применением приёмов. Текст поэмы пронизан крепким здравым смыслом, а для переводчика этот самый здравый смысл — дополнительная трудность в сложнейшей работе преображения — “из тени в свет перелетая”, где тень — оригинал на пути к другому языку, а свет — завершённое поэтическое переложение. Читатель же в переводе Бахытжана освобождён от необходимости сочетать прекрасные фрагменты, нет, ему предлагается логически безупречное построение.

Кстати, расхожий четырёхстопный простонародный (частушечный) хорей — им-то обычно злоупотребляют переводчики, в особенности те, кто пользуется исключительно подстрочниками и приложенными ритмическими схемами, а словарик разного рода местных речений прикладывают к переводу не столько для читателя, сколько для себя, — для Канапьянова вовсе не догматический размер. И когда в плавном и размеренном течении четырёхстопных ямбических строк внезапно загорается звёздным светом пятистопный хорей, это напоминает громокипящую увертюру, что в цирке, скажем, предвещает нечто знаменательное и особенно яркое.

И всё же оставим пока переводчика и вернёмся непосредственно к Кыз Жибек. Она завершает вереницу красавиц, идёт, если так можно выразиться, двенадцатым номером. Надо ли напоминать, что двенадцать — это не только число зодиакальных знаков, но и цикл восточного календаря, так называемый “мушель”. Так вот двенадцатая красавица представлена совершенно по-другому. Отбор определений иной, чем раньше. Преобладают земные качества, берутся сравнения из близлежащего мира, из того самого, что повседневно окружает человека. Космические светила: солнце, луна, звёзды — “отдыхают”, отставлены в сторону:

*... Схожи груди Кыз Жибек
С коленной чашечкой верблюда...*

*И белизна её лица...
Как в Наурыз пушистый снег,
Что виден из окна дворца...*

*И вспыхивает вновь и вновь,
Как белой куропатки кровь,
Румянец на её щеках...*

Такие сравнения помогают понять, что Бахытжан Канапьянов самовольно и к радости читателей произвёл себя в подмастерья народа-языкотворца. Этот перевод — свидетельство неиссякаемого совершенствования человеческой речи, оптимистическое приглашение в открытое пространство поэтического взгляда на действительность. Просветитель и избранник Музы не посрамил удачи судьбы, выдавшей ему такой аванс доверия — переложить на второй родной язык древнее сказание.

VII

Жизненный опыт для автора лирических стихов не столь важен, как для эпического поэта или драматурга. Новое знание о человеческой душе лирик получает, словно Спящая Красавица, в колыбели. А дальше всё зависит от того, как и сколько жизнотворной речевой влаги набирается в колодце индивидуального словаря. Лирические стихи — живое, меняющееся, волшебное, поскольку не только для автора, но и для читателя, зеркало особенной души. И есть смысл прислушаться к психологам, — кстати, так полагал и Лев Толстой, — что все впечатления человек получает до пяти лет, а остальные годы — время бесконечных и бесперывных потерь.

Путь действующего лирика ознаменован известными словами Пушкина: “Лета к суровой прозе клонят...”. Невыдуманный, простой и ясный жизненный опыт, разумеется, никто со счетов сбрасывать не собирается. Но вот в чём загвоздка... Приобретение знания о действительности, той самой “многой мудрости, в которой много печали”, далеко не книжной, к слову, непременно оборачивается стремлением выйти в наставники, желанием поучать, предостерегать, соучаствовать в выборе кем-либо житейского маршрута. И “глуповатость”, о которой опять-таки писал Пушкин (“Поэзия, прости Господи, должна быть глуповата...”, иначе говоря, должна быть возвышенно наивной, без заранее рассчитанной и применённой заданности), проникшая в лирические стихи, конечно, оставляет впечатление притворства. Пожалуй, только Александру Сергеевичу и было в полной мере ведомо, как ненавязчиво обременить нас своим жизненным опытом.

Малосимпатичная ржавчина непрошеного менторства, к счастью, миновала Бахытжана. Он всегда настроен диалогически, если можно так выразиться, и его собеседник — эта категория столь многочисленна, что тягаться с Канапьяновым — занятие безнадёжное, — рассматривается им как равный. В кабинете президента издательского дома “Жибек жолы” многолюднее, чем в Союзе писателей в прежнюю эпоху. Заинтересованность, внимательность к тому, что совершается, что происходит вокруг него, постепенно вели его стихи к “повести”, вернее — к повествовательности. Путь закономерный, к тому же ещё и не принёсший ущерба лирической почве, на которой произрастали стихи. И поскольку в душе Канапьянова неизменно главенствовало удивление как первостепенная черта характера, то очевидная нерастраченность сердечного расположения ко многим и многим, редкостное умение принимать мир и его насельников такими, какими они есть, полное отсутствие злобы и зависти (заветы старца Зосимы из Оптиной пустыни, можно сказать, в действии), неимоверная загруженность работой, когда на прямые занятия литературным творчеством остаётся всего-ничего, самая малость, неиссякающая вереница разнообразных (всё больше писательских) проектов — всё это совместно соединённое и есть явление по имени Бахытжан Мусаханович Канапьянов. Хорошо, что такая “напряжёнка” — а по-иному жить теперь и не получится — не преградила путь потоку стихов. Они по-прежнему возникают как записи в лирическом дневнике поэта.

А теперь — о главном. Как правило, ни одному человеку не дано с первого раза обрести себя в профессии, почувствовать себя на правильной дороге. Метания, искания, и как много впоследствии отбрасывается, приходит горькое понимание, что годы и годы оказались почти напрасно растраченными. А у Бахытжана всё пошло в дело. Всему найден смысл, назначение всего испытанного обрело живую жизнь в последовавшей каждодневности. Энергичные занятия спортом, погружение в тайны металлургических процессов, ещё

немного — и средневековый секрет дамаской стали современной формулой расшифровала бы рука Бахытжана, наконец, кинематограф, чуть было не заставивший Канапьянова поменять письменный стол на монтажный, кинематограф с его сюжетной муштрой и дисциплиной изумлённого взгляда — всё, всё крупно пригодились.

А к тому же судьба позволила вдоволь постранствовать по свету. Способность удивляться не покидала путешественника и за пределами Отечества, хотя его благословенный кизячно-саксаульный дым, конечно же, так и остался сладок и приятен. Занятия кино помогли желанию во что бы то ни стало оставить при себе, даже расставшись, городские пейзажи Антверпена и Франкфурта, Парижа и Нью-Йорка. Для Бахытжана каждый раз тот или иной город воспринимался особым миром, как и поэты, что становились его гостями в Алма-Ате, — Вознесенский, Ахмадулина, Кенжеев, Лотяну, Оресик, Ян Август...

И всё же толерантность — воспользуемся вполне уместным здесь модным словечком — Канапьянова, его нейтралитет, весьма далёкий от холодной сосредоточенности на своих переживаниях какого-нибудь отшельника, действенная благожелательность, не мелкая монетка попутной, ничего не меняющей в мире милостыни, а решительный поступок серьёзного меценатского толка, порою возвращающий к творческой жизни прозаика, поэта, отечественного философа, — более всего и выразилась за период присутствия в стране издательского дома “Жибек жолы”.

Всё шло вот по какому нравственному начертанию: “И естественно, что ничто сколько-нибудь заметное не должно быть обойдено вниманием и пониманием, ибо и литературе и обществу необходима вся полнота правды о творческом... самочувствии народа” (С. Чупринин). Чуть-чуть уточним известного критика. Вернее говорить о “творческом самочувствии” общества. Более того, это внимание и понимание, этот равноправный, обеспеченный за счёт одного из собеседников набором, бумагой и прочими полиграфическими услугами, диалог, полезная сшибка мнений, взаимопроникновение позиций — всё это не просто справка регистратора, а побудительный толчок к дальнейшим дерзаниям.

Стоит ли напоминать, что по сравнению с мучительной издательской практикой прошлого “Жибек жолы” — место, где не душат начинающие таланты, а помогают, где не отделяют овец от козлищ, не занимаются старинной неумной игрой в друзей и недругов, там держат открытый редакторский стол, а за ним сидит миротворец, терпеливый, держащий в крутой узде собственное самолюбие, успешно отыскивающий нечто стоящее и выпускающий это стоящее в свет. Да, не всё гладко, не всё безоблачно, и ангельскую атмосферу, райскую ауру лучше поискать где-нибудь в другом месте, не каждое издание становится успешной строкой — что поделаешь. Зато многое удалось, создаётся верное общественное мнение, в световой круг интеллигентского внимания попадает многое и совершенно по заслугам. И к восстановлению несправедливо забытого и отодвинутого в тень, к возрождению людей, память о которых, откровенно говоря, дело святое и обязательное, Канапьянов также имеет прямое и повседневное отношение. А спекулировать на обширном губительном “подростковом” любопытстве современного невоспитанного читателя к эротически-криминальному чтиву, к отравленной жаждой наживы макулатуре Канапьянов не собирается.

Некогда — это неприятное время, слава Богу, осталось в прошлом — за стихотворение о горечи и боли автора, связанной с двумя мощными языковыми стихиями, разрывающими сознание, затемняющими для совестливого человека миропонимание, Б. Канапьянова многократно подвергали публичной

экзекуции. В порыве честного раскаяния поэт даже прибегнул к хлесткому обвинительному термину “двуличие”. Прошедшие годы показали, что подобный самооговор не столь справедлив, как это виделось тогда. Бахытжан никогда не был двуликим Янусом, не менял овечьей шкуры на волчью, наоборот, он всегда оставался многоликим, не потерял, проходя вместе с эпохой по её крутым маршрутам, ни одного своего “лица”, став, бесспорно, значимым лицом ныне протекающего времени.

Достаточно раскрыть наудачу любую позднюю книгу Канапьянова, будь то “Ландшафты” или “Над уровнем жизни”, чтобы осознать, как плотно вписаны искренние строки в то, что совершается сейчас и ещё совершится завтра и послезавтра:

*Путь начинаем с пешки,
Но кто-нибудь из нас
Предстанет в этой спешке
Фигурю на час...*

*В одной из этих партий
Пытаюсь то найти,
Что не успел на старте,
Что потерял в пути...*

Об этом же свидетельствует и выход альманаха “Литературная Азия” (Алматы, 2002). Не в обиду предшественникам и продолжателям казахстанского выпуска альманаху посчастливилось, что его составителем стал Бахытжан Канапьянов. А составлен этот альманах “по знакомству”. Вот только по особому, пристрастному и охватывающему обширное литературно-философское и житейское пространство знакомству. Он знаком не столько с авторами, сколько с героями очерков, эссе, критических и аналитических статей.

Здесь, пока это к слову, скажу об отрывке из моей книги “Евразийский Лев”, включённом составителем в альманах. Бахытжан живую общался с Львом Николаевичем Гумилёвым, как и с Аланом Георгиевичем Медоевым, героем мемуарного эссе Константина Кешина “Страстные силы мира”. По собственным воспоминаниям Б. Канапьянов написал о литературоведе Евгении Озмители, о великом русском поэте Арсении Тарковском.

Поразительно обилие имён, представленных в альманахе, от Аль-Фараби и Рудаки до Беллы Ахмадулиной и Юрия Трифонова. Одно только неполное перечисление рубрик (подразделов) альманаха показывает, с какой прицельностью трудился составитель, ведомый всё той же единственной поэтической звездой: “Наше наследие”, “Антология евразийской поэзии”, “По волнам памяти”, “Исследования”, “Публицистика”, “Наш календарь”...

С постоянством великого собирателя Бахытжан Канапьянов отбросил ограничительные и запретительные правила, которым совсем недавно исто-во подчинялись многие не только литературные чиновники, а также церберы редакционно-издательского заколдованного леса. Он не признаёт никаких разграничительных рубежей, его исповедание веры — спокойная толерантность, заинтересованность во многой мудрости со всех сторон, а Канапьянов умеет извлекать зерно плодоносной истины из самого что ни на есть скромнейшего “материала”. Ему “... так весело, так интересно расставлять вешки понимания в сложном, многокоординатном пространстве”, не подчиняясь чужим вкусам и пристрастиям.

Генеральный алгоритм “Литературной Азии” тот же самый, что и в высокой жизненной философии Канапьянова, — добро непременно отстранит зло в

событиях и обстоятельствах действительности. Только не надо размывать горестной рефлексией чёткие понятия о чести, о благородстве, о любви к ближнему, в особенности если этот самый ближний избрал пожизненным занятием каторжную стезю словесного искусства.

Читатель “Литературной Азии” не только присоединяется к широкой осведомлённости Б. Канапьянова о поэзии Узбекистана, Таджикистана, Монголии, Башкирии и многих других глубинных участков Евразийского континента, о творчестве поэта-воина Махамбета, о литературно-философских, переводческих и прочих проблемах, но и получает возможность самостоятельно работать по пунктирным намёткам составителя над контурной картой поэзии и прозы Центральной Азии, Востока, России и Китая.

Для Б. Канапьянова характерна терпимость по отношению к литературным не то что бы противникам, но далеко не единомышленникам. А себе и друзьям — “зелёная улица”, т. е. помощь и поддержка, которая во всех смыслах дорогого стоит в нынешние времена. И как не согласиться со святой верой Бахытжана, что Центральная Азия — сердцевина Евразии, что Алма-Ата — одна из столиц мировой поэзии.

“Литературная Азия” позволила больше узнать о самом Канапьянове как литераторе. Интенсивностью творческого поведения он напоминает поэтов начала прошлого века, людей программ и манифестов захлѐб; они не очень-то поклонялись божественному олимпийскому одиночеству, они объединялись и становились то “Серапионовыми братьями”, то акмеистами, то имажинистами... Б. Канапьянов — обладатель серьёзной многосторонней образованности и патриотического темперамента. Вот почему он как составитель и главный редактор “Литературной Азии”, прикинув, чего нет в арсенале нынешнего критического изучения, сам принялся за работу. Это и информационный обзор “Новости Евразии”, и собственные стихотворения в пространной “Антологии евразийской поэзии” (“Без меня народ (поэтический) неполный”), и воспоминания очень личные о литературоведе Евгении Озмиле из братского Бишкека, работы которого незаслуженно замалчивались; и очерки о Махамбете Утемисове и Магжане Жумабаеве. Недавно в “Жибек жолы” вышла книга стихотворений и поэм М. Жумабаева “Пророк” с предисловием Б. Канапьянова, он же и составитель книги.

Задолго до Года Махамбета поэта-воина переводили немало и в разные времена. Среди переводчиков и истолкователей найдѐм имена Олжаса Сулейменова и Андрея Вознесенского. Совместить в подробном разборе стихи того и другого — тема эта напрашивалась несколько десятилетий. И всё же впервые об этом написал и напечатал в “Литературной Азии” опять-таки Б. Канапьянов. В альманахе нашлось место и его переводам из Махамбета...

Очень много нового, в том числе чисто биографического, узнали мы о самом Бахытжане Канапьянове из альманаха “Литературная Азия”, о многом вспомнили, о многом задумались, в частности, о блистательной школе русского поэтического перевода, о насущной необходимости современной исповедально-лирической прозы, о философской публицистике, о погружении в глубины старинной поэзии Востока... Поневоле поставишь эпитафией к альманаху крепкого созидательного посыла строки Беллы Ахмадулиной: “Эге-гей! Эта жизнь неизбывна! Как свежо мне в её ширине!”. Эта свежесть относится и к составителю, и к читателю.

Без “Литературной Азии” мы бы недосчитались многих черт в творческом портрете Б. Канапьянова. Он — оптимист, причѐм без жѐсткой хватки “собственника”-монополиста — безвозмездная перепечатка из альманаха разрешена — только не забудьте, пожалуйста, сослаться, откуда берѐте. Казалось бы, в

наше время откуда взяться оптимистическому мировоззрению? В одной из статей С. Чупринина о евразийском поэте Леониде Мартынове написано: “Великодушно протягивающий руку дружбы всем, в ком сохранилась хоть капля отроческого воодушевления и отроческого энтузиазма”. Для Б. Канапьянова, и это бросается в глаза всем, кто его знает, состояние молодости — единственная форма существования, и я надеюсь ещё много дождаться от такого юношеского поведения.

И самое неожиданное в альманахе для творческого портрета Канапьянова — сюжетная проза “Бахчисарай”. Он бесстрашно ступил на новую стезю.

По меткому выражению проницательного “последнего евразийца” Льва Николаевича Гумилёва, судьбы мира в третьем тысячелетии будут решаться на евразийском пространстве. Судьбы литературы — отражение судеб мира в магическом зеркале вдохновения и воображения. Человек, который это понял глубинно, молчать не может. Он и не молчит. Он говорит восторженно и ёмко, не примитивно, но доступно и понятно, причём не только стихами и прозой, но и всеми своими делами. Он обогащает не очень-то мощный слой ближнего культурного космоса, который должен развиваться на наших глазах, вбирая всё лучшее из прошедшего и перебрасывая мосты в дальние времена.

Для меня альманах “Литературная Азия” — кристалл горного хрусталя, в котором отражается и мой взгляд на Поэта в своём времени — бесспорного победителя в творческом и жизненном многоборье. Редкое качество. Мне бы хотелось, чтобы читатели оценили эту добытую трудом и совестью гармонию, с которой жить её носителю, может быть, даже труднее, чем без неё.

Мы не ошибёмся, назвав Бахытжана Канапьянова нашим спутником и соратником, собеседником, с которым не так страшны грустные часы печали и одиночества, с которым главными непреходящими событиями нашей жизни по-прежнему остаются дружба и верность, творчество и доброта.

Завершая свою небольшую работу о том, как я понимаю Бахытжана Канапьянова, что думаю о его жизненной стезе, ещё раз убеждаюсь в правильности моего первоначального заявления — поэт, критик, прозаик, переводчик, кинематографист, издатель, меценат, путешественник — житейски-творческое многоборье, иного слова нечего искать. Как нет смысла искать, кому сегодня вручать лавровый венок победителя-десятиборца. Он не столько одинокая звезда, сколько созвездие.

Со всем тем я неохотно расстаюсь с героем своей книги. И меня утешает лишь то обстоятельство, что я оставляю гроссмейстера за шахматной доской мироздания.

г. Алматы.

***

Редакция «Нивы» сердечно поздравляет талантливого и самобытно-го поэта, прозаика, переводчика и сценариста, крупного издателя, видного деятеля казахстанской культуры, давнего автора и члена редсовета нашего журнала Бахытжана Мусахановича КАНАПЬЯНОВА с замечательным 60-летним юбилеем и желает ему неиссякаемой энергии в осуществлении намеченного, новых творческих обретений, несокрушимого здоровья на многие годы и неизбывного счастья!

Юрий ПОМИНОВ

Хроника смутного времени

Записки редактора

Книга третья

(Продолжение. Начало в №№ 1-8 за 2011 год)

1997 год**2 января**

Ждѐшь-ждѐшь Нового года... Бывает, что изведѐшься весь, особенно в детстве. А прошѐл праздник — будто и не было, одна грусть остаѐтся...

Нынешний отпраздновали по-семейному тихо — со всеми детьми и двумя бабушками.

Накануне стояли сильные холода, и я всерьѐз опасался, как бы не “отрубился” свет в новогоднюю ночь, но этого, к счастью, не случилось.

К новогодней ночи потеплело, пошѐл густой, пушистый — как по заказу — снег.

Ольга, когда сели за стол, сказала: “Как хорошо — все дома, и никого не надо ждать”. Последнее относилось к Даньке с Димкой, которые тоже решили праздновать с нами.

По телевизору “гнали” в основном старые добрые фильмы и передачи, что тоже создавало хорошее, спокойное настроение. Вот ведь парадокс: за все годы демократии и рыночных преобразований нашим мастерам кино и телевидения так и не удалось создать ничего такого, что бы можно было показать людям в новогоднюю ночь.

Утром первого января пошѐл гулять по морозу. Дошѐл до речного вокзала, а на обратном пути встретил у ледяного городка Б. В. Исаева, звал его домой, и мы с ним как-то незаметно “приговорили” под домашние пельмени бутылку “Посольской”.

А сегодня с утра уже работал — вычитывал вѐрстку новой книжки. Пришѐл к выводу, что она всё же имеет право на жизнь. Вызывают некоторое сомнение “Прорабы перестройки” — иронически-саркастические портреты первых секретарей обкомов партии, с которыми мне довелось работать. Но ничего оскорбительного в этих зарисовках нет. Так что, наверное, оставлю и их.

... Хорошо бы весь год прошѐл так, как мы его дома встретили, — спокойно, ровно, без суеты и катаклизмов.

4 января

Накануне Нового года Госкомитет по приватизации три дня подряд продавал аптеки. В Павлодаре их “разбирали” с большой охотой, даже если цена в два-три раза превышала первоначально заявленную и доходила до трёх с половиной-четырёх миллионов тенге. При этом сельские аптеки — в Лебяжьем, Коктобе, Актогае, Железинке, Успенке, Баянауле, Шербактах, Качирах и даже в Аксу — никто покупать не захотел.

Приватизацию аптек объясняют их большими долгами и тем, что государство не может больше их содержать. Открытым пока остаѐтся вопрос о том, будут ли ставшие частными аптеки обслуживать людей, имеющих льготы на

приобретение лекарств. Приватизаторы обещают вписать такой пункт в договоры купли-продажи. Вписать-то, может, и впишут, но будет ли он выполняться? Вряд ли большинство новых хозяев аптек станут благотворителями.

***

Учителя школ Качирского района (за исключением трёх) объявили бессрочную забастовку. Зарплату они не получают более полугода. В подобном положении практически всё сельское учительство. И то там, то там принимаются решения бастовать, но успеха эти разрозненные акции, как правило, не имеют.

***

Узнал из нашей газеты, что первые русские в Баянауле появились в 1907 году. Они основали четыре поселения — Алексеевский, Корнеевский, Озёрный, Пушкино. А первое золото в Майкаине было получено в августе 1934 года.

5 января

Наша главная информационная программа “Хабар” (разумеется, пропрезидентская) дала несколько сюжетов. Бастуют (бессрочно), как и у нас, кое-где учителя одного из районов Кустанайской области. Хотя именно учителя, может быть, сами законопослушные и выдержанные люди. Но что им остаётся, если они уже полгода не получают зарплату?

Энергетики по закону не имеют права бастовать. Поэтому работники Карагандинской ТЭЦ выбрали такую форму протеста: сто человек голодают на своих рабочих местах. Об этом они уведомили администрацию предприятия и ждут теперь момента, когда медики отстранят их от выполнения служебных обязанностей по состоянию здоровья.

В программе “Время” информация: в Санкт-Петербурге бастует крупнейшее оборонное предприятие — персоналу много месяцев не платят зарплату, несмотря на три специальных постановления правительства.

6 января

Первый день отпуска. Поселился в санатории “Мойылды”, некогда известном на весь бывший Союз природными лечебными грязями, добываемыми из близлежащего озера. В лучшие времена он мог принять одновременно до тысячи человек. Теперь нас здесь — несколько десятков, поскольку и в прямом, и в переносном смысле санаторий близок к точке замерзания. Главврач Светлана Джагофаровна Шамышева, почерневшая от забот, с утра до вечера добывает мазут и уголь, чтобы не заморозить единственный из бывших трёх “полуживой” корпус.

В номерах — собачий холод. Поэтому мне, как и прочим, выдали “электрогрелку-матрац” на всё туловище. Сразу вспомнил грубоватую шутку приятеля про “грелку на всё тело”, но он-то имел в виду “грелку” живую, противоположного пола...

Сию в шерстяных носках, тёплых штанах и свитере, но голова всё равно мёрзнет. Хорошо что на всякий случай прихватил шапочку — думал, гулять в ней буду, а придётся в ней жить и спать.

Зачем мне такой санаторий? Исключительно для смены обстановки. Хочу ещё и поработать. Ну и, само собой, испытать на себе чудодейственное воздействие здешних грязей.

Пока что держится давление — 150/110, хотя позади уже два относительно спокойных дня — без встрясок и возлияний. Значит, начальная стадия гипертонии налицо и, наверное, не обойтись без таблеток.

Сегодня же лечили лазером локтевой сустав правой руки — он у меня всё время ноет. Думал, оттого, что пишу много, а врач, уточнив кое-какие детали,

объяснила: это от стола со специальным покрытием и от стекла на нём, на котором лежит моя рука. И стол, и стекло холодные — отсюда и рецидивы. Вот ведь какие тонкости!

Набрал с собой провизии и бумаг. Пишу очерк о Викторе Николаевиче Васильеве — единственном уцелевшем в мясорубке репрессий из некогда могучего васильевского корня. Всё время вижу его перед собой: сухого, жилистого, убеждённого сединой. Ему уже 77 лет, но он держится так, будто не было за спиной нескольких лет войны, десяти лет лагерей (с лесоповалом), многих лет последующих лишений...

7 января

С начала 1888 по 1902 годы в Омске издавалась газета “Дала уалаятыннын газеты” — одновременно на русском и казахском языках. В ней печатались материалы и о нашем крае, притом весьма любопытные. Например, информация о посещении Омска “наследником Его Императорского Высочества Цесаревичем Николаем Александровичем”. К приезду Цесаревича в специально установленных праздничных юртах была устроена выставка оригинальной домашней утвари казахов, оружия, музыкальных инструментов, одежды, предметов национальных игр.

Представители Павлодарского уезда преподнесли наследнику престола памятные подарки. Садвакас Мусин-Чорманов — седло сивановского образца с серебряными украшениями. Маралдинский волостной управитель Бастемий Арынгазин Татенев — выношенного и испытанного ястреба, акбетавский волостной управитель Хусаин Боштаев — национальный каменный пояс с сумкою и принадлежностями с серебряными украшениями, алтыбаевский волостной управитель Иса Бердалин — айбалту (боевой топор), в деревянной рукоятке которого скрыт стальной кинжал.

Или вот ещё... Побывавший в Петербурге Муса Чорманов, вернувшись на родину, сказал: кому не пришлось увидеть Петербург, не следует уверять, что он рождён и видел Божий свет..

В газете печатались Машхур-Жусуп Копеев и Григорий Николаевич Потанин, впервые были опубликованы на казахском языке переводы Пушкина, Льва Толстого, Лермонтова, Крылова. (Из сегодняшней “ЗП”).

8 января

Позади двое суток курортной жизни. Пребываю в полуболезненном состоянии: ночью ещё хоть отчасти спасает “электроматрац” (спасибо китайцам), а днём просто околеваю от холода. Кажется, даже мозги густеют и отказываются работать.

Единственное тёплое место — кушетка с клеёнкой, в которую накачивают из шланга жидкую, липкую грязь, нагретую градусов до 35. Ты ложишься в эту самую грязь, и тебя укрывают клеёнкой по самую шею так, чтобы грязь была не только снизу, но также с боков и сверху. Лежишь минут десять, потом тебя раскрывают, идёшь в душ...

Помещение, где идёт грязелечение, неэстетично. Здесь сыро, неприятно, на металлических конструкциях — ржавчина. Видимо, это неизбежная плата за эффект, достигаемый лечением: грязь по составу достаточно агрессивная и “ест” даже металл.

Гулял вчера по здешнему парку, где всюду те же следы упадка и разора. И в фонарях “под старину”, которые не горят, и в порядке запущенной территории, за которой некому следить. А более всего вызывает уныние большая гипсовая фигура Ленина (зачем он вообще здесь?), также неухоженная, обветшавшая, с большим провалом — как раной — на груди, как раз там, где полагается быть

сердцу. Правая рука Ильича выброшена, как ей и положено, вперёд, хотя непонятно, куда и на что она сегодня зовёт..

***

Начал вчера описывать свою американскую одиссею для “Нивы” и, может быть, для будущей книги. Хочется сделать нечто отчасти ироническое, отчасти познавательное, но не газетное, а именно литературное. Почин вроде есть — предыстория поездки: разговоры с Ольгой, знакомыми, треволнения... А вот удаётся ли оторваться от газетного варианта дальше — не знаю...

Кстати, уже получил два отклика на газетные заметки об Америке именно здесь, в санатории. В столовой за ужином меня представили соседям по столику, и пожилой казах тут же сказал: “Я читал ваши заметки об Америке...”. А мой лечащий врач во время первой нашей встречи заметила: “В вашей газете кто-то писал о поездке в Америку, а у меня дочь там, я так за неё переживаю...”. Пришлось мне признаться, что этот “кто-то” я, и она долго меня расспрашивала, потому что у её дочери какие-то проблемы с получением вида на жительство.

9 января

Недолго продолжалось тихое течение моей отпускной жизни. Сегодня приехал В. Г. Семерьянов и привёз с собой обогреватель-батарею, чтобы не дать мне замёрзнуть. А ещё он привёз плохую новость: блокируют счёт редакции в банке из-за того, что газета не прошла перерегистрацию. Я пытался заниматься этой проблемой раньше, но там было столько неясностей, что решил подождать.

Как ни противился, пришлось ехать на работу. С банком удалось договориться, а с перерегистрацией ещё больше запутался. Вариантов не много: либо юридический статус госпредприятия и полная зависимость во всех финансово-хозяйственных делах от власти, либо товарищество с ограниченной ответственностью, то есть полное “свободное плавание”. На свободу нас никто не отпустит — это ясно, власти не позволят газете уйти из-под своего влияния. Оно и сегодня по идеологической части весьма и весьма велико, зато по финансово-хозяйственной мы пока что свободны — что зарабатываем, то и тратим, не согласовывая ни с кем ни штатное расписание, ни премиальные, ни приобретения, необходимые редакции. В идеале лучше всего было бы сохранить статус-кво — оставить всё как есть, подновив учредительные документы. Но вот только удастся ли это сделать?

Обзвонил пять редакций: Кустанай, Петропавловск, Усть-Каменогорск, Талдыкорган, Акмола... Разноголосица полная — кто в лес, кто по дрова. Где-то уже приняли форму госпредприятия, где-то выжидают, где-то на всё махнули рукой — пусть власти сами решают, что с нами делать. Но у нас-то редакция вместе с акиматом и маслихатом числится в соучредителях, и важно сохранить этот, пусть во многом мифический, рычаг влияния.

Хороший совет дал В. Р. Гундарев, который зарегистрировал свою “Ниву” в форме учреждения. Может быть, и нам пойти по этому пути? Сказать: мол, ничего в наших отношениях с акиматом и маслихатом не меняется, к тому же вам (то есть им) лучше — не надо будет заботиться о наших финансово-хозяйственных проблемах.

***

Дома все болеют: после Даньки — мать, Ольга. Только Димка с Пашкой держатся. Я тоже на грани: ни здоров, ни болен.

Данька получил первую зарплату — девять тысяч тенге. Работает у Булата Ахметова — верстает на компьютере газеты. Деньги зажал. Мне это не нравится. Не потому, что мы не можем без них обойтись. Но ведь мог предложить хотя бы часть их в семейный бюджет.

Не знаю, говорить ли с ним на эту тему. Наверное, надо, но вот только поймёт ли?

10 января

На встрече с профсоюзным активом аким области вновь подтвердил: к должникам Пенсионного фонда и бюджета будут применяться самые строгие меры — вплоть до судебных разбирательств. Два судебных процесса над должниками уже прошли, готовятся ещё 64.

***

Новые веяния... Чехарда с телевизионными каналами. На первом канале у нас теперь “Хабар”, а ОРТ транслируется на втором, где прежде выходило РТР, отныне снятое с государственных телеканалов. Таково решение казахстанского правительства, о котором никто не счёл нужным внятно проинформировать людей. Постановление обосновывается необходимостью “сохранения государственных интересов в информационном пространстве республики”. Россия же не собирается платить Казахстану за трансляцию своих телепрограмм, считая, что она и так оказывает ему бесплатно телевизионные услуги...

До конкретных людей при этом никому нет дела. Как и им — до высокой политики, их интересует — смогут ли они и дальше смотреть свою любимую “Санта-Барбару”. Местный коммерческий канал КТК-7 пообещал взять на себя трансляцию части программ РТР с этим сериалом.

***

Кульпаш Кобырова взяла интервью у В. И. Пирогова — нового директора Аксуского (Ермаковского) завода ферросплавов, 55 процентов акций которого принадлежит компании “Джапан хром”. Директор говорит, что предприятие выходит из полосы затяжного кризиса и продаёт свою продукцию не только основному казахстанскому потребителю — Карметкомбинату, но и в дальнейшем зарубежье — в Европу, Северную Америку, Японию, Корею. Оказывается, наш завод — единственный в мире, способный производить миллион тонн ферросплавов в год. Сегодня производится в лучшем случае половина этого объёма. На заводе идёт реконструкция, осваиваются новые виды продукции. Тем самым новые фактические его владельцы хотят сказать всем, что пришли сюда всерьёз и надолго.

***

Сообщение из “Криминальной хроники”. Его можно было бы отнести к разряду казусных, если бы не размах содеянного. Украдена 45-метровая радиотрансляционная мачта, стоявшая в трёх километрах от села Байгунус. Похитителя (он — житель этого села) задержали. Непонятно только, как ему удалось в одиночку умыкнуть это грандиозное сооружение из алюминиевого сплава, которое он намеревался сдать в металлолом.

11 января

На грани закрытия Иртышская музыкальная школа, за 33 года существования из её стен вышло более 500 воспитанников. На её содержание нет денег, а платить за обучение способны немногие. Из-за этого за порогом школы оказался каждый третий учащийся. Сокращаются учебные программы, уходят опытные педагоги.

Ещё недавно во многих совхозах района работали филиалы Иртышской музыкальной школы. Все они, за исключением одного, закрыты. Похоже, эта участь ожидает и районную.

13 января

Проводили Димку в Омск, на разведку. Он решил сам посмотреть университет, в котором хочет учиться. Поехал один, в ночь, на автобусе. Остановится у

бывшего одноклассника, семья которого недавно переехала в Омск. Отец одноклассника — талантливый молодой учёный, физик-математик из-за отсутствия перспектив здесь уехал туда. Взяли его в университет, выделили на семью из четырёх человек две комнаты в общежитии. Не бог весть что, конечно, но всё-таки...

Кто знает, может быть, правы они, что уехали, а не мы. И вот ещё о чём думаю, проводив Димку: давно ли вот так же я уезжал из дома — сначала в Железинку, а потом в университет... В шутку сказал Димке: вот укоренишься в Омске, а потом, может, и мы за тобой...

***

Ходят упорные слухи о том, что уйдёт на повышение аким области Д. К. Ахметов. Жаль, если это случится: в принципе он неплохо относится к газете.

***

Б. Н. Ельцин опять болеет — уже третью неделю. А российский бардак не только продолжается, но и нарастает... Министр иностранных дел Примаков заявил на днях, что Чечня, похоже, уходит из России, и мириться с этим нельзя. На что новые вожди Ичкерии Яндарбиев и Удугов отвечали: она уже давно — независимое государство.

Более десяти тысяч школ, вузов, техникумов, НИИ объявили всероссийскую забастовку — долг по зарплате им превысил шесть триллионов рублей.

14 января

В области началась массовая продажа сельхозпредприятий (бывших совхозов и колхозов) юридическим и физическим лицам. Как вариант — передача в оперативное управление с правом последующего выкупа. Отечественные приватизаторы уверяют: мера эта вынужденная, ведь все прежние реформирования только ухудшали производственно-финансовые результаты работы бывших совхозов и колхозов. (Хотя при этом никто почему-то не вспоминает, что село было доведено до ручки бездарно-бездумной политикой реформаторов, заведомо поставивших его в неравноправно-унизительное, в сравнении с промышленностью, положение: цены на промышленную продукцию отпустили, а на сельскохозяйственную, руководствуясь, само собой, заботой о благе народа, держали до последнего).

И вот итог: в 1995 году сработали себе в убыток 45 хозяйств, а в прошлом — уже 108. И теперь первые сорок “самых-самых” должны обрести новых хозяев, на что отводится три месяца. Кто и как будет приобретать в собственность бывшие совхозы и колхозы — решать владельцам имущественных и земельных паёв. Создана областная наблюдательная комиссия, которая будет контролировать процесс приватизации и оценивать качество программ претендентов на покупку или оперативное управление. Покупатель полностью рассчитывается с обязательствами хозяйства перед государством (долги по налогам и перед Пенсионным фондом) и другими кредиторами, выкупает имущество у владельцев имущественных паёв и становится полновластным хозяином всего имущества. Если же владелец пая не захочет его продавать, он вправе получить земельный надел (полагающуюся ему долю) и причитающие ему средства производства (за вычетом приходящегося на его долю общего долга совхоза-колхоза) и хозяйствовать сам. Но беда как раз в том, что этот самый имущественный пай в большинстве хозяйств сегодня настолько ничтожен, что практически никому не оставляет шансов выжить в одиночку.

От продажи имущества может отказаться коллектив хозяйства в целом. Но ему всё равно придётся платить по всем долгам, если даже для этого надо будет распродать весь оставшийся скот и всю технику.

В результате новой широкомасштабной акции многие из бывших работников (по некоторым прикидкам — до 20-25 процентов) останутся не у дел: новым хозяевам совхозов-колхозов не надо будет столько механизаторов и животноводов для обработки скукожившихся как шагреновая кожа посевных площадей и ухода за изрядно поредевшими стадами.

Ясно одно: и в прежнем виде хозяйства существовать не могут, и очередные реформы не обещают людям скорой нормальной жизни...

Сколько же можно над несчастным селом экспериментировать?

***

Из подборки писем сегодняшнего номера.

“... Лежала в больнице — в предродовой палате, на голом матраце, без подушки и одеяла. Не было и света... Случалось, не давали либо завтрака, либо ужина. Такая у нас теперь медицина...”.

“В нашем селе Лозовое 360 пенсионеров, и большинство влачит жалкое существование. Дети и внуки наши — в основном безработные, а те, что работают, месяцами не получают зарплаты. Мы тоже вынуждены, как милостыню, вымаливать пенсию. В селе теперь нет радио, люди почти не выписывают газет (не на что) — не живём, а существуем...”.

16 января

Воспоминания П. И. Бородихина в сегодняшнем номере. По его биографии можно изучать историю страны: строил канал “Волга — Дон”, восстанавливал разрушенный войной Ростов-на-Дону, создавал Омский нефтеперерабатывающий завод, исколесил половину Казахстана...

Пишет о себе: “У каждого человека есть своя высота, свой потолок. Моя высота — районный газетчик, и я горжусь тем, что лучшие мои годы были отданы “районке”.

Немногое “райончики” отважатся на подобные признания, а Пётр Иванович, которого я знаю без малого 30 лет, не постыдился.

Распад СССР, развал сельского хозяйства он переживает как личную трагедию.

Добавление из 2009 года. Трагически закончится жизнь П. И. Бородихина. Спустя несколько лет, узнав о том, что он неизлечимо болен, Пётр Иванович покончит с собой. И сделает это обдуманно и расчётливо. А его сын принесёт адресованную мне предсмертную записку П. И. с просьбой опубликовать в “ЗП” некролог, текст которого он сам и написал, до конца выполнив свой долг газетчика. В некрологе, кстати, не было ни одного лишнего слова — только скупые факты биографии и слова прощания, которые за всех нас сказал себе Пётр Иванович.

***

Председатель Госдумы Г. Селезнёв заявил на пресс-конференции, что у парламентариев вызывает серьёзное беспокойство состояние здоровья российского президента и что правовые комитеты Думы начинают проработку вопроса об освобождении его от должности по состоянию здоровья. Хотя неизвестно, будет ли поддержана эта идея большинством парламентариев.

17 января

Переболел гриппом. Долечиваюсь в Мойылдах. Пол-отпуска позади, а пока как не было, так и нет. Закончил “Америку” — можно сказать, задом высидел — так трудно она шла. Задумывал эту вещь как цикл иронических новелл-репортажей. Но если первая часть более или менее выдержана в этом духе, то вторая, собственно американская, — нет, это просто путевые заметки. Может быть, я вообще ставил перед собой заведомо невыполнимую задачу.

Взялся за “блётки”. Параллельно обдумываю для будущей книги главу, которую хочу назвать “Рыжие, они счастливые”, и рассказать в ней, опять же не без иронии, о младшем брате.

Вообще же нынешний мой отпуск явно не станет творчески плодотворным — так трудно пишется. Я теперь вообще не верю тем, кто говорит, что им легко пишется. Хорошее, настоящее, как правило, требует большого труда.

Я пишу потому, что хочу оставить свидетельства о своём времени, его людях, нравах на стыке двух эпох. И тут очень важно не измельчить, не засуетиться, найти то, что называли когда-то “золотым сечением”. Весь вопрос — как его найти?

Чехов постоянно жил с ощущением, что “он должен” — всё время, даже на отдыхе в Ялте, должен, должен, должен... писать... И это “должен” отравляло ему всё существование.

Вот и моё “должен” (почему и кому?) тоже отравляет мне жизнь, хотя я далеко не Чехов.

С другой стороны, разве крестьянин спит и мечтает: “Как хорошо, что завтра встану на рассвете и опять буду пахать-сеять. И это такая радость!”. Ничего подобного: чаще всего он пашет и сеет не от вдохновения, а потому, что это его жизнь, он должен кормить себя и семью. И уже во время работы могут возникнуть упоение трудом, а потом чувство усталости и нежелание работать дальше и преодоление этого нежелания. И масса всего прочего — с разными оттенками чувств, о которых крестьянину просто некогда размышлять. Он просто должен работать, чтобы жить. И живёт, чтобы работать.

Так и я — должен. Должен написать то, что задумал. А выйдет ли это в свет, будет ли оценено кем-то — совсем другое дело...

Вот как меня понесло!

Сегодня пятница. Всю неделю жил отшельником (ещё и волю закалял), завтра собираюсь домой. Плохо, что не умею расслабляться, думаю: вот скоро на работу, опять проблемы навалются — перерегистрация газеты “зависла...”. “На волю” нас власти, конечно, не отпустят — не потерять бы то, что имеем, но и с этим большие проблемы...

18 января

Власти Экибастуза договорились с новыми хозяевами Экибастузской ГРЭС-1 (американцами) о том, что те возьмут на себя содержание трёх детских садов, школы, поликлиники и частично больницы. А суть проблемы в том, что крупнейшие предприятия города (и ГРЭС-1 в том числе) были проданы иностранным фирмам без принадлежавших этим предприятиям объектов социальной сферы. А в городском бюджете нет денег на их содержание — вот иностранцев и “напрягли”: финансирование перечисленных учреждений обойдётся им в три миллиона долларов. Это при том, что “Казахстанэнерго” пока что не рассчитывается с новыми владельцами ГРЭС за поставляемую ими энергию. Говорят, американцы в шоке от столь дикого рынка.

Обложены “данью” и хозяйка разрезов “Богатырь”, “Степной”, “Восточный” — они будут содержать в общей сложности ещё одиннадцать детских садов. Неясной остаётся судьба ряда детских культурных учреждений. Скорее всего, некоторые из них закроются из-за нехватки средств. А детскую музыкальную школу отправили в “свободное плавание”, что означает — талантливые дети бедных родителей не смогут в ней дальше учиться.

***

По заключению правового управления российской Госдумы, она неправомочна принимать решение об освобождении от должности президента России по показаниям его здоровья — в стране нет такого закона.

***

Пока одни жалуются на тяготы жизни, другие пытаются свою жизнь выстраивать заново. Геннадий Бабин написал о Тойкене Айткужинове из Успенского района. В 64 года он создал крестьянское хозяйство, увёл за собой всю ближайшую родню — четыре семьи: сыновья, их жёны, зять с дочерью, внуки. Управляются в основном сами, но на сезонные работы (посевная, сенокос, уборка) нанимают и сторонних... Основали свой аул в степи — пока, правда, очень маленький. Не разбогатели, но и не бедствуют — есть всё, что надо, для хлебопашества, а также крупный рогатый скот, лошади — по сотне голов. У каждой семьи — новый добротный дом. Правда, и работать приходится много — гораздо больше, чем в бывшем колхозе. Летом вместе со взрослыми трудится в меру своих сил и детвора — и в поле, и дома.

У главы большого семейства большие планы: пробурить скважину, выращивать корма на поливе и овощи, вырыть пруд, развести рыбу...

Всегда были и всегда будут люди, способные позаботиться о себе сами. Им чаще всего и помогать не надо, главное — не мешать.

***

В Павлодаре зарегистрированы первые два случая заражения СПИДом. Оба инфицированных — наркоманы.

***

В Качирах открыт храм Трёх Святителей, который строили по крохам, буквально всем миром. Ольга Воронько первой из журналистов рассказывала несколько лет назад, как всё начиналось, и вновь вернулась к этой теме. Купол для храма смастерили на Песчаном ремзаводе по чертежам церковного старосты Н. И. Косякова (Ольга о нём также писала). И, как ни трудно было выполнить столь необычный заказ — сделали! Наверное, с Божьей помощью. И ещё: за три с половиной года, пока шло строительство, не были украдены ни один кирпич, ни одна досочка, находившиеся на территории храма без всякой охраны. Это в наши-то времена... Значит, есть ещё в душах людей святое, и дороже этого ничего быть не может.

21 января

Грустное известие: от ещё не так давно очень популярного у павлодарцев поезда Москва — Павлодар теперь остаются всего три вагона. В Акмоле их будут подцеплять к поезду Акмола — Москва. Причин много: выросли цены на проезд, уменьшилось число пассажиров, маршрут уже давно себя не оправдывает.

А я, кстати, за все годы, что живу в Павлодаре, ни разу не съездил в Москву на поезде — всё летал.

***

По данным Всероссийского центра уровня жизни от четверти до трети россиян имели в прошлом году доходы ниже прожиточного уровня, а одиннадцать процентов отнесены к категории крайне бедных — их доходы оказались ниже стоимости продуктовой части прожиточного минимума. То есть эти люди постоянно недоедали.

***

В сегодняшнем номере опубликовали мой очерк о Викторе Николаевиче Васильеве — брате Павла Васильева. Павла в 27 лет расстреляли, следом арестовали отца, вскоре сгинувшего в сибирском лагере. Умер от туберкулёза брат Борис, а ещё один — Лев — погиб на фронте. Мать сослали из Омска в дальний район области, где она, не выдержав свалившихся на неё бед и лишений, умерла в 1943 году, ненадолго пережив мужа и трёх сыновей.

Виктора Николаевича арестовали на фронте в 1943 году, осудили на десять лет, которые он отсидел, как тогда говорили, “от звонка до звонка”. Когда он заявился домой, жена, давно его похоронившая, упала в обморок.

Его, учителя по профессии, на работу нигде не брали. Работал грузчиком в порту, разнорабочим, слесарем, швейцаром, фотографом на договоре.

Выпивал, конечно, и даже “бомжевал”.

Рассказывал мне про двух своих начальников-евреев в фотоателье, у которых он подрабатывал — снимал отдыхающих на пляже, в городском саду.

— Прихожу я утром в фотоателье — с похмелья, рожа помятая, денег ни гроша. Они меня воспитывают. Один говорит: “Ну как ты живёшь, Виктор? Разве так можно?”. Другой: “Вот я сегодня утром кефир кушал, а ты что?”. А я, говорю, пока ничего, но если рубль займёте, пива выпью...”. Рубль они почти всегда давали — я потом отработывал...

Виктор Николаевич помолчал и добавил: “У них было правильное отношение к жизни, а у меня неправильное. Но хоронил их я... Давно это было...”.

***

Павлодарский телевизионщик и наш автор Саша Васильев побывал в Москве, в Переделкине, на даче у Евгения Евтушенко на съёмках очередной серии цикла телепередач “Поэт в России — больше чем поэт”, которую он ведёт на “РЕН-ТВ”. Публикуем Сашины заметки об этом, по-моему, очень интересные.

22 января

Написал новеллу про брата Петьку. Пока, правда, без окончания. Местами вроде неплохо получилось.

Голова теперь пустая — как барабан. Мыслей нет, любые слова, перенесённые на бумагу, кажутся случайными, фальшивыми. Наверное, это ещё и газетная подёнщина выхолащивает из меня творческую суть, не даёт не то что воспарить, но и делает неспособным даже на небольшие перелёты с подскоками.

Как раз в эти дни перечитывал воспоминания об Иване Шухове его сына Ильи. Так вот, то, что Ивану Петровичу “часто не писалось”, слабое для меня утешение. У Шухова трудно шли “Пресновские страницы”, но зато какие прекрасные, искренние, эмоциональные, образные вещи получились. И ни малейшей фальши!

Полистал в отпуске свою книжку “Помню и люблю” и даже удивился: неплохо написал. Пожалуй, получше будет, чем то, что накропал в последние дни. Может, чувства свежее были — ещё не покрылись пылью и плесенью? Или жизнь не давила с такой силой?

Хорошо, если бы все мои нынешние сомнения были просто мерихлюндиями, интеллигентской рефлексией. Но если даже это и не так — не беда. Никто ведь меня не обязывает печатать всё, что выходит из-под моего пера. Пусть отлёживается, ждёт своего часа.

28 января

Досрочно вышел на работу — берёт за горло перерегистрация. Обзвонил всех, кого только можно — сплошные разброд и шатания. Не нашлось ни одного коллеги, который был бы так же, как мы, озабочен необходимостью отстоять нынешнее положение вещей: мы сами зарабатываем на жизнь, а вы (власти) не лезете в наши финансово-хозяйственные дела. Коллеги же либо делают то, что им говорят, либо махнули на всё рукой: мы — газета властей, вот пусть у них и болит голова за её будущее...

У С. П. Шевченко надо учиться жизнелюбию. Ему скоро 70 лет, пишет книгу за книгой, нам материалы подбрасывает. К юбилею хочет издать сборник

рассказов и очерков. Откуда в нём этот талант жить — после всего, что выпало на его долю, особенно в детстве и юности? Может быть, секрет как раз в том, что понимает, как ему улыбнулась судьба: мог остаться калеккой, мог вообще погибнуть, мог стать изгоем и неудачником, но выдержал, выстоял, превозмог, сумел выстроить жизнь. Как же её не любить после этого?

***

Выборы в Чечне. Все кандидаты на президентский пост однозначно заявляют о намерении строить независимое государство. Но амбиции у каждого из претендентов так велики, что о едином кандидате им договориться не удалось. Ещё деталь: чеченцы отказались брать у России деньги на проведение выборов, мы, мол, от вас ни в чём не будем зависеть.

В числе наиболее вероятных победителей называют Масхадова и Басаева. Первый ещё вменяем, с ним как-то можно договориться, а второй — бандит, это его отряд захватил Будённовск и ушёл из него со своими боевиками безнаказанным, оставив после себя более ста трупов — большей частью мирных жителей.

Российская верхушка в ответ на громкие заявления кандидатов в президенты Чечни будто воды в рот набрала. Видно, ждёт, как та беременная десятиклассница, что всё само рассосётся...

***

Три четверти бывших российских совхозов-колхозов, фермерских и крестьянских хозяйств убыточны, и большинство из них рассчитаться с долгами не смогут. Выращивать хлеб и разводить скот в России теперь не выгодно — таков итог здешних пятилетних реформ.

Примерно то же самое и у нас в Казахстане.

29 января

Встретил Николая Сычёва, везущего на ручной тележке собственную газету “Досуг”. Он её единоличный владелец, издатель, редактор. Он, собственно, и делает её один, а на подхвате — жена. Газета развлекательная: чайнворды, головоломки, шарады, программа телевидения. Пользуется спросом. Начинал Николай с трёх тысяч экземпляров и довёл тираж до 13-14 тысяч. Говорит, что газета его и всё семейство (жена, двое детей) худо-бедно кормит, и в журналистику возвращаться не собирается. Это я к тому, что когда-то Николай работал у нас в “ЗП”, но “не вписался”, ушёл на телевидение, потом ещё куда-то и как будто пропал. Но, оказывается, не пропал.

У Николая — прекрасная библиотека, в которой собраны практически все престижные издания и серии книг, выходившие в последние десятилетия. А знаменитую “Библиотеку всемирной литературы” он умудрился за двадцать с лишним лет собрать, скупая книги у разных хозяев — по одной, две, три... У меня он выцыганил книжку из “Библиотеки современной классики”. Взамен отдал хороший (но не престижно изданный, на что мне было плевать) сборник рассказов Бунина.

***

Приходил Ю. А. Ковхаев, просил взять на работу сына. Говорил, что он талантливый журналист и менеджер. Может, это и так, но я сказал Ю. А., что вряд ли сын с его натурой в нашу контору впишется. И что я уже обещал взять Володю Митрофанова, которого мы когда-то посылали в Москву учиться азам компьютерного дела. Думаю, Ковхаев обиделся.

Добавление из 2009 года. Пройдёт какое-то время, отец и сын Ковхаевы создадут свою газету. Это будет успешный проект — их издание потеснит конкурентов и займёт одно из первых мест на нашем газетном рынке. Но Ковхаев-отец никогда не простит мне ни того, что я не взял на работу его сына, ни других

наших размолвок и рабочих конфликтов, о которых я откровенно, но весьма сдержанно написал в “Хронике”. Спустя десять с лишним лет он выпустит книгу, где, помимо прочего, вспомнит о людях, с которыми ему довелось работать. Мало о ком — добрым словом. А более всего — “отоспится” на редакторах “Звезды Прииртышья”. Мне в этих воспоминаниях будет отведено особое место — столько ненависти и злобы в свой адрес я, дожив до 56 лет, никогда не читал и не слышал. Иные строки мемуарного ковхаевского труда, завершающего книгу, и вовсе представляют собой своего рода политический донос.

В наших отношениях с Ковхаевым за тридцать с лишним лет совместной работы было не только плохое. Ну, спорили, бывало и горячо, но я никогда не числил его в недругах. Он же обгадил всё наше общее прошлое, а заодно и контору, в которой проработал большую часть своей жизни. А когда ему публично сказали об этом люди, знающие его как никто другой, — Л.Гришина, С.Горбунов, В.Семерьянов, Б.В. Исаев, он встал в позу: это моё мнение и другого у меня нет. Как будто после этого сделанная им мерзость перестала быть мерзостью.

До сих пор не уверен — правильно ли я поступил, решив публично ответить в “ЗП” Ковхаеву уже после того, как он, обеспокоившись “заговором молчания” (ни одна павлодарская газета ни словом не обмолвилась о его книге), засуетился и опубликовал в “семейном издании” пространную беседу с собой любимым. Вот, мол, затаились “герои”, а он-то ждал... Наверное, ещё и побаивался автор, что в суд на него подадим. Пришлось ему ответить, хотя наивно было думать, будто в нём проснётся совесть...

“Бог ему судья”, — сказала моя мать, до которой также долетели ошмётки ковхаевской грязи... И в самом деле: если человеку за 75 лет, когда ему впору задуматься о вечности, а он сводит ничтожные старые счёты, лишь только на Бога и остаётся уповать.

Я не злопамятен и не мстителен. Я стараюсь придерживаться правила: никогда не говори “никогда”. Я не желаю Ковхаеву несчастий. Но как человек он для меня больше не существует.

30 января

Меня очень занимает мысль о том, какую роль сыграла интеллигенция в переменах последних лет. Роль, в общем, гнусную — провокаторов, расшатывателей устоев, растлителей умов. Самое поразительное, что ни один из глашатаев перемен не покаялся. Более того — растление общества продолжается. Ярчайшее тому подтверждение — то, что творят многие российские теледеятели, превратившее телевидение в кормушку.

Кажется, писатель и публицист А. Зиновьев говорил об удивительном феномене, произошедшем со всеми нами: народ в СССР ко времени перестройки утратил чувство опасности и, более того, инстинкт самосохранения. И в результате позволил сделать с собой то, что не позволил бы ни один уважающий себя народ. Но это, скорее, не вина, а беда наша — случившееся стало возможным потому, что уж слишком большую силу в СССР набрали “опекунские начала” над людьми со стороны государства. С самого начала жизнь советского человека была уже как бы расписана, и, если не напрягаться и не высовываться, он мог вполне благополучно прожить жизнь. А теперь всё перевернули с точностью до наоборот: говорят, каждый должен беспокоиться о себе сам. А большинство из нас к этому не готовы. Да и как можно быть готовым к тому бардаку, что творится вокруг! К тому же не привили нам “закона тайги”, правила, что “выживает сильнейший”. Нет у нас ни стальных челюстей, чтобы брать своё мёртвой хваткой, ни железных локтей, чтобы распахивать других.

Правительства — что российское, что наше — уверяют, что всё идёт в нужном направлении! что вот уже и макроэкономическая стабилизация налицо... Если бы ещё зарплаты и пенсии людям платили, совсем было бы хорошо...

Иногда всерьёз задумываешься: кто же из нас сумасшедшие — или они, уверяющие нас в правоте своего дела, или мы, на своей шкуре испытывающие эту самую “правоту?”.

И ведь никуда от всего этого не спрятаться-не скрыться...

31 января

Реформируют бывший совхоз имени Гагарина, в котором я неоднократно бывал и не раз писал о нём. Хозяйство это по-своему уникальное, новое, созданное по специальному проекту на землях, прилегающих к каналу Иртыш — Караганда. Таких у нас в области всего три, и самое лучшее — это. Везло ему на руководителей, вот и нынешнему — Владимиру Ивановичу Левченко — бывшему председателю Ермаковского райисполкома — удалось уберечь бывший совхоз от развала. И тем не менее хозяйству грозит банкротство, поэтому его реформируют. Имущество поделят между нынешними работниками, которые создадут пять-шесть крестьянских хозяйств. Благо — делить есть что: сохранены поливная система, дождевальная и другая техника, скот, производственные объекты.

Сам В. И. Левченко лишится должности руководителя хозяйств и собирается возглавить одно из здешних же крестьянских хозяйств. Он — хороший хозяин, и желающих пойти за ним найдётся немало.

***

Десять месяцев живут без зарплаты работники медсанчасти тракторного завода. Они прислали письмо в редакцию: с городского бюджета учреждение снято, и зарплату его персоналу обязался выплачивать завод. Медсанчасть работает, лечит тракторостроителей, но денег у завода на нужды медиков не находится — он сам на санации (читай — излечении). “Человека забыли”, — говорит один из героев чеховского “Вишнёвого сада”. А тут забыли целую медсанчасть — десятки человек, до которых никому нет дела.

***

На выборах президента Чечни победил Аслан Масхадов — начальник штаба здешних вооружённых формирований, набравший 65 процентов голосов. Вообще-то он, пожалуй, один из самых вменяемых чеченских лидеров. Но вот признают ли его в качестве президента Басаев и ему подобные?

***

Казахстан находится на втором месте в СНГ по уровню среднемесячной зарплаты. На первом — Россия: 844 тысячи рублей (152 доллара); Казахстан — 7423 тенге (106 долларов), Украина — 88 долларов, Беларусь — 82, Узбекистан — 53, Молдова — 44, Киргизия — 33, Туркмения — 25, Азербайджан — 24.

1 февраля 1997 года

На селе в разгаре очередная волна реформ. Поскольку совхозы и колхозы доведены до ручки, теперь почти все они финансовые банкроты. А посему, дабы очиститься от долгов, они после “очистительных финансовых процедур” должны либо быть проданы, либо переданы в оперативное управление с последующим выкупом, либо поделены на крестьянские хозяйства.

Механизм же таков: определена имущественная доля каждого работника КСП (коллективного сельхозпредприятия, то есть бывшего совхоза-колхоза), а также часть общего долга, приходящегося на его долю. Кроме того, есть у него и земельный пай. Поэтому каждый вправе после всех взаиморасчётов обособиться и дальше хозяйствовать сам, либо объединиться с кем захочет, либо остаться со всем своим “богатством” — долей и долгами — в реформированном хозяйстве, передаваемом в оперативное управление (как правило, бывшему руководителю).

И как на первом этапе реформ люди в большинстве своём никак не хотели разбежаться, справедливо полагая, что сообща выжить проще (да и на родное государство надеялись — что не бросит оно, поможет), так и на нынешнем предпочитают держаться вместе, тем более что их имущественная доля за годы реформ существенно уменьшилась. Можно сколько угодно ругать их за консерватизм и косность, но психологию коллективизма со всеми её плюсами и минусами вытравить из них не так просто. Как и враз воспитать в них если не индивидуализм, то чувство личной ответственности за свою дальнейшую судьбу — они всю жизнь жили под опекой государства, и многие так и не поняли, что этого уже почти нет, а в дальнейшем не будет вовсе.

Именно поэтому в 25 хозяйствах из 53 реформированных их работники делегировали право управлять ими своим бывшим руководителям, которые должны будут в дальнейшем выкупить эти хозяйства в частную собственность. Какое будущее ждёт эти хозяйства — сказать трудно: их производственный потенциал в значительной мере подорван и вряд ли большинство из них ждёт счастливая судьба.

По такому пути пошли все бывшие совхозы — КСП Баянаульского района и десять из одиннадцати моего родного Железинского. А в двадцати других создают на базе бывших совхозов-колхозов крестьянские хозяйства. Какие-то из них, может быть, и станут со временем успешными, но никогда не заменят по объёмам производства своих «прародителей».

Полностью программа реформирования должна быть завершена к началу весенних полевых работ. С одной стороны — всё правильно: хозяйства не могли больше существовать в прежнем виде; с другой — совершенно очевидно, что селу предстоит пережить ещё очень трудные времена, поскольку нет пока никаких предпосылок для реального подъёма сельскохозяйственного производства.

***

Крупнейшая в Казахстане Экибастузская ГРЭС-1, способная вырабатывать до 20 миллиардов киловатт-часов электроэнергии в год, может быть остановлена уже в марте. Это заявил её нынешний руководитель, представляющий американскую компанию, владеющую станцией. Американцы столкнулись с проблемой, парализующей всю казахстанскую экономику, — неплатежами. Пока что им оплачивают лишь пять процентов отпускаемой потребителям электроэнергии. Главный должник — правительство, долг которого американской компании превысил 45 миллионов долларов. Это при том, что американцы выполняют все взятые на себя обязательства, включая содержание части социальных объектов Экибастуза.

Компания ведёт переговоры с правительством — пока не слишком успешные. И в целях экономии планирует остановить четыре из восьми энергоблоков станции, почти на треть сократить штат, отказаться от услуг местных подрядных организаций. Найти всем этим людям работу в Экибастузе, а это тысячи человек, конечно же, не удастся.

“Потеря” четырёх энергоблоков катастрофична для экономики.

2 февраля

Печально могла закончиться моя очередная поездка на родину. Нас с братом Петькой пригласили на вечер встречи выпускников нашей Берёзовской школы и мы поехали, прихватив по пути Наталью и Николая Лихановых, тем более что Наташа, как и мы, выпускница той же школы. Ехали весело, с музыкой. Зимний день уже клонился к вечеру, до нашего родного “Михайловского” оставалось километров тридцать. По дороге струилась позёмка, встречались небольшие снежные перемёты, которые наша машина без особого труда, на скорости, преодолевала. Все мы — и от этой зимней дороги с лёгкими препятствиями, и

от скорого свидания с родиной, и от того, что мы в кои-то веки едем вот так, вместе — пребывали в состоянии лёгкого возбуждения.

Как вдруг, после очередного перемета, из которого, вилляя, с натугой выскочила наша “Волга”, её стало крутить и в мгновение ока выбросило на обочину... И она перевернулась, встав на ребро... Всё произошло так быстро, что я даже не успел испугаться.

“В такую шальную погоду нельзя доверяться волнам”, — неслось с магнитофонной кассеты, которая продолжала вращаться...

Я, сидевший сзади и с краю, оказался наверху “слоёного пирога”, за мной брат, за ним зять... Кое-как открыл дверцу, но выбраться сразу не смог — хорошо что Петька подтолкнул. Потом помог выбраться ему, вытащили Николая, следом — Наталью, а уже за ней рыбкой вынырнул Виктор — водитель. К счастью, никто из нас не пострадал (я отделался лёгкой царапиной на лысине). Машина тоже была цела — и потому, что скорость её на выходе из перемета была невелика, и потому что кювет, в который она слетела, был почти полностью засыпан снегом. Николай позже объяснил мне: Виктор непрофессионально лихо “проходил” переметы, а делать этого никак нельзя. “На выходе” из них машина меняет точки опоры и может повести себя непредсказуемо, что и случилось.

Николай эти ошибки видел, но из деликатности не считал возможным “воспитывать” нашего водителя.

На этот раз судьба нас пощадила, только пальцем погрозила. Или ангел-хранитель одного из пятерых прикрыл крылом и всех остальных. Если бы машина перевернулась вверх колёсами, ещё неизвестно, что было бы со всеми нами.

... Навалившись всей компанией, без особого труда вернули её на колёса. Двигатель тоже завёлся сразу. Целы были все стёкла, только левый бак “Волги” был слегка помят.

Стали откапываться, надеясь затем вытолкать машину на трассу, но вскоре поняли, что без посторонней помощи нам не обойтись. “Волга” лежала на снегу “брюхом”, колёса беспомощно вращались, и все наши усилия помочь ей были безрезультатны.

Уже сиделось красное, будто замёрзшее на ветру солнце, усиливался мороз. “Волга” на нём остывала мгновенно, как консервная банка. И трасса была пустынна — по ней и днём-то зимой мало кто ездит, а тут ещё вечер, суббота...

Минут через сорок показался “Москвич-пирожок”, ехал директор “Весёлой рощи” Азимбай Жакупов, мой давний, ещё доуниверситетских железинских времён, товарищ. Остановился, попытался помочь, но куда там было слабосильному “Москвичу” вытянуть тяжёлую, утонувшую в снегу “Волгу” даже с нашей помощью.

— Может быть, смотаешься в село — трактор или машину пригонишь? — предложил я.

— Какой там, — с горечью махнул он рукой, — совхоз давно обанкротился, нет ни денег, ни бензина, ни солярки...

И тут нам вновь повезло: на трассе показался “КамАЗ”, гружённый углём. Остановился и спустя минут десять выдернул нашу “Волгу” из снежного плена как спичечный коробок.

Меньше чем через час были в совхозе. Сразу заехали на кладбище, с трудом пробрались по глубокому снегу к отцовской могиле, помянули.

Вечер встречи выпускников прошёл, как всегда, тепло, душевно. На нём вспомнили благодарным словом всю нашу семью. Брата Петьку назвали гордостью школы. Мы оба с ним выступали. Станцевали с сестрой школьный вальс. Потом я раздаривал свои книжки, в том числе новую, только что вышедшую, — “Характеры”.

А впечатление от встречи с родным селом осталось тягостное. Его нынешнее состояние можно охарактеризовать одним словом — разор. Часть улицы, на

которой мы жили, вообще перестала существовать — там не осталось почти ни одного дома. Зияют провалами, как ущербный рот, другие улицы, лишившиеся домов то там, то там... Люди разбегаются из бывшего совхоза кто куда, а сам он будто оцепенел — застыл в тревожном ожидании: что со мной дальше будет... А ведь был он совсем недавно полным людей, больших забот, большой живительной силы. И, казалось, так будет всегда...

Наша Берёзовская школа (новая, типовая) едва вмещала учеников, которых набиралось за триста человек. Сегодня учатся менее двухсот. Зарплату учителям в новом учебном году, то есть с сентября, не платили ни разу.

Хочу написать для газеты что-то вроде заметок на тему “Сельская школа как зеркало нашей действительности”.

4 февраля

Обсуждали сегодня с членами редколлегии возможность перерегистрации газеты в качестве АОЗТ (акционерного общества закрытого типа). Хотя вряд ли из этой затеи что-нибудь выйдет — прежде всего потому, что власти никогда не отпустят газету в “свободное плавание” — она им самим нужна.

***

Бывший завкафедрой Павлодарского пединститута, кандидат филологических наук Георгий Кириш написал огромную, едва ли не в печатный лист, рецензию на сборник стихов Василия Лукова. Хвалит, подводит теоретическую базу, обильно цитирует. В итоге делает вывод: родился крупный самобытный поэт, остро чувствующий время, — человек с высокой нравственной позицией. Что ж, приятно осознавать, что и я отчасти приложил руку к этому рождению...

5 февраля

Опять публикуем материалы о тотальном наступлении на должников Пенсионного фонда. В республике распоряжением Н. А. Назарбаева с этой целью создана специальная оперативная группа. Виновным в задержках выплат грозят всевозможными карами.

У нас в области в таких должниках полторы тысячи предприятий, а их общая задолженность превышает миллиард тенге.

Идут суды по продаже имущества должников, но и эта “акция устрашения” на ситуацию реально почти не влияет, хотя некоторых всё же подталкивает к возврату долгов.

***

Новость вполне в духе нашего смутного времени. Остаются невостребованными семена высшей пробы, за которыми прежде агрономы и директора зерносеющих хозяйств охотились не только по области, но и в соседних регионах России. Так, прошлой осенью опытное хозяйство “Иртышское” вырастило, очистило и готово было продать более тысячи тонн отменных семян пшеницы. Но покупателей тогда не нашлось, и они были реализованы как рядовое товарное зерно. У хозяйства просто не было выхода — надо было срочно рассчитываться за взятые на уборку горюче-смазочные материалы.

И сейчас, накануне посевной, остаётся невостребованной ещё тысяча тонн семян, а у “Иртышского” вновь нечем платить по счетам. Так что, вполне возможно, и это отборное зерно не найдёт адресата, а хозяйства вновь будут засеивать поля третьесортными семенами.

***

В Свердловской области введено государственное регулирование цен на жизненно важные товары и услуги. В том числе на лекарства, продукты первой

необходимости, школьные учебники. Мера, может, и антирыночная, но жизненно необходимая.

***

Численность населения России в 1996 году сократилась на 475 тысяч человек — рекордное снижение за последнее пятилетие. Это при том, что нескончаемым потоком едут в Россию люди из большинства бывших союзных республик. Эта цифра — 475 тысяч — и есть главный итог деятельности российских реформаторов, ведь это потери, сравнимые с военными...

***

Городские власти вознамерились продать здание библиотеки национальной книги, а её книжный фонд распределить по другим библиотекам, которых, кстати, остаётся всё меньше. Публикуем возмущённое письмо работников библиотеки и её читателей.

6 февраля

Твёрдо решили бастовать учителя всех школ Экибастуза, если им не погасят четырёхмесячный долг по зарплате. Учителя и их семьи элементарно голодают — ещё и потому, что зарплату не получают и мужья. А в учителях в основном женщины.

Недавно ребёнок одной учительницы попал в больницу, и ему срочно понадобилась кровь для переливания. Коллеги дружно откликнулись на эту беду, но врачи взяли кровь лишь у одной учительницы, у остальных она оказалась непригодной из-за низкого содержания гемоглобина.

Учителя Качирского района уже бастуют, а местные власти подали на них в суд, добиваясь признания акции протеста незаконной. В свою очередь, сами учителя подали встречный иск, в котором требуют возмещения морального ущерба.

Бастуют учителя железинских, щербактинских, других школ. В таком униженном состоянии учительство не было ещё никогда. Не проходит и дня, чтобы в редакцию не поступали учительские письма на эту тему или не заявлялись ходоки.

***

Ходили с Ольгой на встречу с актёром Алексеем Булдаковым. Проходила она в доме-музее Павла Васильева, в узком кругу.

Булдаков — наш земляк, начинал свой актёрский путь в Павлодарском драмтеатре, в его звёздные времена. Не заносчив, открыт для общения. Но, похоже, по жизни им “рулит” супруга. Она тоже была на этой встрече.

***

Ехал как-то вечером из Железинки в Павлодар и был неприятно поражён: вдоль дороги — не один десяток населённых пунктов и почти нигде — ни огонька. В Качирах свет был, а дальше опять сплошная темень.

Отключают свет и в городах, да и в Павлодаре, независимо от того, есть у хозяев квартир долги за электричество или нет. И вот читаю в “ЗП” разъяснения одного из руководителей распределительной электросетевой компании: на селе частный сектор оплачивает лишь 17 процентов полученной электроэнергии, а в Павлодаре — 45-48 процентов. Плюс ко всему многоэтажные дома плохо отапливаются, нет газа, жильцы включают обогреватели, готовят еду на плитках. В результате воздушные и кабельные линии не выдерживают резко возросших нагрузок и выходят из строя. Только в конце декабря прошлого года и начале января нынешнего повреждены десятки кабелей. И если ситуация не изменится, большая часть электросетевого хозяйства вообще выйдет из строя...

А главное, убеждает энергетик, надо платить за электричество. Многие и рады бы заплатить (иначе отключат!), но нечем...

8 февраля

День смерти отца. Так совпало, что именно сегодня вычитывал свой материал "Свидание с родиной" — об увиденном и услышанном во время недавней поездки в "Михайловский". В материале дважды упоминается отец. Уже тринадцать лет прошло после его кончины. Не знаю, как бы он пережил всё то, что происходит с совхозом, который они с матерью создавали с первого колышка.

***

Недавно вышла подборка Ольгиных стихов в "Просторе". Мне кажется, она значительно выросла в своей поэзии — её стихи приобретают всё большую жизненную зрелость, глубину, образность...

***

Выполнял особое поручение главы обладминистрации — сопровождал в поездке по предприятиям города и в колхоз имени Кирова советника российской Госдумы, прибывшего в Казахстан с весьма ответственной миссией — собрать материал о переменах в республике (и в области) для публикации в российских газетах. Материал, само собой, благожелательный — с тем, чтобы потенциальные российские инвесторы также обратили свой взор на Казахстан и на нашу область в том числе.

Были на мясокомбинате, во "Вторчермете", и гость всё удивлялся: у вас везде и всюду можно свободно пройти, у руководителей предприятий нет никакой охраны. Ужинали в столовой "Вторчермета" вместе с его директором Г. А. Мамедовым и руководителем аппарата главы обладминистрации Р. М. Гафуровым. Интересный разговор, тон которому задавал Ринат Мифтахович — человек, бесспорно, умный, начитанный, глубоко мыслящий.

Когда советник спросил меня о том, насколько объективно освещают российские СМИ положение дел в Казахстане, я их "понёс по кочкам" (наболело!), сказав и о некоем постоянном их высокомерии и поразительном верхоглядстве, а подчас и примитивизме писаний, неумении или нежелании понять всю сложность, противоречивость, многослойность сегодняшней казахстанской жизни. И самое удивительное — всё это было воспринято. Во всяком случае, так мне показалось.

Сам советник чем-то напоминает моего брата Петьку в его лучшие времена: этакий бычок, упитанный, розовощёкий — хоть поросят об лоб бей. И пьёт к тому же — сколько ни наливают.

Принимают здесь советника с известной долей азиатчины — то есть с явным перебором по части угощения и развлечений. Так, он с некоторым то ли возмущением, то ли восхищением говорил мне о варварской охоте на косуль, устроенной специально для него. Гоняли косуль ночью на джипах, и когда один из них, стоимостью, наверное, под сотню тысяч долларов, в гонке по бездорожью сломался, владелец его сказал: "Да ладно, я давно уже хотел от него избавиться..."

Мы вместе с московским гостем побывали ещё в колхозе имени Кирова, председатель которого В. К. Руди очень толково и интересно рассказывал о своём хозяйстве, умело обходя острые углы и деликатные проблемы нынешнего сельскохозяйственного бытия.

Советника в колхозе поразило обилие телевизионных спутниковых антенн. Хотя и сама Розовка — центральная усадьба — смотрится в эти зимние дни как картинка.

***

Приезжал из Германии погостить мой бывший водитель Саша Лоренц. За матерел, раздался в телесах. Уезжал худой как лещ — 65 килограммов, а теперь пузо наел, весит 80 килограммов и даже как будто выше ростом стал.

9 февраля

“Вот уже второй год не получаем зарплату, — пишут в редакцию рабочие Павлодарского машиностроительного завода, — куда только ни обращались — толку никакого...”.

Обычная между тем история. Долг по зарплате на предприятии — около 40 миллионов тенге, а самому заводу должны 140 миллионов. Главные должники — государственная структура “Казахстанэнерго” (60 миллионов) и Карметкомбинат (более 12 миллионов). Выполнив для них заказы, оплату завод не получил: и там, и там — новые хозяева-иностранцы, которые не отвечают по прежним долгам этих предприятий, то бишь государства. И правительство тоже ведёт себя так, будто проблемы не существует.

Самостоятельно заводу из сложившейся ситуации не выкарабкаться. Одним из выходов может стать процедура банкротства, но и она не гарантирует людям скорого возвращения долгов по зарплате.

***

Прочитал в “ЗП”: в Японии число стариков в этом году превысит количество детей в возрасте до 14 лет. И здешнее правительство всерьёз озабочено проблемой стремительного старения страны. По прогнозам, к 2041 году численность людей старше 65 лет составит треть всего населения, а к 2050 году и без того рекордная продолжительность жизни достигнет 79,4 года у мужчин и 86,5 года у женщин.

А рожают японки всё меньше, растёт и число незамужних.

Нам бы их заботы...

11 февраля

Обсуждали варианты перестройки-реконструкции редакции в связи с предстоящим переходом на новую компьютерную технологию набора и вёрстки газеты. Решили, что пора проводить на заслуженный отдых всех пенсионеров, сократить двух собкоров и двух журналистов из аппарата. Всё это я должен им объявить. Тяжёлая миссия. И суровая необходимость.

Плюс ко всему всё больший наплыв дел в редакции, в которых я катастрофически увязаю. И голова постоянно чем-то служебным забита, и это никогда не кончается. Опять шумит в ушах, “давит” на глаза — скорее всего, давление повышенное...

***

Заходил к С. П. Шевченко — хотел поговорить с ним о своих проблемах, а он заговорил со мной о своих грандиозных планах. Грядёт (осенью) его 70-летие, и он хотел достойно его отметить, для чего предлагает учредить специальный организационный комитет во главе со мной и заняться подготовкой большого творческого вечера. Кроме того, нужен большой очерк о нём в “ЗП”, и было бы хорошо, чтобы этим занялся я. Ещё в планах С. П. — выпустить новую книжку рассказов и очерков (нужны спонсоры), а также ряд других, более мелких проектов. Говорит: долго раздумывал — может, не суетиться, но в конце концов решил — надо, это будет последний поклон и т. д.

Мне, честно сказать, не до этого юбилея — успеть бы разгрести все редакционные заботы. Но и ему отказать не могу — он один из самых близких мне людей, много сделал для моего профессионального становления. И кого он может попросить, если не меня?

12 февраля

Колхоз имени Кирова — наверное, единственное хозяйство в области, где всем работникам выплачена зарплата за прошлый год. Да, она невелика — в среднем 4082 тенге в месяц, но всё же это лучше, чем ничего. А рекордсменами по части заработков здесь стали брат и сестра Жусуповы: механизатор Женис заработал за год 168 тысяч тенге, а доярка Амина — 176 тысяч.

***

На бывшем Павлодарском мясокомбинате построен завод по выпуску ценных (и к тому же дефицитных) лекарственных препаратов — лидазы и других, сырьё для которых получают из местной животноводческой продукции. Но остаётся несколько технологических проблем: обеспечение стерильности, получение лицензий. И теперь по всему миру ищут Брынцалова — скандально известного российского политика-предпринимателя, выставившего свою кандидатуру на недавних президентских выборах. Дело в том, что Брынцалов — владелец крупнейшего фармацевтического концерна “Ферейн”, и наши фармакологи надеются, что он возьмёт новое предприятие под крышу “Ферейна”. Но найти Брынцалова оказалось не так просто: после выборов он исчез с политического горизонта и не показывается даже на заседаниях Госдумы, депутатом которой является.

***

Из сегодняшнего “Горячего телетайпа”. Голодают рабочие Карагандинской ТЭЦ-3: на смены выходят голодными, и их десятками “бракуют” медики. Причина — длительные задержки зарплаты.

А наш Ю. Сакин пишет из Аксу: учителя сбрасывались по несколько тенге, чтобы их коллега смогла купить хлеба.

***

Г. И. Толмачёв выпустил книгу “50 встреч с Кунаевым”. Он же, насколько я знаю, помогал Кунаеву готовить мемуары и, кажется, печатал отрывки из них в “Просторе”. Надо будет обязательно купить эту книжку, издать которую помог директор фирмы “Бутя” Булат Абилов.

13 февраля

Ольга Фролова ходила на пресс-конференцию по проблемам качества вино-водочной продукции. Народ пьёт, в основном, всякую гадость, преобладающую на алкогольном рынке. И травится со страшной силой: в прошлом году по этой причине отдали концы 218 человек.

***

Новое повальное увлечение: звонки в милицию с предупреждением о том, что где-то заложена очередная бомба — в школе, на предприятии, вокзале. Ещё ни разу эти сообщения, к счастью, не подтвердились. А злоумышленников ловят не всегда.

***

Из моего материала “Свидание с родиной”, опубликованного сегодня: “Мои учителя Василий Афанасьевич и Любовь Кузьминична Русских уехали в Россию, чтобы быть поближе к дочери. Свой дом, в котором прожили больше 30 лет, продать сразу не смогли — попросили родственников. И самое дорогое, что назвали учителя, потянуло аж на 20 тысяч тенге. На эти деньги сегодня и хорошего телевизора не купить...”

... Для здешней сегодняшней жизни наиболее подходящие определения — замирание и оцепенение...

... Снежное одеяло отчасти прикрывало следы разрухи, но всё равно жутковато было смотреть на брошенные подворья, старые деревья, искорёженные судьбой и тянущиеся к небу ветви и сучья. Казалось, они молят небеса о чём-то своём...”.

Материал хорошо принят в редакции. Было и несколько одобрительных звонков: мол, наконец-то написали правду о том, что творится сегодня в сёлах. Примерно так выразился Г. А. Никифоров, отношения с которым в разные времена у нас складывались по-разному. Тем дороже был для меня его одобрительный отклик.

***

Письмо из села Байгунус Качирского района: “Пенсию мы не получаем уже семь месяцев. Два раза давали муки — по 25 килограммов, по два литра подсолнечного масла, по два килограмма риса, один раз — макароны и две пачки стирального порошка. С пенсии высчитывают за свет и телефон. Под пенсию выписали “Звезду Прииртышья”, за что большое спасибо... Многие выписали в счёт пенсии уголь, который до сих пор не привезли. А ещё решили давать нам “под пенсию” водку.

Видимо, кто-то давно решил, что деньги, как таковые, нам не нужны совсем...”.

***

Высокую сознательность проявили учителя города Капчагая — не только отложили до весны уже начатую было забастовку, но согласились потерпеть ещё два-три месяца без зарплаты, которую им и до этого не платили почти полгода. Дело в том, что власти города поставили местное учительство перед выбором: если им выдадут задержанную зарплату, то город останется без тепла, потому что и на то, и на другое денег в бюджете Капчагая не хватит.. Вот учителя и согласились потерпеть до конца отопительного сезона — благо на юге он уже не за горами...

14 февраля

Иногда беру в магазине, что рядом с нашим домом, “кирпичик” ржаного хлеба. У нас все его любят, за исключением матери. Говорит: “Видеть его не могу — только им одним да картошкой в детстве и питалась”. Ещё мать не ест мясо с бараньей головы, полагающейся к настоящему бешбармаку. Это оттого, что когда умерла одна из сестёр от туберкулёза, поминальный обед из-за бедности приготовить было не из чего — и сварили бараньи головы, которые в Сибири никто мясом не считал. И эти тяжёлые воспоминания живы у матери до сих пор.

***

Схоронили мать Г. А. Бабина. Она немного не дожила до 88 лет. В Павлодаре жила с семьёй Г. А. Я давно не был у него дома — лет десять, если не больше, и был просто поражён: в нём почти ничего не изменилось за это время, разве что некоторые вещи обветшали и крашеный пол облупился...

Похороны были очень скромными — не в пример тем, что организовал для своей матери один из бывших акимов района нашей области.

***

После недавнего нагоняя президента, публично заявившего высокопоставленным чиновникам, что если до апреля долги по пенсиям не будут полностью погашены, то лишатся своих должностей и министры, и акимы областей, предпринимается очередные сверхэнергичные усилия по всем направлениям. В Павлодаре суд постановил взыскать с Черноярки (крупнейшее овощеводческое

хозяйство, ещё недавно громко именовавшееся “главным огородом области”, а сегодня разваливающееся на глазах) выплатить 50 миллионов тенге долга Пенсионному фонду (в том числе 20 миллионов — пеня за просрочку). Директор хозяйства всё пытался объяснить суду: живых денег всё равно нет, и чтобы выплатить столь гигантскую сумму, надо либо распродать всё имущество хозяйства, либо найти инвестора, готового забрать его со всеми потрохами, включая долги. И первое, и второе весьма проблематично, поэтому решение суда заведомо невыполнимо. Но до реальных проблем некогда уникального хозяйства никому нет дела. Черноярки, как крупного хозяйства, накопившего огромный опыт выращивания на поливе картофеля и овощей, скоро не станет. От этого проигрывают все, и в первую очередь Павлодар, лишившийся постоянного и надёжного поставщика всегда востребованной продукции.

***

Видел Ю. И. Дубовицкого — директора бывшего совхоза “Ефремовский”. Говорит: ликвидировали всё маточное поголовье здешнего свиного комплекса — крупнейшего в Казахстане. Причина банальна: свиней нечем кормить, и производить свинину стало невыгодно — отрасль приносит в последние годы одни убытки. Значит, скоро будет пущено под нож и оставшееся поголовье. Собственно, это уже происходит — свиней и другой скот режут, чтобы рассчитаться с долгами перед Пенсионным фондом. Но этого оказывается недостаточно, и теперь вдобавок продают технику — в счёт выплаты всё тех же долгов. Это какое-то всеобщее безумие. Ну хорошо, арестуем имущество, распродадим, выжмем долги к апрелю. А дальше-то что? Как будто завтра жить уже не надо будет — пахать, сеять, выращивать скот..

15 февраля

Вчера слегка обидел С. П. Шевченко. Он зашёл ко мне на работу похвалиться новым (“юбилейным!”) костюмом. А я ему стал цитировать письмо из Калкамана, озаглавленное “SOS”. В одном из многоквартирных домов жители уцелевших квартир (многие брошены, разморожены и разграблены) доведены до отчаяния — дом не отапливается, света большую часть суток нет, “буржуйки” не помогают... Дом вот-вот развалится, работы нет, средств к существованию нет — как жить?!

С. П. слегка смутился и поспешил уйти: “А то, боюсь, ты меня покусает...”.

Он ушёл, а я испереживался: С. П. ведь не виноват в том, что Калкаман замерзает..

***

Скандал в высших эшелонах власти. На заседании Кабинета министров подвергли резкой критике акима Семипалатинской области, пользующегося славой реформатора, — Г. Б. Жакиянова. Ругали за развал экономики, безработицу, пенсионные долги. Как будто по этой части благоденствуют другие регионы. Просто семипалатинцам по ряду причин во многом тяжелее, чем другим. Область была многие годы полузакрытой (из-за полигона), развивалась однобоко, из предприятий был известен разве что мясокомбинат — крупнейший в бытность СССР и развалившийся из-за того, что ему нечего стало перерабатывать.

Но, вероятно, не только и не столько реальные просчёты в работе акима Жакиянова (у кого их сегодня нет) стали причиной персональной критики на столь высоком уровне. Похоже, “раздружились” глава правительства А.М. Кажегельдин и аким, ещё недавно работавшие в этой области в одной связке. (Наверное, и Жакиянов — самый молодой аким области в Казахстане — был назначен на этот пост не без поддержки Кажегельдина).

Будь на месте Жакиянова кто-то другой — может быть, отмолчался бы, как это полагается по правилам игры в высших эшелонах власти. Но он не захотел быть “мальчиком для битья” и критики не принял. Более того — написал прошение президенту об отставке, в котором заявил, что его шельмуют, что он проводил реформы в соответствии со стратегией президента. Это был хоть и рискованный, но по-своему беспронимательный ход: не нравлюсь вам — готов уйти, но если не нужны такие, как я, с кем же будете проводить реформы? К тому же кто бы ни пришёл на смену Жакиянову, работать ему там будет архисложно: положение дел в области действительно тяжелейшее, а жакияновские реформы будут брошены на полпути. Достанет ли у преемника дерзости их продолжить или он решит повернуть вспять? И тот, и другой путь чреват непредсказуемыми последствиями. И спросить за неудачу будет, как всегда, не с кого. Так что и президент оказался перед нелёгким выбором.

А Жакиянов и без должности не пропадёт. Он был успешным бизнесменом и только по официально обнародованным данным о собственных доходах заработал в прошлом году более 20 миллионов тенге.

Президент пока его отставки не принял — мол, сам доводи начатое до конца... А каким будет этот конец, вряд ли кто сегодня возьмётся предсказать.

***

Сказал Володе Митрофанову: набирай команду для будущего компьютерного центра. Он первым запросил нашего Даньку — как наиболее толкового и перспективного специалиста по этой части. Конечно, мне это было приятно, хотя взять его не могу. Как это будет выглядеть: других сокращаю, а своего беру?

А сам Данька заявил мне вчера, что созрел для ухода из института. “Не нравится или тяжело учиться?” — спросил я. “И то, и другое... А главное — не нужна мне эта электротехника...”. То есть его будущая специальность. “А что собираешься делать?” — “Пока пойду на какие-нибудь компьютерные курсы...”.

Разговор этот не стал для меня неожиданностью — он далеко не первый. Я всё надеялся: будет учиться — войдёт во вкус, стерпится-слюбится, поймёт в конце концов: с такой профессией он никогда не останется на обочине жизни. Но не случилось...

Сказал ему, что он уже человек взрослый, а потому принимать решения и отвечать за них должен сам. Я же могу лишь советовать, если у него будет потребность в моих советах. Ещё сказал матери с Ольгой, чтобы не ругали его и не уговаривали — это бесполезно.

***

Даже репортажи по государственному телеканалу “Хабар” порой напоминают фронтовые сводки. В полузамороженном Кокчетаве вот-вот объявят чрезвычайное положение — на местной ТЭЦ закончилось топливо. В Кентау голодают рабочие крупнейшего комбината. И это — не акция протеста, им попросту нечего есть, потому что давно не платят зарплату. А в это время депутаты Карагандинского областного маслихата принимают обращение к президенту в поддержку реформ.

***

На нашем винно-водочном заводе, где недавно запущено собственное спиртовое производство, — столпотворение оптовиков, заключающих с предприятием договоры на поставку павлодарской водки — едва ли не самой дешёвой сегодня в Казахстане. Оптовая цена пол-литра “Русской” и “Пшеничной” — всего 66 тенге. “Посольская” стоит дороже. А для любителей экзотики выпускают водку “Штрафной удар” и “На посошок” — раскупаются эти “сорта”, содержащее

которых вряд ли чем-то отличается от той же “Русской”, очень хорошо. Впрочем, и “Русская” теперь тоже пользуется повышенным спросом, потому что на её этикетке печатаются тексты русских застольных песен. Чем не ноу-хау?

А поэт Василий Луков откликнулся на нововведение завода стихами, в которых есть и такие строки:

*“Тот настоящий патриот,
Тот нам отец родной,
Кто покупает местный сорт,
Что гонит Островой”.*

А. Н. Островой — директор завода.

***

В газете “Столичный проспект”, издающейся в Акмоле, опубликована доброжелательная рецензия Д. Глухих на три наших книжки, изданных почившим в бозе “Тривиумом” — В. Семерьянова, Л. Гришиной и О. Григорьевой.

16 февраля

На днях пожаловался на жизнь Б. В. Исаеву. Он успокаивал: такое бывает, надо перетерпеть, потом пройдёт... Хотя и сам это знаю. Но он решил поддержать меня ещё и от имени Василия Лукова — написал ободряющие стихи. А в довесок — стихи о человеке, не утратившем интереса к жизни. Стихи (и те, и другие), конечно, не шедевр, но человеческий порыв, поддержка дорогого стоят.

***

Замечательный эпиграф из дневников княгини Зинаиды Шаховской: “В моей жизни прошу никого не винить”. И всё!

18 февраля

Кошмарный вчерашний понедельник... Два совещания... На первом в очередной раз накачивали собравшихся поручениями и угрозами, требуя немедленного погашения задолженностей в Пенсионный фонд. Включены все мыслимые и немыслимые рычаги — прокурорские предписания, судебные разборы, штрафы и накачки, накачки, накачки...

Газетой тоже недовольны — тем, как мы освещаем героические усилия властей по этой части. Говорю после совещания своим кураторам: “Вы посмотрите последний номер — там практически вся первая страница — “пенсионная”. Оказывается, это не совсем-то — дежурно, непрочувствованно. Говорю: “Поймите — не должны у нас с вами ноги отниматься и мозги тоже, если даже указание даёт “сам” — у нас же давно усердие в этих делах превозмогает разум”. На словах соглашаются, на деле — нет. И ведь проблема пенсий не вчера возникла — видели, знали, понимали, что происходит. Это ведь на самом верху решили в своё время, что Пенсионным фондом должна “рулить” республика, а не области. Вот и дорулились. Ну погасят долги “через колено”, отберут последнее, продадут, выплатят... А потом что? Рассосётся?!

И на этом истерическом фронте борьбы за пенсии разворачивается другая эпопея — форсированная подготовка к фестивалю культуры и искусства нашей области в Алматы. Туда должны выехать 500 человек и в течение нескольких дней демонстрировать своё мастерство алматинцам. Мало того, что обойдётся это удовольствие области в семь миллионов тенге (а многим артистам давно не платят зарплату), так ещё выясняется, что жители южной столицы не горят желанием идти в концертные залы на встречу с прекрасным павлодарским искусством. И поэтому на совещании долго и нудно обсуждали, как обеспечить заполняемость залов во время фестиваля. Помимо прочего, решено “максимально

задействовать потенциал алматинских вузов, проведя соответствующую работу с их ректорами...”.

Мы с Ольгой, кстати, тоже в “группе поддержки” фестиваля — будем его не только сами освещать, но и снабжать материалами алматинские газеты. Жить решили отдельно от всех, в гостинице. В кои-то веки побудем вдвоём в городе нашей студенческой юности. Там и мой день рождения отметим. Если бы ещё не сам фестиваль, о большем и мечтать не надо. Ну что ж, за всё приходится платить...

20 февраля

Хорошая новость: пущен по новой ветке трамвай до Усольского микрорайона. Трамвай был и остаётся самым востребованным и надёжным видом транспорта в Павлодаре.

***

В Семипалатинске начат сбор средств для приобретения телевизионного передатчика, благодаря которому жители города и сёл в радиусе 30 километров смогут смотреть программы российского ОРТ. “Цена вопроса” — 30 тысяч долларов, или в расчёте на каждого взрослого жителя Семипалатинска — 25 тенге.

***

Толпы людей в филиалах Народного банка, где начались выплаты пенсий. Пока много неразберихи, суеты, нервозности. Уже в первый день филиалы обслужили только в Павлодаре девять тысяч человек. В марте горожанам обещают выдать пенсии за февраль день в день.

***

Почти месяц пробыли в плену у чеченских боевиков журналисты ОРТ Р. Переверзнецов и В. Тибелиус. Операцией по их освобождению руководил заместитель секретаря Совета Безопасности России Б. Березовский, который никаких её подробностей не сообщил.

***

Любопытный материал нашего собкора Ю.Сакина: “Диалог оптимиста с пессимистом” о реформах последних лет и нашей нынешней жизни. Наверное, давно надо было свести таких собеседников (пусть и выдуманных) — ярых сторонника и противника произошедших перемен.

***

Есть в Железинском районе маленькое село Жанаберлык — неподалёку от стыка границ Павлодарской, Омской и Новосибирской областей. Места эти живописные: берёзовые колки, раздолье, хорошие земли. Но и глухомань — нет нормальной дороги ни к бывшей центральной усадьбе совхоза “Весёлая роща” (Жанаберлык был третьим отделением хозяйства), ни до Алаколя — центральной усадьбы бывшего совхоза имени XIX партсъезда. Зимой все подъезды заваливает снегом, весной и осенью — грязь непролазная.

Раньше здешние жители работали, главным образом, в животноводстве, обслуживая дойный гурт и молодняк скота на откорме, а механизаторы выращивали хлеб, заготавливали сено. Теперь сеять перестали, скот перевели — частью в обмен на горючее, частью отдали за долги. И живут отныне тут исключительно натуральным хозяйством. Почту доставляют в лучшем случае раз в неделю — с какой-нибудь оказией, программы смотрят российские — до Омска ближе, чем до Павлодара. И никому до здешних жителей нет никакого дела.

Письмо А. Шайхимова из Жанаберлыка опубликовали под заголовком “Обочина”.

21 февраля

Поездка моя накрылась, билеты в Алматы пришлось сдать. Ольга улетела одна, а я остался заниматься проблемами ближайшей родни. Ольга на меня в большой обиде: я предпочёл нашей с ней поездке заботу о других людях. А я не предпочёл — у меня другого выхода не было. Но у каждого, как известно, своя правда...

22 февраля

Утром разбудила сестра. Говорит, звонко пораньше, пока свет не отключили, чтобы поздравить. Ещё поздравляли Володя Федосенко, Людка Яшная, Пучелевы. Так что кое-кто ещё помнит про мой день рождения...

23 февраля

Гуляли с братом Петькой по морозцу. Вспоминали совхоз. Я рассказал ему, как мы последний раз виделись там с братом Шуркой. Он был в отпуске и проводил его у матери, а я приехал, чтобы перевезти её вещи в Павлодар (сама она собиралась переехать чуть позже). В один из тех октябрьских дней пошёл сильный снег, мы отправились с Шуркой бродить, и он процитировал строчку из Николая Рубцова: “Снег летит по всей России — будто радостная весть”. Можно ли сказать лучше о первом снеге?

***

Пришёл посоветоваться давний товарищ. Весь какой-то потерянный, руки трясутся, будто с сильнейшего похмелья. Но, оказалось, суть в другом: некоторое время назад он решил завести собственное дело — открыть цех по выпуску детской мебели — в ту пору дефицита из дефицитов. Но дело сразу не заладилось: хозяин помещения, которое товарищ хотел арендовать, помимо арендной платы затребовал по окладу себе и жене. Не по карману оказалось и оборудование, сырьё. А кредит под дело был уже взят, и подходил срок выплаты процентов по нему. И товарищ, отложив проект до лучших времён, занялся торговлей оборудованием и запасными частями. Торговля шла ни шатко ни валко и не окупала затраченных средств. Пришлось опять заниматься. Теперь должен и банку, и кредитору. Последний переуступил долг “браткам”, и те уже “чисто конкретно” взяли за моего товарища, обещая устроить ему “красивую жизнь”.

Я спросил, о какой сумме идёт речь? “Двадцать пять тысяч”, — был ответ. — “Тенге?” — “Да столько я бы с протянутой рукой за день собрал, — отвечал он. — В том-то и дело, что долларов!”.

Из имущества у товарища — трёхкомнатная квартира, которая по нынешним временам стоит в лучшем случае половину долга. А у него семья, двое детей, которых ещё надо ставить на ноги.

Поразмыслив, посоветовал ему переговорить с нашим бывшим коллегой, имеющим обширные связи как в правоохранительных структурах, так и у местных “авторитетов”...

24 февраля

Российские власти не знают, что делать с соотечественниками, желающими выехать из Чечни (преимущественно не чеченцами). И не нашли ничего лучшего, как закрыть общественную приёмную, куда могли обратиться потенциальные переселенцы. Закрыли потому, что “нет смысла копить жалобы и обращения...”. А я ещё обижаясь на то, что Россия давно махнула рукой на соотечественников, оказавшихся жителями ближнего зарубежья...

Между тем та же Германия, хоть и ужесточает правила приёма репатриантов, никому не отказывает в помощи и обустройстве на исторической родине.

***

Ходил на заседание коллегии при акиме области. Д. К. Ахметов заявил: предстоит реформировать ещё 40 убыточных (неплатёжеспособных) хозяйств. Они будут проданы (переданы) в частную собственность новым собственникам с условием погашения долгов и привлечения инвестиций, а также обеспечением социальных гарантий владельцам имущественных паёв и земельных долей реформируемых хозяйств. Другой путь — передача хозяйств в оперативное управление.

Цель, подчёркивал аким, — привести к владению сельхозпредприятиями реальных собственников. И люди на местах (то есть сельчане) должны понять: надо налаживать нормальную, эффективную работу, либо их ожидает крах.

Всё так, но никто почему-то не говорит о том, что именно бездумная политика реформаторов по отношению к селу довела до ручки даже вполне дееспособные хозяйства, от которых после очередного этапа реформ вовсе останутся рожки да ножки. Я уже не раз писал об этом, но безумные эксперименты над дорогим моему сердцу селом не дают мне покоя.

25 февраля

Жасулан Садыков — редактор радио алюминиевого завода, вознамерился совершить хадж в Мекку. Но не обычным нынешним способом на самолёте, а так, как это делали паломники много лет назад. Правда, не пешком, не на лошади и не на верблюде, а преимущественно на велосипеде. Стартовать намерен 19 апреля, когда начнётся главный мусульманский праздник Курбан-байрам. Маршрут движения: Казахстан — Узбекистан — Туркмения — Иран...

Жасулан, с которым мы иногда общаемся, человек немного не от мира сего. Надо будет расспросить его о будущем путешествии поподробнее.

***

Звезда поп-музыки Майкл Джексон выставил на продажу фотографии своего новорождённого сына. И уже несколько изданий готовы заплатить за них 600 тысяч долларов. На снимках запечатлён сам момент рождения и счастливый отец с сыном на руках.

Джексон, судя по всему, далеко не бедный человек, и не столько деньги ему нужны, сколько подогрев интереса публики к собственной персоне. А если при этом можно ещё и заработать, то почему бы и нет?

Добавление из 2009 года. В настоящее шоу превратились и похороны самого Майкла Джексона, доступ на которые был разрешён лишь по специальным билетам. И уже только после смерти его выяснится, что певец — вовсе не отец своим детям...

***

Вычитал в “ЗП”: в прошлом году охотники области “добыли” 1460 зайцев, около тысячи лисиц и корсаков и 80 волков. И если последняя цифра более или менее реальна — за каждого убитого волка охотнику полагается две тысячи тенге, то цифры прочего “добытого” зверья, скорее всего, сильно преуменьшены: не всякий имеющий ружьё отчитывается перед охотобществом о количестве подстреленной дичи и соблюдает нормы отстрела: не более двух лисиц и четырёх зайцев за одну охоту.

27 февраля

Невероятно, но факт: бывший колхоз имени Кирова завершил прошлый год с прибылью в 14 миллионов тенге. Хозяйством реализовано за год 92 тонны растительного масла, 74 — сливочного, 58 тонн различных колбас, 42 тонны

сыра, а ещё продавали сметану, макаронны, печёный хлеб... И всё это пользуется в Павлодаре повышенным спросом.

Мог бы колхоз и дальше существовать, однако нет теперь в Казахстане такой собственности — коллективной. А посему он преобразован в кооператив. Более 700 заявлений поступило от держателей имущественных паёв и земельный долей, и на общем собрании было решено и впредь работать вместе, теперь уже в кооперативе. И руководителем его избрали бывшего председателя — Виктора Кондратьевича Руди.

***

Отличный материал “Тамыры” в сегодняшнем номере — о дружбе и взаимовыручке русских и казахов в самые тяжёлые выпавшие на их долю времена.

Сначала казах Жакия Оспанов помог обустроиться на новых землях семье переселенца Фёдора Коробкина, а во время страшного голода 1931 года уже Фёдор по просьбе тамыра переселился в казахский аул и стал учить здешних казахов растить просо, картошку, чем спас от верной гибели многие казахские семьи.

Аул со временем окреп, сюда потянулись казахи со всей округи, здесь была построена силами самих колхозников по инициативе Жакии и Фёдора одна из первых в районе средних школ.

В прошлом году отмечали 60-летие этой школы, вспомнили и Коробкина, и Оспанова... Жаль, что этот юбилей остался незамеченным нашей газетой.

***

Под угрозой закрытия Экибастузский горно-строительный техникум, из стен которого за 40 лет вышло около десяти тысяч специалистов среднего звена. Именно они создавали славу ЭТЭКу — Экибастузскому топливно-энергетическому комплексу.

Здесь и сегодня обучается около полутора тысяч студентов. Но на содержание техникума нет средств.

28 февраля

Встретил Ольгу, прилетевшую из Алматы в новом пальто. Она по-прежнему в большой обиде на меня. В моё положение входить не хочет: ты же, мол, сделал выбор, и не в мою пользу, о чём ещё говорить?! Да, есть ситуации, когда не могут (или не хотят) понять друг друга даже очень близкие и к тому же умные люди.

***

Брат Петька прочитал всё написанное мной в отпуске. Говорит, что это своеобразное возвращение к самому себе и дороже этого ничего быть не может. Цитировал Достоевского, у которого один герой говорит о том, что должно же быть у человека место, куда он может прийти. Своего рода причал, где его всегда примут и поймут. Вот и я, если верить брату, ищу это самое место. И в творчестве нахожу его в детстве, в кругу близких мне людей, на своей родине, которая теперь неизвестно где.

А мне кажется, я иду по жизни как-то не так — не уверенной походкой человека, знающего куда он идёт и чего хочет, а путника, изнемогающего под непосильной поклажей и к тому же постоянно спотыкающегося и сомневающегося.

***

Подписал договор на покупку компьютеров для редакции на миллион тенге (аж руки тряслись). Объявил двум собкорам о сокращении. Всю неделю, скорее, больной, чем здоровый...

Продолжение в следующем номере.

Ольга ГРИГОРЬЕВА

“Голос свободного человека...”

В предисловии к третьему изданию этой книги известная российская писательница, литературовед Мариэтта Чудакова пишет: “Книга воспоминаний Ольги Адамовой-Слиозберг издаётся не первый и не второй раз. Но ведь учебники печатают вообще каждый год. Их должно хватать непременно на всех. И эта книга, в сущности, должна быть доступна каждому. Её нужно переиздавать регулярно...”

Увы, при нынешней разобщённости литературного процесса, книгоиздания и книготорговли, думаю, мало кто в Казахстане читал эту книгу, хотя судьба её автора была связана с нашей республикой. После долгих скитаний по тюрьмам и лагерям Ольга Львовна Слиозберг с 1949 года жила в Караганде. Мне бы хотелось познакомить читателей “Нивы” с отрывками из этой книги и стихами автора — свидетеля страшного времени, о котором мы забывать не вправе.

Ольга Слиозберг, начало 30-х годов.

В день 80-летия.

Казалось бы, в последние годы опубликовано немало произведений на эту тему. Но книга Ольги Слиозберг выделяется среди них своей предельной искренностью, правдивой и пронзительной интонацией. Навсегда запоминаются читателям боль матери по своим оставленным маленьким детям, мучительные переживания о муже и родителях, страдания ни в чём не повинных людей, которые с таким сопереживанием описывает автор. Кажется, что душа её болит за искалеченные судьбы сокамерниц больше, чем за свою... Это поразительный документ не только бесчинств бесчеловечной власти, но и высоты человеческого духа.

События страшны своей обыденностью для того времени: жила прекрасная семья — любящие родители, маленькие сын и дочь. И в какой-то страшный день 1936 года всё рушится, арестовывают отца, потом мать. Детям, шестилетнему Шурику и четырёхлетней Эллочке, “повезло” — они оказываются не в детдоме, их отстояла и забрала к себе бабушка...

Лубянская тюрьма, Соловки, Казанская тюрьма, этап (34 дня на поезде до Владивостока) и, наконец, Магадан, страшные колымские лагеря... Только в июле 1946 года выехала О. Слиозберг с Колымы. А в августе 1949 года была повторно арестована. Опять Лубянка... Потом ссылка в Казахстан.

Как могла всё это вынести хрупкая интеллигентная Ольга Львовна? Только благодаря силе духа и поставленной перед собой задаче. В Казанской тюрьме, там, где режим был рассчитан на полное подавление физических и душевных сил, Ольга Слиозберг приняла решение: донести до людей всё, что видела. “... А я не хотела не думать. Глубокое отвращение

к этому добровольному рабству, рабству мысли охватило меня. Я буду думать, я буду запоминать всё. Я должна выжить и донести всё, что видела, до людей. Я не могу сейчас всего понять, но я вижу, что творится злое дело. Я буду свидетельствовать. Это решение, созревшее во мне, наполнило новым содержанием мою жизнь. Я стала вникать в каждую услышанную повесть, запоминать всё, что вижу вокруг. Жизнь моя обрела смысл”.

Так стала рождаться эта книга. С 1956 года рукопись распространялась в “самиздате”. О ней очень хорошо отзывались С. Я. Маршак, А. И. Солженицын, Наум Коржавин, Э. Г. Казакевич, А.А. Бек и многие другие. В 1963 году рукопись была сдана в издательство “Советский писатель”. Там её тоже высоко оценили. Но “оттепель” кончилась, и вопрос о публикации был отложен на 25 лет (журнальный вариант был опубликован в “Дружбе народов” в 1989 году). А первое издание книги “Путь” вышло в издательстве “Возвращение” в 1993 году. Свою книгу Ольга Львовна уже не увидела, она умерла в 1991 году.

Её дочь Элла, Эльга Юделевна Силина, подарившая мне книги матери, немного рассказала о себе. Судьба детей О. Л. Слиозберг сложилась благополучно (если не считать полусиротского детства без матери...). И сын, и дочь получили после окончания школы золотые медали. Правда, ни в университеты, ни в пединституты в 1948-49 годах их не принимали (дети врагов народа), но потом всё устроилось, они оба закончили с отличием химико-технологический институт им. Менделеева. Эльга Юделевна преподавала химическую технологию в институте управления, доцент, а брат Александр — профессор, и сейчас работает в институте тонкой хим. технологии им. Ломоносова. У них прекрасные семьи. Ольга Львовна Адамова-Слиозберг дожила до правнуков, которые потом активно участвовали в издании книги “Путь”, а оплатили её издание дети Эльги Юделевны.

Хотелось бы процитировать несколько отрывков из отзывов о книге О. Адамовой-Слиозберг “Путь” (тогда это была рукопись). А. И. Солженицын (27.12.1967, Рязань): “... Ваши записки произвели на меня очень приятное впечатление... Они — лаконичны, ёмки, без украшений. Они человечны: главное внимание — к окружающим, оттого с интересом и с симпатией читаются. Я думаю, Вы избрали правильное решение — не пытаться проследить и описать весь Ваш лагерный путь последовательно. Этим самым Вы поднялись выше обычных старательных мемуаров...”.

Ф. А. Вигдорова (18 ноября 1963 года): “... Я уверена, что печатать книги о 37-м годе и других годах, когда наша законность была грубо попрана — необходимо. Беспамяство — не лучший воспитатель. О том, что было, — забывать нельзя. И если о событиях, сыгравших такую роковую роль в жизни страны, человек рассказывает, не смакуя ужас происшедшего, а пытаясь разобраться в первопричинах трагедии — это может принести только пользу. Что до литературных достоинств рукописи, то повторяю: скупость, простота, отчётливость рисунка. Очень хороший глаз, умение видеть и понимать внутренний мир человека и рассказать о нём с пристальной точностью — чаще с симпатией, нередко с осуждением, а иногда с отвращением и гневом...”.

Наум Коржавин (1993 год, из предисловия к первому изданию книги): “... На всё она смотрела с человеческой точки зрения, глазами не политика, а просто человека. Впрочем, не просто человека, а человека

определённой художественной культуры. Это и отразилось в её мемуарах. Через них проходят совершенно разные люди, которых свела беда: коммунисты, беспартийные, уголовники, крестьяне, верующие и неверующие. И все для неё были прежде всего страдающие люди. И во всех она видела их человеческое, когда раздавленное, а когда и устоявшее. Такими они отражались в её доброжелательных глазах, такими они и вступили на страницы её мемуаров. ...Это был голос свободного человека".

Предлагаю читателям "Нивы" стихотворения и две главы из книги Ольги Адамовой-Слиозберг "Путь", посвящённые годам, проведённым в Караганде (с незначительными сокращениями). Рассказывается здесь и о её знакомстве с замечательным поэтом Наумом Коржавиным (Манделем).

Стихи цитируются по двум изданиям книги "Путь" — 2002 и 2009 годов (издательство "Возвращение", Москва).

Ольга АДАМОВА-СЛИОЗБЕРГ

После приговора

Когда ниже упасть нельзя,
Когда всё потеряно,
Познаётся цена вещам,
Словам и верованиям.

Если зажжётся во тьме
Факелом сердце горящее,
Значит, навстречу мне
Встало Настоящее.

Жалость, сильнее, чем боль,
Сильнее, чем жажда жить,
Нас повенчала с тобой...
Это ли, друг, забыть?

Крепко проверено мной:
В страшный судный час,
Девочка, мальчик мой,
К вам душа рвалась.

В час, когда руку дать —
Значило — вместе пасть,
Не усомнилась я в вас,
Сёстры, отец и мать.

Если в этой тьме
Сердце рванётся спящее,
Значит, даже в тюрьме
Не убить Настоящее.

1936 год

В этапе

Ели, мох да столбы верстовые
Сквозь решётку вижу из окна,
Да порой берёзки молодые
В завитках зелёного руна.

За окном бегут селенья, нивы,
Тёмные колышутся леса.
Прежнего смелей и горделивей
На реке белеют паруса.

И, впивая с нежностью и болью
Взглядом эту радость, этот блеск,
Думаю: ужель в таком приволье
Для меня нет места на земле?

1938 год

***

Беспокойная белая ночь.
Тени башен на окна нависли.
Я устала в мозгу ворочать,
Точно камни, тяжёлые мысли...

Только вспомнишь о дальнем мире,
Точно жало до сердца дотронется.
Меж камней осторожно лавируя,
Я себя вывожу из бессонницы.

Жажда жизни с тоскою борется,
Отгоняя ненужные мысли.
Это значит: большое горе,
Точно жёрнов, на шее повисло.

Это значит, что, стиснув зубы,
Я решила терпеть и ждать.
Чайки стонут крикливо и грубо,
Ночь проходит — надо спать.

***

Не может быть, чтоб в этот час
Шумел зелёный лес и шелестело поле!
Чтобы на Волге в радостном приволье
Переливался голубой атлас...

Не может быть...
Решётка на окне
Да дверь с глазком —
Вот где границы мира.
Сердца людей запутаны и сиры...

Я умираю, не могу вздохнуть...
О Боже, как тяжёл мой путь.

***

Я живу как во сне.
Вкруг меня и во мне
Этот тусклый, рассеянный свет без теней.
Много дней, много дней, много дней.

Слышу шум за стеной осторожных шагов,
Да задушенный шёпот глухих голосов,
Да ещё иногда громыханье замка,
Да шуршанье проклятых волчков.

Я живу, как во сне,
И мерещится мне,
Что лежу я на илистом дне
Под холодной, тяжёлой, зелёной водой.
И плывут корабли надо мной,

Высоко наверху волны бьют в берега,
Летом солнце палит, а зимою снега,
Ветер яро кружит по волне...
Но царит тишина в глубине.

Высоко наверху моя бедная мать
Не устанет меня громким голосом звать,
Громкий голос доходит до самого дна,
Где в бессилье лежу я одна.

Мама, дочку свою не зови, не томи,
Мама, бедное сердце уйми!
Не могу я проснуться, здесь нечем дышать,
Не терзай себя, бедная мать!

Я живу, как во сне,
Вкруг меня и во мне
Этот тусклый, рассеянный свет без теней
Много дней, много дней, много дней...

***

Дойти, доползти, довлачиться,
Уткнуться в родные колени.
Уткнуться в родные колени и плакать.
Иль, может, молиться?
Одна мне отрада на свете,
Боли моей уголеньё —
Уткнувшись в твои колени,
Плакать, как плачут дети.

Не имут мёртвые сраму,
Погибшей — одно утешенье —
Священное имя Мама
Шептать у твоих коленей!

***

На золотом шелку небес
Лиловые клубятся тучи,
Раскинул паутину сучьев
Весенний обнажённый лес.

Горит парчовая заря!
На светлом золоте заката
Чернеет мощная громада
Старинного монастыря.

Недвижен воздух. Силуэты
Мелькают галок и ворон...
До странности похоже это
На старьё позабытый сон!

Четыре века в этой келье
Затворницы влачили дни,
На золотой закат глядели
Из этого окна они.

Чернели те же колокольни
На бледном золоте небес,
И так же сердце билось больно,
И так же жаждало чудес.

И я, живя в Стране Советов,
Заточена в монастыре,
Гляжу на те же силуэты
На потухающей заре.

Бегут часы... Гляжу в окно,
Стихи слагаю безыскусно;
“Всё это было бы смешно,
Когда бы не было так грустно”.

***

Они летят, они летят на юг,
А я осталась,
Подстреленная птица на земле.
Я вижу молодость свою в застывшей мгле...
На синем юге, на далёком юге,
Купаются в живительном огне
Мои крылатые подруги.

Какой холодный снег...

Главы из книги “Путь”

Этап в Караганду

В середине декабря 1949 года меня отправили по этапу в ссылку в Казахстан. До Куйбышева везли в “стольпинском” вагоне, а в Куйбышеве я попала на пересылку в очень тяжёлые условия: камера, рассчитанная на двести человек, была наспех переделана из конюшни. В ней стоял неистребимый запах лошадей и навоза, что в сочетании с вонью параша и огромного количества скученных, невымытых и больных тел создавало страшную атмосферу. Когда нас ввели в эту камеру, и мы заняли места на двухэтажных нарах, нас было двести человек. Но потом всё приводили и приводили, женщины лежали в проходах, под нарами, на столе и под столом. Мы задыхались в этой вони. Не давали ни книг, ни каких-либо лекарств. В огромной камере то и дело вспыхивали ссоры, истерики.

— Когда же нас отправят отсюда? — спрашивали мы корпусного, но он только разводил руками и очень наивно отвечал:

— Что я могу поделывать, все тюрьмы и лагеря забиты, никто вас не принимает. Кто же виноват, что вас такая орда?

Вот именно, кто виноват?

Понятно, что когда после месяца ожидания нас наконец вызвали на этап, мы были рады. “Хоть гирше, та иньже!” — говорили наши украинки, и мы все были с ними согласны.

Но когда в ранних сумерках январского дня нас повезли куда-то далеко по путям, к стоящему в тупике составу и втокнули в теплушку, стало страшно по-настоящему. Мороз стоял не менее 30 градусов. Было часов пять вечера, уже темнело. Когда я вслед за другими женщинами вскарабкалась в теплушку по приставной лестнице, мне показалось, что не видно ни зги. Теплушка была ледяная. Освоившись, мы заметили многочисленные щели, сквозь которые серел зимний вечер. В теплушке стояла печурка, но не было ни дров, ни спичек. Двойные нары покрыты слоем льда. Я была одета тепло, да ещё родные передали мне ватное одеяло. Все, у кого были тёплые вещи, стали развязывать свои узлы и кутаться кто во что. Рядом с собой я заметила молодую девушку, на которую обратила внимание ещё в грузовике, когда нас перевозили из тюрьмы к поезду.

У неё было милое, смелое лицо. Лет на вид ей было 23-24. Одетая она была в летнее ситцевое платье и казенную телогрейку. На ногах штопанные-перештопанные чулки и тюремные бутсы. Я её позвала к себе под ватное одеяло, и мы познакомились. Её звали Оля Косенко. Она прижалась ко мне, никак не могла согреться.

— Оля, почему вы так одеты, почему без вещей?

— Собака-следователь за мою дерзость не разрешил мне передач, вот я и осталась в чём была летом, когда меня арестовали. Дали на дорогу телогрейку да бутсы, вот и всё.

Просидели мы в этой ледяной и тёмной теплушке несколько часов. Наконец послышалось какое-то движение, заходили по крышам, в соседних теплушках залазгали засовы. Отворилась и у нас дверь, вошли охранники и монтер, провели электрическую лампочку. Потом бросили нам охапку дров и спички, ушли и задвинули засов. Дров было мало, когда дадут ещё, мы не знали, но всё-таки разожгли печурку и немного согрелись.

Оказалось, что в темноте уже были заняты лучшие места над печкой. Там поселилась группа латышек, которые не говорили с нами, дав нам понять, что по-русски не понимают. (Потом оказалось, что по-русски они говорят, но они так были злы на русских, что даже с нами не хотели говорить). Были в теплушке мать с дочерью, западные украинки. Они попали в тюрьму за сына и брата, бандеровца, который ушёл в леса, а к матери ходил за хлебом. Мать всё говорила:

— Ну как же я ему не дам, ну к вам бы сын голодный пришёл, неужто не дали бы поесть?

Она была очень больна, да, видно, ещё простудилась в этой ледяной теплушке и сильно кашляла. С нами была ещё одна заключённая, старая опытная медсестра. Она считала, что у старухи воспаление лёгких, и всё просила конвой вызвать врача, но так и не допросилась. У этой медсестры, Веры Самойловны Локерман, было интересное прошлое. Её братья до революции были видными меньшевиками. Один как будто даже членом ЦК меньшевиков. В молодости Вера Самойловна тоже участвовала в работе братьев и в 1905 году была арестована с оружием в руках на краснопресненской баррикаде.

По молодости (ей в 1905 году было пятнадцать лет) она отделалась только ссылкой в Сибирь. Сейчас это была тучная, больная шестидесятилетняя женщина, которая политикой совсем не занималась. Но, на свою беду, она имела прекрасную комнату в трёхкомнатной квартире. Две другие комнаты занимал работник МГБ, которому очень нравилось жить в отдельной квартире. Ничего не было легче, чем посадить соседку и занять её комнату, что и было сделано.

В обвинительном заключении Веры Самойловны было написано: “Занималась антисоветской деятельностью с 1905 года”.

Ехали до Караганды мы шестнадцать дней. Сначала отчаянно мёрзли, а потом на каком-то полустанке наш эшелон стоял рядом с составом с углём. Вдруг наш конвоир, украинец, который иногда перекидывался по-украински парой слов с Ольгой Косенко, старостой нашего вагона, открыл дверь, дал Оле ведро и скомандовал:

— Набирай угля, сколько успеешь.

Оля соскочила и успела набрать десятка два вёдер угля.

Потом дверь закрылась, но мы ожили. Мы заметили, что из некоторых других вагонов тоже набирали уголь.

Я вспомнила: Лев Толстой писал, что русские законы можно переносить только потому, что их все нарушают, если бы их не нарушали, жить было бы просто невыносимо.

Если бы мы не украли с благословения конвоира уголь, вряд ли доехали бы до места назначения живые с нормой топлива по охапке дров в день.

Я устроила постель вместе с Олей, и мы, прижавшись друг к другу, по целым дням разговаривали.

Срок у Оли был страшный: двадцать лет. Его, по словам Оли, “всунул” ей следователь, которого бесило её бесстрашие, нежелание подчиняться, её споры и резкие, иногда грубые слова.

Очень ей не повезло на следствии. Она была арестована в 1947 году с группой студентов-филологов Киевского университета.

Следователю не давали спать лавры энкавэдэшников 1937 года, и он придумал версию о грандиозном террористическом заговоре с целью отторжения Украины от СССР. Оля показалась ему подходящей фигурой для дачи нужных показаний. Он фабриковал и заставлял её подписывать чудовищные протоколы, обвинять десятки её товарищей.

Придумана была даже связь с гестапо, якобы завербовавшим во время войны целую группу украинской молодёжи. (Между прочим, во время войны пятнадцатилетняя Оля вела себя героически: чтобы не попасть в Германию, она заразила себя трахомой, зная, что немцы таких больных не увозят).

Рассчитывая, что угрозами, побоями, карцерами, семисуточными допросами на “конвейере”, посулами отпустить на волю и лишениями передач ему удастся сломить эту тоненькую двадцатитрёхлетнюю девушку, следователь ошибся. Он не добился от неё ничего и, взбешённый, обещал:

— Я тебе всуну двадцать лет строгого режима.

Это он и выполнил, прибавив ещё одно — однажды, уже после приговора, он вызвал её и спросил:

— Ну как, поплакала за своё упрямство? — и в ответ на Олины слова “Не плакала и не собираюсь” он расхохотался и добавил: — Ну давай спорить, что заплачешь! Твой женишок арестован, и я попросил дать его для следствия мне.

Тут он победил. Оле сделалось дурно. Жених её, односельчанин, даже не знакомый ни с кем из обвиняемых, приехал в Киев для того, чтобы ходить в тюрьму с передачами, справляться об Оле — одним словом, на свою беду, заявил о своём существовании.

Во время этого тяжелейшего следствия, длившегося восемь месяцев, единственной удачей, обогчавшей Олино существование, была соседка по камере, пожилая женщина по имени Мария Герцевна, обогревшая Олю, поддерживавшая её, относившаяся к ней по-матерински. Эту Марию Герцевну Оля часто вспоминала и говорила мне:

— Всё-таки мне везёт, то около неё я согрелась душой, а теперь вас встретила.

Бедная девочка, у неё ещё поворачивался язык на слово “везёт”!

... На шестнадцатый день этапа вошёл охранник, назвал несколько фамилий и сказал:

— Собрать вещи, через два часа подъезжаем.

Нас, счастливцев, ехавших в ссылку, было всего человек пять. Остальные, с огромными сроками, от десяти до двадцати лет, ехали в Новорудню, на прииски, в лагеря с тяжелейшим режимом. Мы начали собирать вещи. Оля смотрела на меня глазами, полными слёз.

— Опять я одна!

... Поезд наш подошёл к станции. Я встала. Оля бросилась ко мне на шею, вся в слезах.

... Я никогда не встречала больше Олю. Говорили, что она умерла в Новорудне. Если это неправда и строки эти попадутся тебе на глаза, отзовись, Оля! Я часто вспоминаю тебя с болью и печалью. Ведь перед тобой лежали годы тяжёлых мук. Дай Бог, если к 1954 или 1956 году ты была ещё жива.

Отзовись, Оля!

В ссылке

Со ссылкой мне повезло: я попала в Караганду, где можно было найти работу и где было много интеллигенции из ссыльных. Попала в Караганду и Валя Герлин, которую я полюбила в Бутырской тюрьме. В Караганде Валя вскоре вышла замуж за Юру Айхенвальда, тоже ссыльного, так что у меня сразу появились друзья.

Встал вопрос об устройстве на работу. Искать работу по специальности (экономистом) я ни за что не хотела при одной мысли, что нужно заполнять анкеты, хлопотать, чтобы меня приняли с моей судимостью...

Я решила пойти на работу в пошивочное ателье, где на конвейере шили телогрейки. Для этой работы моей квалификации хватало, ведь всё же я дочь портных. Туда свободно принимали ссыльных...

Работали две бригады по сорок четыре человека. Было два бригадира, два механика-наладчика машин, два сторожа, две уборщицы. Но почему-то один склад, и два бригадира вечно спорили, не было никакого порядка. Каждый месяц после снятия остатков один из бригадиров платил за недостачу и уверял, что второй переложил несколько штук его телогреек к себе.

Работали мы в две смены. Ночная начиналась в пять часов вечера и кончалась в час ночи. В это время ходить в Караганде было опасно — раздевали и даже хуже. Поэтому мы оставались ночевать на столах в цеху. Всю ночь девчата шептались, целовались с парнями.

Совершенно удивительно шла работа. Каждая бригада обязана была сделать в день 125 телогреек. Это очень мало для сорока четырёх человек, но мы план почти никогда не выполняли, так как конвейер шёл чрезвычайно неравномерно, почти каждый час были простои то на одной, то на другой операции. Я сидела на вшивке рукавов, но то не хватало рукавов, то самих телогреек. Часто оказывалось, что нет ниток или пуговиц. Зарплата была мизерная — 200-300 рублей старыми деньгами, причём одинаковая и на сложных операциях (вшивка рукавов, карманов), и на пришивке пуговиц, чистке телогреек веником и т. п. Но девушки не унывали. Во время простоев они спали на куче деталей (после бессонной ночи) или вышивали и вязали.

Я занималась тем, что подсчитывала простои и раздумывала, как бы их избежать. Я разговаривала с лучшими работницами, спрашивала их, сколько они могли бы сделать, если бы не было простоев, если бы их машины не портились так часто, а механика в это время нигде нельзя найти. Мне всё больше и больше хотелось наладить работу...

(...) Как только у меня определилось место ссылки, Николай бросил работу, друзей, как-то налаженную жизнь и приехал ко мне в Караганду. Это стало, конечно, главным событием в моей ссыльной жизни. Мы сняли комнату с кухней, Николай поступил на работу. Вновь у меня была семья, можно было жить спокойно, без страха проверки паспортов, отдохнуть от нелегального существования.

Летом на каникулы к нам приезжали мои дети. Дочь подружилась с Николаем, восхищалась его мужеством, бесстрашием, по-моему, тянулась к нему, как тянутся к отцу. У нас в Караганде образовалась своя компания — Валя и Юра Айхенвальды, Алик Вольпин (Есенин), несколько друзей по работе, тоже ссыльные. Мы часто ходили в гости, приходили и к нам. Короче, если не считать унижительных процедур отметок в МГБ, была нормальная человеческая жизнь.

С детьми в Караганде, 1950 год.

Но увы! Очень скоро я поняла, что стою на краю пропасти. За те три года, что мы провели в разлуке, у Николая созрела решимость бороться. Выходец из крестьян, он хорошо понимал, чего стоило народу “раскулачивание”. Кадровый военный, он не мог простить Сталину разгрома командования армии перед самой войной. А сколько ещё! Пытки на допросах, преследование попавших в плен солдат, добровольно вернувшихся на родину, и т. п.

Об этом он говорил не только с близкими друзьями, но и с молодыми ребятами на своей работе, которые тянулись к нему. Это продолжалось целый год. Николай чувствовал себя окрылённым и на все мои мольбы быть осторожным отвечал, что хочет погибнуть в борьбе, а не подлым рабом.

29 апреля 1951 года его арестовали.

На следствии он пытался сагитировать следователя, который его прямо-таки боялся, как бы с ним тоже не попасть во “враги народа”.

И снова у меня началось страшное время. Очереди с передачами в тюрьму. Страх самой снова попасть в тюрьму, теперь за второго мужа. Выдержать это второй раз не было сил.

Два месяца следствия я не входила в свой дом — это было выше моих сил. Жила у Вали Герлин и Юры Айхенвальда. Узнав приговор суда, я пришла к ним совершенно больная и легла на кровать. В полубреду я увидела, что Валя вошла в комнату с каким-то мужчиной. Я не слушала, о чём они говорили, долетали отдельные фразы: “Обокрали...” — и детский смех с подвизгиванием и фырканием. “Ну как-нибудь образуется, это всё ерунда. Лучше я почитаю вам стихи”. И он начал читать.

Читал он: “Якобинца”, “Оду”, “Невесту декабриста”, “Знамёна” и ещё многое.

Никогда ни одни стихи на меня не производили такого впечатления. Я была так убита, так унижена и своим положением, двухмесячным хождением с передачами в тюрьму, и наглými соболезнованиями на работе: “Опять ваш в тюрьму угодил”. А самое главное, всей стране, всему миру внушалось со страниц газет, речами на процесах, что революция, святая революция хранится “ими”, а те, кто покушались на неё (я и мне подобные), растоптаны,

повержены и место нам в навозе. И вдруг я слышу от своего товарища, тако-
го же изгоя, отверженного, как я, полные достоинства слова:

*Их той тяжёлой силой придавило,
С которой он вступал как равный в бой.*

Мне казалось — это о Николае.

И о Сталине:

*Он революцию обокрал
И в неё нарядил себя.*

И ода, где он воспевает свою революцию с такой силой и страстью, какие и во сне не снились всем официальным писакам. И трагические “Знамёна”:

*... А может, пойти и поднять восстание?
Но против кого его подымать?*

*А враг следит, очкастый и сытенький,
Заткнувши за ухо карандаш...
Смотрите!*

*Вот
он виден ясно мне!*

Огонь!

В упор!

*Но тише, друзья...
Он спрятался за знамёнами красными,
И трогать нам эти знамёна нельзя!
И всё же мечусь я,*

дыхание спёрло.

*К чему изрыгать бесполезные стоны,
Противный, как слизь, подбирается к горлу,
А трогать его нельзя:*

знамёна!

Я встала, подошла к столу и увидела Мандела. В это время ему было двадцать пять лет. Одет он был удивительно: жёлтые клетчатые штаны с великана, внизу подшитые, но со спускающейся до колен шириной. Пиджак у него был синий, когда-то хороший, но такой старый и грязный, что, когда я впоследствии его выстирала, он весь расползся у меня в руках — его держала только грязь. Его толстое некрасивое лицо со странными глазами (зрачки у него были неправильной формы, как будто рваные), детский смех, невероятный аппетит, с которым он ел немудрёную пищу, предложенную ему Валею, манера забывать о еде и начинать снова и снова читать стихи, а потом снова набрасываться на картошку с капустой, а потом снова забывать о еде и говорить, говорить — всё это мне ужасно понравилось. Я первый раз за последние страшные два месяца отвлеклась от своего горя и наблюдала за ним. Он с Валею и Юрой был уже на “ты”. Я спросила, были ли они знакомы в Москве. Оказалось, что Валя, студентка литературного факультета пединститута, знала его в Москве по выступлениям поэтов, а он её не знал. Валя шла по улице и увидела растерянного Мандела, у которого только что украли чемодан со всеми его вещами и деньгами. Она подошла к нему, спросила:

— Вы Мандель?

Он ужасно обрадовался:

— А ты знаешь меня, девочка? — после чего объяснил ей свои обстоятельства и отправился к ней в гости. Он тотчас объяснил мне, что совершенно не виноват, что его обокрали. И опять он читал стихи. Я сразу поняла, что передо мной истинный талант. Но как он неосторожен. Он знаком со мной, Вале́й и Юрой всего несколько часов и читает такие стихи! Каждое из них может стоить десяти лет лагерей! И мучительный страх за него, странно сказать, материнская любовь к нему с первого взгляда, желание защитить, как-то помочь ему охватили меня.

Неожиданно оказалось, что уже двенадцать часов.

— Где ты будешь ночевать? — спросила Валя.

— У вас где-нибудь, — простодушно ответил Эмка. Но это было совершенно невозможно. У Вали с Юрой была комната метров в девять, где стояли их кровать и раскладушка, на которой я спала, а самая главная трудность была в хозяйке, которая всё время ругалась, что она сдала комнату двоим, а живёт ещё третья (я). Тогда я сказала:

— У меня есть комната с кухней. Если хотите, я дам вам ключ. Но имейте в виду, что я в комнате не была два месяца после ареста моего мужа. Можете поселиться в кухне. Я тоже скоро туда приду.

— Мандель всегда попадает вовремя, — сказал Мандель, секунду поколебался и добавил: — Давайте ключ.

Так мы вместе прожили больше года, как мать с сыном.

Очень скоро Эмка рассказал о себе. Он приехал в Москву весной 1951 года после трёхлетней ссылки в деревню Чумаки близ Новосибирска. Приехал оборванный, запущенный, грязный, изголодавшийся по культуре, по Москве. В поисках путей устроиться как-то в Москве он забрёл в квартиру писателя П., бывшего тогда редактором или членом редакционной коллегии какого-то журнала. П. оказался в Кисловодске. Манделю открыла дверь дочь писателя, Вера, изящная, выхолненная женщина лет тридцати, после развода живущая с отцом и дочерью. Вера предложила Манделю войти, накормила его, угостила вином. Они разговорились (а на разговоры Мандель был большой мастер), короче, вспыхнул и разгорелся мгновенный и бурный роман.

Роман длился около двух недель, по истечении которых Вера сказала, что возвращается отец и Манделю пора смыться. Выйдя из безопасной и изобильной квартиры П., Мандель снова почувствовал, что земля под ним горит: прописаться нельзя, устроиться на работу невозможно, жить и просто ночевать негде. И вдруг ему пришла в голову разумная мысль, что надо бы поехать в город, где он будет жить законно и даже с некоторым преимуществом перед основным населением — ссыльными, короче, он появился в Караганде.

Чтобы понять, как велика наивность Манделя, надо было слышать его рассказы о “моей девочке Вере”. Он собирался выписать её в Караганду, как только устроится на работу и снимет комнату.

— Но ведь у неё дочь, — говорила я.

— Я её удочерю.

— Неужели ты думаешь, что из её московской квартиры, обеспеченной жизни, комфорта, положения она придет к тебе, чтобы стать женой бесправного Манделя и жить на гроши, которые ты будешь зарабатывать?

— Она меня любит.

Он ей писал в стихах и прозе и очень её ждал. Ответа на письма не было. Но вдруг мой Мандель помрачнел и перестал о ней говорить. Дня через два он признался, что получил письмо, и дал мне его прочесть. Вера писала, что она поражена его предложением, благодарна ему за минуты страсти и упоения, бросившие их в объятия друг другу, но это был эпизод в их жизни, о котором хорошо вспоминать, но который не должен повториться. А к Манделю у неё просьба: ей предлагают работу в “Огоньке”, но она никак не может придумать тему для очерка или рассказа. Так пускай Мандель придумает и ей пришлёт.

Этот эпизод отразился в стихотворении, где есть такие строчки:

Забывла ты, что есть Россия, в которой где-то я живу...

Тему рассказа он ей не послал.

В этот период Мандель писал по целым дням. Продуктивность его была поразительна. Но увы! Даже места корреспондента в газете получить он не мог, уж не говоря о том, что никто не хотел печатать его стихов на самые невинные темы.

Появление в моей жизни Манделя в определённом смысле спасло меня, он вернул меня к жизни. Появилась необходимость о ком-то заботиться. Я наслаждалась им как поэтом, но трепетала перед небрежностью, с которой он выбирал слушателей, откровенностью с почти незнакомыми людьми. На мои упреки он отвечал: “Не бойтесь, у меня глаз! Я не всем читаю свои стихи, я сразу вижу, кто порядочный, а кто подлец”. У него и вправду, наверно, был “глаз”, потому что доносов на него не было, но волнений у меня было достаточно.

О Николае я думала непрерывно — и днём, и особенно ночью. Ведь я слишком хорошо знала, что такое лагерь. Я порой осуждала Николая, ведь сколько я умоляла его не заниматься политикой! И я, и он хорошо знали, чем это кончится. Но он не хотел отказаться от борьбы и погубил и себя, и меня.

Я посылала ему деньги, он писал мне свои короткие и сухие письма, тем более сухие, что мы оба знали, что они проходят лагерную цензуру. Но однажды, через год после ареста Николая, ко мне пришла девушка, освободившаяся из лагеря (“бытовичка”). Она принесла мне письмо от Николая, написанное на большом носовом платке, который она вынесла на груди, утаив от обыска.

Это письмо я берегу до сих пор, оно не раз омыто слезами. В нём впервые раскрылась его нежная душа.

“Привет, милая Оля... Мне, моя родная, так много, много хочется сказать тебе нежного, ласкового, любимого. Но я ведь не могу, я не поэт, не идут слова любви с жарких губ. Нет, я не груб. Но я твёрдо верю, моя хорошая, что ты поймёшь всё, ибо ты знаешь, что дело не в словах и что мои качества как раз в другом, в цельности, в гордости... И это дороже, чем мешанское сюсюканье о счастье и любви.

Уходя куда-то, быть может, и надолго от тебя, я не чувствую себя несчастным и не беру назад ни одного своего поступка, мысли, разговора. Я умею любить, любить достойных себя, сильных, мужественных, гордых, которые не способны просить пощады, не способны унижаться до просьб.

... Милая Оля... я здоров и твёрдо верю в наше счастье, в нашу красивую человеческую будущность. Хочу, моя дорогая, чтобы и ты не поддавалась

унынию, пессимизму, панике. Жди меня... Пути наши определены, и мы не можем и не будем их менять, как бы нам тяжело ни было, ибо смерть и слёзы моего народа выше наших с тобой горестей. Как бы плохо ни было, помни, что другим не легче и нам не тяжелей, чем другим.

О том, как проходит наше время, о мелочах быта тебе расскажет эта девушка. А пока всего доброго, моя любимая, хорошая. Крепко, крепко целую. Твой Коля. 16.6.52”.

(Платок, на котором написано письмо, в настоящее время хранится в музее им. Андрея Сахарова).

... Я вспоминала всё, что он сделал для меня. То, как два раза, любя меня, помогал мне уехать к детям. Как, рискуя здоровьем и жизнью, вырвался с Колымы и приехал ко мне в Москву. Как бросил как-то налаженную жизнь под Москвой и приехал ко мне в ссылку в Караганду.

Всё, что я могла для него сделать, — посылать ему сколько разрешалось денег, писать короткие подцензурные письма и ждать.

Я жила, как могла, дружила с Манделем и Айхенвальдами и молила Бога, чтобы умер Сталин и что-то в стране переменялось.

1 августа 1951 года мне исполнилось сорок девять лет. В гости ко мне пришли Эмка Мандель, Алик Вольпин (Есенин), Валя Герлин и Юра Айхенвальд. В подарок они мне принесли бутылочку портвейна. Я совсем забыла, что Алику нельзя пить. Разлили половину бутылочки и выпили за именинницу. Второй тост захотел произнести Алик.

Дело было летом, одно окно было разбито, а всегда, когда собирались четыре-пять человек ссыльных, “вертухай” (сотрудники МГБ) шныряли под окнами.

Итак, тост поднял Алик.

— Я пью, — сказал он своим громким, скрипучим голосом, — я пью за то, чтобы подох Сталин!

Моих гостей как ветром сдуло. Я осталась вдвоём с Аликом.

— Замолчи! Ты же губишь и меня и себя! Замолчи!

— Я свободная личность, — важно ответил Алик, — и говорю, что хочу. Я пью за то, чтобы подох Сталин!

Я хотела зажать ему рот и как-то стукнула его по губам, в результате чего он очень податливо упал на пол и немного тише, но так же чётко и раздельно повторил:

— Я пью за то, чтобы подох Сталин. Я свободная личность, вы не смеее зажимать мне рот.

Я опять стукнула его по губам, а он продолжал повторять свой тост, но всё тише и тише.

В паническом ужасе я начала просто бить его по губам, по щекам, куда попало, а он продолжал бормотать одно и то же. Наконец встал и сказал мне:

— Я презираю вас, как МГБ, — и ушёл.

Тотчас вернулись Мандель, Валя и Юра. Оказывается, они бегали под окнами и сторожили, не появятся ли “вертухай”, но таковые не появились. Потом вышел Алик. Они проследили, куда он пойдёт, и, убедившись, что он пошёл домой, прибежали ко мне.

Назавтра Валя пришла ко мне и сказала, что Алика не было на работе, а когда она его навестила, то увидела, что он лежит избитый, с такими синяками под глазом и на губах, что идти на работу не может.

Деревья,
как люди, —
не здесь родились,
А жить приходится —
здесь.
И люди в зданьях
полны забот,
Спешат,
и у всех дела...
И людям тоже недостаёт
Ещё немного
тепла,
Но сроки сжаты,
и властен труд,
И надо всегда спешить...
И многие
так
на ходу
умрут,
Не зная,
что значит
жить...
Мы знаем...
Но мы разошлись с тобой.
Не мы,
а жизнь развела...
И я сохраняю
бережно
боль,
Как луч
твоего тепла.
Но я далеко,
и тебя здесь нет,
И всё это —
тяжело.
Как этим листьям —
зелёный цвет,
Мне нынче —
твоё тепло.
Но сроки сжаты,
и властен труд,
И глупо
бродить, скорбя...
Ведь люди
без многого
так живут,
Как я живу
без тебя.

1954.

Нелли МЕЛЬНИКОВА
 Ôàí òàñòè-àññèà áèèèè
 «Òòðáí í àã ñãàòà»

Отклик на повесть Николая Зайцева
 «Утренний свет» («Нива» №№ 9-12 2010 г.)

Свою повесть автор предваряет древней христианской легендой о первой революции во Вселенной, революции ангелов, где один из них — «Утренний свет» — решил стать Богом, за что был изгнан из рая, став бессмертным и вечным злом — Сатаной. Силой убеждения и таланта автор пытается показать, за что божий изгнанник так возненавидел людей. Да, право же, есть за что! Вот это «за что» и стало основным смыслом повести.

Однако повесть – притча, и заголовок отражает, на наш взгляд, не только элемент легенды, но и... хотя об этом чуть позже.

Кстати, почему «повесть»? Скорее, социально-психологический роман с явными глубокими и многочисленными элементами публицистики и критического реализма. А ещё... всё повествование одето в лёгкий волшебный скафандр фантастики, играющей в основном роль фабульного прикрытия мыслей, соображений, философских рассуждений далеко не фантастических.

Нужно признать, что сочетание реальности и фантастики сделано очень умело и гармонично. Каждый поворот фантастического сюжета – всегда удачный повод поговорить о реальном, сегодняшнем, наболевшем. А его — ой-ой-ой как много накопилось и в жизни, и в душе автора, и не только его!

Приём этот не нов. Гётевский «Фауст», лермонтовский «Демон», булгаковский «Мастер», целые эпизоды произведений Ч. Айтматова — сегодняшнее во вчерашнем, хотя они и разнятся масштабом и значимостью тем, задачами, тональностью.

Главный герой повести Пётр Царёв – талантливый, начинающий стареть писатель. Личная жизнь не сложилась. В своём домике, уже наполовину вросшем в землю, одиноко живёт он в южном, окружённом горами и богатом яблоками, городе. Познал все «хождения по мукам» в попытках издать роман, получить свой «ломтик» если уж не славы, то хотя бы известности и, наконец, так необходимые средства к существованию. «Сегодня получен последний, категорический отказ печатать его роман. Сплошной консерватизм, никакой свободы мысли. А где любовь? У вас поцелуи выше кончиков пальцев считаются неприличием. Вы в каком веке живёте? Потомки кровных рыцарей давно спят с проститутками. Возьмите и напишите нам об этом. И читательский интерес обеспечен, и хороший гонорар тоже, — редактор будто выплёвывал слова прямо в лицо неудачливому писателю. Царёву показалось, что на языке у редактора появился чертёнок, ухмыльнулся и исчез за тут же закрытым ртом. «Господи, галлюнники начинаются. От голода. Надо уходить», — он поднялся, но сразу же сел, закружилась голова».

Позже, уже дома, Царёв вспомнил о «печатном хамстве», где «на глянцевых флиантах красовались голые бабы, убойного вида мужики с пистолетами в руках, текст обнажал несдержанность сексуальных фантазий, перемежающихся с насилием и жестокостью. Слово «гламур» стало означать потребительский вещиизм, хотя изначально читалось как «духовная роскошь». Многие женщины стали именовать себя стервами, почитая в этом слове роковые для мужчин свойства, но, никогда не читая словарь Даля, где слово это означает падаль, с облезшей на боках шерстью, видом которой можно привлечь лишь стервятников...».

Всякий раз долгий пеший по причине безденежья путь из редакции омрачался размышлениями об отношении власти к поэтам и писателям: «Кого послом послали, кого депутатом, и исчезли они в суете сытой жизни...». Но больше всего удручало равнодушные редакторов, как правило, никогда серьёзно не просматривающих рукописи. В такие безрадостные моменты Царёв всегда заходил к соседке Матрёне, самой доброте и женской

жалостливости, и получал от неё в долг единственное своё пропитание — молоко и хлеб. А потом были бесконечные беседы за рюмкой с магазинным сторожем, вполне здоровые и философские без всякого заковычивания этого слова. Для автора эти два периферийных персонажа — незатейливое выражение народной мудрости и доброты.

И вдруг... всё меняется. Для потерявшего веру в себя, во всё и вся писателя наступает момент истины – жёсткое и жестокое «фаустовское» испытание искушением всеми соблазнами мира: богатством, славой, властью, женщинами.

Не громом с ясного неба, не природным катаклизмом, не включением «машины времени» появляется в жизни Царёва свой «Мефисто», он является в образе стройного, красивого, с иголки и с большим вкусом одетого господина средних лет, прекрасно воспитанного, с изысканными манерами и широчайшими энциклопедическими знаниями. И только глаза с неестественно холодным блеском выдавали в нём того, «кого никто не любит и всё живущее кланёт».

«Леон» – так отрекомендовал себя наш сатана во образе красавца-мужчины. Он не очень-то и скрывал подлинную свою сущность. Всегда был правдив и искренен до определённого Рубикона, перейти который ему было не дано. Поддерживая гостя за поэзию, он с удовольствием вспоминает о знакомстве с Петраркой, Лермонтовым, Гоголем, Леонардо да Винчи, подарившем ему уникальную подзорную трубу собственной работы. В его вечной памяти спокойно сосуществуют эпохи и континенты, люди, их характеры, сущность и поступки. Он никого не раздражал своим присутствием, но почему-то хотелось поскорее от него избавиться. Даже пёс Никитина, поэта и друга Царёва, чувствуя своим звериным нутром нечистую силу, заливался жутким лаем, буквально срываясь с цепи.

Леон – дьявол вполне современный. Он не выторговывает, как гётевский Мефистофель, душу у Царёва, но постепенно и властно берёт её в полон, преподнося ему «на блюдечке с голубой каёмочкой» всё желаемое. И прежде всего то, что по праву принадлежало ему, как талантливому писателю, но чего он в жизни несправедливо был лишён — всё, связанное с литературным творчеством: издал книгу и провёл шикарную её презентацию. Именно шикарную, в процессе которой, однако, ни сама презентуемая книга, ни её автор не играли первостепенной роли. *«На презентации он не сказал и половину задуманного и всё по той же причине – некому было говорить. Любителей словесности подменили на толпу, жаждущую зрелищ и веселья».* Гости, утопающие в блеске золота и льсин, *«хвалили произведение, ещё только взглянув на обложку, зная заранее, что никогда не прочтут даже авторского вступления к роману. Книга раскупалась как память о праздничном вечере, своего присутствия на нём, увековеченного автографом самого автора».*

После знакомства с Леоном Царёв совсем не мог писать. Его мучили беспокойство и тысячи безответных вопросов: почему, зачем, как и «чем сердце успокоится», говоря языком карточных гаданий.

Чтобы хоть как-то занять свой воспалённый мозг, писатель включил телевизор. *«На экране толпились «звёзды» какого-то вульгарного шоу, где слова и действия обнажались нахальным бесстыдством, а отвратительное телемесиво из полуголых девиц, рекламы прокладок, памперсов, пива и страшных новостей превращалось в свиначик».*

Грустные мысли по поводу деградации человечества одолевали Царёва: *«Арии, являющиеся символом целой нации, женятся на шлюхах. Эти кровосмешения с сучками из подворотен (и наоборот) уже дают свои результаты. Быстро расплодилось люди с тугими загривками, узкими лбами и плечами непомерной ширины, привнеся в жизнь свой лексикон, хамские манеры, презрение к вековой культуре. Если когда-нибудь существовали питекантропы, то это были они, надевшие спортивные костюмы, кожанки и обрыв лохматые головы. Неандертальцы попали в тупик, столкнувшись с питекантропами. Более культурное племя всегда вымирает при нашествии вандалов... Наше время не исключение. И двухтысячелетняя христианская культура тоже растворится в хамстве, порнографии и распутстве».* Культуру губит, заставляя человечество деградировать, ещё и ненормальность положения, при котором лучшая часть человечества выдумывает – худшая исполняет. Энергия атома ведь изначально предназначалась для мирных целей, а что вышло!? Естественно, автора, как и лучшую часть человечества, беспокоят такие явления, как пробирочное зачатие, клонирование... Их

результаты, будь то плохие или наоборот, можно будет узнать только через поколения, но уже сейчас на планете сократилось число красивых людей. Да и само понятие красоты значительно изменилось не в лучшую сторону. Редко чувствуется в людях настоящая порода. И то правда. Выводя свою собаку, кошку, либо другое животное на выставку, мы в обязательном порядке должны предоставить его родословную, желательно славную и знаменитую. А где наши человеческие родословные, кто их знает, кто ими интересуется? Разве что королева английская! Нерадостные мысли рождает у автора и положение в печатных СМИ, где почти напрочь отсутствуют размышления о несомой информации, о происходящих в мире событиях. *«Отсюда и явилось информационное рабство – самый тяжкий плен, и в его неволе обретается большая часть человечества».*

Развивая сюжетную линию, включая иной раз «машину времени», пользуясь различными эпизодами реальных и фантастических событий как ширмой, автор плотно насыщает свою повесть проблемами нашей жизни и, естественно, собственных размышлений. Иногда проблема лишь обозначена, и нет точного рецепта её решения. (Лучшие люди, ощущая нравственную гибель человечества от власти уже пришедшего хама, предлагают вместо полумер серьёзный и быстрый поворот к НРАВСТВЕННОСТИ. Возможно, тогда ещё что-то удастся спасти).

В этой же связи интересны совсем не новые, и уже давно не спорные размышления о пользе образования в том виде, в каком оно существует сегодня, когда на обучающегося смотрят не как на факел, который нужно зажечь, а как на сосуд, который нужно заполнить энным количеством знаний.

«Диплом (который к тому же легко можно купить) даёт право на некоторую самоуверенность суждений, но часто эти слова заимствованы у других людей – поэтов, философов. Образование гасит самостоятельность мнения. Не у всех, но большинства. Приобретённые знания начинают казаться истиной, и тогда прогресс собственной мысли исчезает. И выходит из учебного заведения очередной книжный шкаф и становится в каком-нибудь углу учреждения очередной книжный шкаф и становится в каком-нибудь углу учреждения, как пособие для справок в тех или иных научных разработках. И в литературе живут такие информационные ящики, с затвержёнными чужими мыслями и непререкаемым авторитетом справочного бюро».

Не слишком подробно, но с достаточной убедительностью (для себя!) порассуждал автор о роли женщины в обществе, оставляя ей функцию воссоздания человечества и, как ни странно, существа для любовных утех мужчин (ну как же им, бедным, без этого!). Иллюстрацией к сказанному в повести выступают две женщины: Ада (обратите внимание на имя!) — некий фантом, порождение Леона, в который он вложил море страсти, сумевшей после долгого поста разбудить в Царёве мужское начало, и мягкая, тёплая, нежная, живая и земная Аля, которая и готовится выполнить главную функцию, ей предназначенную – продолжить человечество и самого Царёва, родив ему ребёнка.

С нескрываемым презрением и раздражением автор повествует о женщинах-литераторах (писательницах и поэтессах). Они потеряли обаяние и лучшие черты женщины, поменяв их на всё худшее, что есть в мужчинах (ба-а-а, разве оно есть!?). *«Лучше бы они сплетничали на кухне, ласкали своих мужей и были бы по-женски счастливы».* Правда, одной категории женщин автор всё же оставляет право на творчество – счастливым в любви и семье. Однако как это совместить и много ли подобных примеров среди творческой интеллигенции мира?!

Коль скоро упомянули о не лучших чертах мужчин, быть может, стоит заострить внимание на ритуале выпивки, красной нитью проходящем без всякого осуждения через всю повесть: рукопись не приняли к печати — выпил со сторожем, разбогател, отдал долги Матрёне за молоко — «обмыли» с ним же, в гостях у друга — «вздрогнули» (может быть, единственный стоящий и оправдательный повод для одного). Презентация...само собой, без рюмки не обойтись. А на светском рауте в Англии — тем более. Кстати, этот самый раут обнажил неестественность положения социальных слоёв, когда богатые и хамоватые нувориши, чтобы получить титул, женятся на титулованных бесприданниках, получающих, как плату за свой титул, богатство с мужем — хамом в придачу. Тяжёлые думы на сердце легли. Чувствует Царёв, всё происходящее с ним не «всамделишное» и страшное, что раздваивается личность. Одна половина ощущает ложь, осуждает и страшится её, другая — находит оправдательные мотивы происходящему. В этом

раздвоении жить непосильно. И снова «стаканы» из безразмерного леоновского холодильника. Пьём в одиночку, в компании, с друзьями и случайными компаньонами, по поводу и без... Это что, педалирование русской традиции? Царёв же – далеко не худший представитель общества. Он выдержал все испытания — искушения изобретательного леоновского ума. Можно только пофантазировать на тему: что стало бы с Царёвым, будь он в морально-нравственном плане слабее.

Невероятно тяжёлыми были испытания властью, представленные в повести двумя вариантами, где первый опасен лишь силой соблазна (править миром в компании стариков-мудрецов), а второй по-настоящему страшен во всех своих проявлениях: Леон показывает Царёву фрагмент ада (остров) с мятущимися, молящими о помощи грешниками и предлагает ему власть над ними: *«Они зовут вас, — слышался голос Леона. — Идите, управляйте, владейте ими.*

— Кто они? – дрожа голосом, спросил писатель.

— Это те люди, кто обрёл все блага Высшей справедливости. Той, которую на земле можно было купить, продать, подарить по своей милости. А вот справедливость Господней милости они не приемлют. В своей книге вы пишете о справедливом обществе. Воссоздайте его здесь. Всё будет так, как вы пожелаете. Я разрешаю вам править ими.

— Нет, Страх Господень и есть высшая мера справедливости.

— Неужели ты не хочешь им помочь? – грохотал уже в полной тьме голос Леона.

— Я не могу им помочь. Никто не может помочь тому, кто отказался от Бога.

— Ты выбираешь Господний страх?

— Да, да, да-а-а, – не слыша себя, кричал Царёв.

— Я не ошибся, узнав в тебе человека. Живи!

Запах травы и звонкий **утренний свет** пробудили Царёва. «Как давно я не видел такого чудесного рассвета. Этого Господний свет. Я увидел его. Слава Тебе, Господи». Выделенный в тексте термин – не только характеристика природного момента, но и состояния, овладевшего Царёвым после всех происшедших с ним метаморфоз. Он и вынесен в заголовок.

Итак, скорее духовная, нежели физическая одиссея нашего героя благодаря силе духа и высокой нравственной стойкости закончилась победой. Он устоял. Прошёл через Сциллу и Харибду, не «остановив мгновения». Главным орудием этой победы автор считает ВЕРУ с основным её постулатом Страха Господней кары. Всеми силами автор пытается убедить читателя в том, что все действия как отдельной личности, так и человечества в целом определяются и регулируются лишь страхом Господней кары. Как-то неуютно прожить жизнь под этим гнётом. Да и сам автор противоречит себе, быть может, невольно. В тексте повести проскользнула мысль о том, что Бог скорее милостив, чем справедлив. Да. Бог – это ЛЮБОВЬ, ПОДДЕРЖКА, НАДЕЖДА, возможно и КАРА тоже.

Вообще, рассуждения автора о вере наименее аргументированы, доказательны и убедительны. На странице 37, журнала № 10 в не очень понятном пассаже о вере есть мысль, с которой никак нельзя согласиться: *«Нищие духом – вашим будет царствие Небесное»*. Победа Царёва благодаря, а не вопреки силе духа доказывает обратное.

Люди, умудрённые жизненным опытом, знают, что за всё в жизни приходится платить. Как за плохое, так и за хорошее. Человеческая жизнь конечна, и поэтому страх смерти в душе живёт всегда, но это вовсе не означает, что страх, и только страх диктует поведение человека. Есть и другие, более гуманные, тёплые и привлекательные мотивы, о которых уже упоминалось.

РЕЗЮМЕ (не претендующее на истину в последней инстанции).

Повесть, которая «тянет» на роман, написана талантливо, хорошим русским языком с прекрасными, почти тургеневскими зарисовками о природе в качестве почти пушкинских «лирических отступлений». Читается, несмотря на «невсегдашнее» согласие с автором, с неослабевающим интересом от корки до корки, чему способствуют ещё и увлекательные повороты сюжета, очень гармонично сочетающие многие литературные приёмы, в том числе фантастику с реальностью.

Спасибо автору за сочинение, а журналу — за публикацию, с выбором которой он не ошибся.

г. Усть-Каменогорск.

«Пилоту» –

ВЫСОКОГО ПОЛЁТА!

В г. Костанайе вышел в свет тиражом 1500 экз. первый номер республиканского литературно-художественного, научно-популярного, технического, рекламно-информационного иллюстрированного журнала «Пилот», учредителем

которого является научно-техническое производственное объединение «АэроХимСервис» в лице его директора Амангельды Кужахметова. Однако название «Пилот» вовсе не означает, что новое издание об авиации и авиаторах. **ПИЛОТ** – аббревиатура: **П**риключения (путешествия), **И**стория (искусство), **Л**итература, **О**бщество, **Т**ехника.

Главный редактор «Пилота», недавно взлетевшего на небосклон культуры Казахстана, Евгений Галаган уведомляет читателей о целях журнала. «Первая – это дать возможность творческим людям реализовать свои планы в области литературы, исторических исследований, дать возможность людям публиковать свои произведения, изыскания, впечатления. Вторая – дать возможность реализовать свои планы, пусть пока только на бумаге, той огромной массе людей, которая называется изобретатели... Третья – донести эти публикации до массового читателя. Четвёртая – предоставить читателям возможность самим оценивать прочитанное в журнале и, естественно, делиться своими выводами с нами».

«Пилот» надеется стать своего рода аккумулятором идей, творческих планов, мыслей, задумок.

Надо сказать, что «первый блин» не вышел комом. Журнал издан на двух языках – русском и казахском, в номере немало интересных публикаций. Выходить «Пилот» будет один раз в три месяца.

«Нива» желает «Пилоту» высокого полёта, пусть этот оригинальный проект обретает надёжные крылья!

Сапаргали ЖАГИПАРОВ

Семилетний “переводчик”

Быль

Осеннее солнце бликует золотом жёлтых красок. Под ногами шуршит пожухлая трава, засыпанная листвой. Тёплый и ласковый сентябрьский ветер струится в сторону леса, раскачивая берёзы.

Прозвенел первый звонок в Арыкбалыкской сельской начальной школе. Детский гомон слышен в коридорах. Пришло время учиться и для маленького Боты Баяшева. Наливаясь светом, солнышко через окно озарило утреннее убранство комнаты.

Бабушка Балсары Шахановна приготовила завтрак внуку и торопится повести любимого малыша в школу. А он всё не спешит вставать, нежится в постели. После нескольких напоминаний бабушки Бота — весёлый, звонко смеясь, быстро оделся, собрал разбросанные учебники и тетради.

Идя по тропинке, он — неугомонный, бойкий — норовит залезть то на дерево, то убежит от бабули и спрячется за стеной ближайшего дома. Сердобольная Балсары ищет его:

— Где ты, мой милый? Айналайын, опоздаешь на занятия.

Она не заметила, как внучок шмыгнул в кабину грузовика, стоявшего на лилово-пепельной дороге. Знакомый шофёр, подняв капот, мирно копался в моторе.

Услышав голос Балсары Шахановны, водитель поднял голову:

— Апа, не беспокойтесь, Бота в кабине. Играется.

Бабушка, поправляя платок, заметила:

— Что поделаешь, все мы когда-то были детьми. Выходит, что мой внучок не наигрался. Ладно уж.

Сапаргали ЖАГИПАРОВ

— кадровый военный, полковник запаса. Окончил факультет журналистики Львовского высшего военно-политического училища, редакторское отделение Военно-политической академии имени В. И. Ленина. Служил на Тихоокеанском флоте, в Среднеазиатском военном округе, в Западной группе войск (Германия).

В течение ряда лет был главным редактором газеты “Казакстан сарбазы” — “Воин Казахстана», семь лет возглавлял пресс-службу Министерства обороны РК, одновременно являлся пресс-секретарём министра обороны.

Его корреспонденции, репортажи, очерки своё время публиковались в газетах “Правда”, “Комсомольская правда”, “Красная звезда”, “Лениншил жас”, в журналах “Советский воин”, “Знаменосец”, “Мадениет жане турмыс”, “Простор”.

И сегодня С. Жагипаров выступает в различных периодических изданиях, в том числе в газетах “Егемен Казакстан” и “Казахстанская правда”. Автор книги “Звёзды не гаснут”. Постоянный автор “Нивы”.

Лауреат премий Союза журналистов РК, награждён специальным знаком и дипломом Совета министров обороны стран СНГ.

У неё самой детство было трудное, связанное с войной и голодом. Она знает, почём фунт лиха. Может, это и сказалось на характере. Доброта, отзывчивость проявлялись во всём, в том числе по отношению к внуку.

Хотя Баяшев, конечно же, опоздал в школу, учительница Елена Ивановна Гринь не рассердилась, а просто попросила:

— Бота, больше не опаздывай.

Она по характеру похожа на его бабушку, такая же мягкая, добросердечная.

Ещё не прозвенел звонок, а Бота ёрзает от нетерпения, всё поглядывает в окно, хочется ему на улицу. Детская душа не терпит усидчивости и не знает печали. После занятий Баяшев с ликующими возгласами выбегает из школы. Придя домой и бросив портфель, как и другие мальчишки, бегал босиком, играл в футбол.

Быстро пролетели первые недели учёбы. Однажды учительница сказала мальчику, чтобы в школу пришли его отец или мать.

Однако вместо родителей Боты явилась бабушка, поскольку и отец малыша Мырзагали Тынышбекович, и мать Рауза Сабитовна находились в длительной командировке.

Балсары Шахановна не знала русского языка, о чём сразу же предупредила учительницу. Быть переводчиком вызвался сам Бота, сносно владеющий как родным, так и русским.

Учительница, обращаясь к бабушке, с тревогой сказала:

— Апа, не обижайтесь, но ваш внук учится слабо, не всегда выполняет домашние задания, на уроках много разговаривает, может уйти с занятий...

Бабушка, уважительно глядя на Елену Ивановну, кивала головой, а потом обратилась к внуку:

— Бота, мынау не айтты (что она сказала)?

У внука чёрные глаза задорно заблестели, и он стал бойко переводить:

— Бота учится прилежно, показывает пример во всём, в свободное время пусть гуляет на улице, давайте ему побольше сладостей...

Растроганная бабушка заулыбалась.

— Молодец, продолжай переводить дальше, — подбодрила она.

А он, польщённый похвалой, выслушав укоризны учительницы, продолжал нахваливаться себя. Учительница не могла понять, почему бабушка не огорчилась. А когда беседа закончилась, Балсары Шахановна, выйдя из школы, обняла своего мальчугана, приласкала его. Она, радуясь успехам внука, вспомнила поговорку: “Ум от неба, сноровка сызмальства”. А глаза Боты не могли утаить радость, хитрец знал, что сейчас бабуля даст ему конфет, пряников, и он сразу же убежит на улицу.

Что и говорить, сверстники любили смышлённого мальчика не только за то, что он угощал их сладостями, но и за его общительность, весёлый нрав. Неслучайно вокруг него толпились малыши.

Что касается учёбы, то Баяшев по-прежнему не проявлял усердия, учился, как говорила Елена Ивановна, слабо. Когда же Бота всё чаще стал пропускать занятия, учительница не выдержала и сама пришла в дом бабушки Балсары. Её приход бабушку насторожил. Однако Бота, шмыгая носом, опять невозмутимо передал слова учительницы в свою пользу. Елена Ивановна говорила, что беспокоится за учёбу Боты, а

он перевёл, что якобы она пришла поблагодарить за воспитание такого примерного мальчика.

“Сколь верёвочке ни виться, а придёт конец”, — гласит народная мудрость. Этот день настал и для Боты. На очередное родительское собрание на этот раз пошла его мать Рауза Сабитовна, вернувшаяся из командировки. Узнав о проделках сына, как он выступал в роли “переводчика”, искажая смысл сказанного учительницей бабушке, мама Боты растерянно покачала головой, побледнела, опустил глаза и не зная, куда деваться от стыда. А родители учащихся русскоязычного первого класса, присутствовавшие на собрании, засмеялись, оценив находчивость Боты. Кто-то из них удивлённо воскликнул: “Надо же, мальчик, оказывается, шутник, смыслённый, ишь, не обидел себя, переводил на свой лад”.

А тут приехал и отец. Поведение сынишки его возмутило. Резкими словами Мырзагали Тынышбекович отчитал маленького хитреца, не жалея суровых выражений. Краска обиды залила лицо Боты. Казалось, на его глазах вот-вот выступят слёзы, но здесь подросла бабушка и стала заступаться за внука: “Не надо обижать нашу сладость...”. Однако это не помогло. Бота, получив от отца ремнём по спине, на время угомонился. А потом опять стал проказничать, оказавшись неистощимым на выдумки, особенно по отношению к своей любимой бабушке. Она баловала его, а внук в ответ устраивал розыгрыши. Однажды, открывая комод, Балсары Шахановна была ошарашена, чуть не упав в обморок: прямо на неё из ящика выпрыгнула курица, заполошно кудахтая. Бабушка не поверила своим глазам. “Что за проделки шайтана, как в комод оказалась живая курица?” — потрясённо охала старушка. Потом выяснилось, что так разыграл её неугомонный внук.

Балсары Шахановна была не только добродушной, но и прекрасной хозяйкой, неутомимой рукодельницей. Как-то она шила на швейной машинке, а Бота в это время незаметно привязал подол её длинного платья к ножке кровати. Бабушка захотела встать — и не может, словно кто-то её держит. Мгновенная оторопь, от которой даже на лбу выступил пот. Смотрит старая Балсары по сторонам, а никого нет. Так и сидела несколько минут, не имея сил подняться на ноги. Только потом узнала, что её любимый внук затеял очередную шутку. А родственники со смеха катались, узнав о розыгрыше Боты.

Прошли годы, но Бота Мырзагалиевич, уже в солидном возрасте, занимая высокие должности, оставался таким же оптимистом, весельчаком-балагуром, любителем пошутить. Тем, кто находится рядом с ним, никогда не бывает скучно. Юмор, добрая шутка, как говорят в народе, продлевают жизнь. Может, поэтому жизнь его бабушки была удивительно наполненной и долгой.

Мальчик и жеребёнок

Быль

Нурдаулет в задумчивости смотрел на свой дом, на ухоженный большой огород, который, меняясь в красках, наполняется ароматами сочных трав и цветов. Откуда-то издалека доносились серебристые трели жаворонков. “Жаворонки поёт — сердцу радость даёт” — в рифму подумал Нурдаулет и улыбнулся этому.

Недалеко от дома была река, а за ней начиналась степь. Когда ветер дул со степи, слышно было, как река шумит.

Не верилось ему, что он навсегда покидает и этот дом, построенный своими руками, и этот колодец с родниковой водой. Здесь родились и подросли сыновья, дочери. И берёзы, и тополь тоже вон как вытянулись — ровесники его детей.

Нурдаулет нахмурился, покачал головой. “Эх, была бы тут средняя школа, ни за что бы никуда не уехал, но ради детей, ради их будущего — надо, — думал Нурдаулет. — Люди здесь отзывчивые, независтливые. Они стали ближе, роднее. За десятки лет не слышал от них грубого слова. Односельчане уважают, ценят его за человечность, за честный труд. А то, что было, будет ли ещё где-то?”

— Нуреке, ты что же это, надумал покинуть нас?

Он повернулся к подъехавшему всаднику.

— А, это ты, Кажытай! Рад тебя видеть.

— Что, на душе кошки скребут? Не забывай родные места, вспоминай нас, друзей, как-никак вместе росли.

Кажытай, не дожидаясь реакции собеседника, продолжил весело:

— Чего только у нас не было! Сколько раз ты меня выручал. Оставайся, брат, таким же человечным. Как говорят в нашем народе, к чистому поганое не пристанет.

Нурдаулет покивал головой в знак того, что слышит и соглашается.

— А насчёт коня не беспокойся. Видишь, ещё вчера, кажется, твой подарок был жеребёнком, а сегодня — уже тулпар!

Молодой жеребец серого цвета в тёмных яблоках и с белым пятнышком на лбу звучно фыркал, перебирал точёными ногами.

Глядя на коня, Нурдаулет вспомнил ту суровую зиму, когда судьба щедро одарила его семью...

В том году снег выпал рано, а зима выдалась с трескучими морозами. Даже звёзды на небе, казалось, коченели от их дыхания. Бураны бушевали неделями. И вызывали беспокойство, предчувствие какой-то близкой беды.

Однажды Нурдаулет, управившись с домашним хозяйством, решил пораньше лечь. Как назло, сон не шёл, и он долго ворочался, а когда стал засыпать, услышал вдруг шёпот жены: “Мне плохо, больно...”

Нурдаулет вскинулся и заглянул ей в лицо. У неё был очень измученный вид, она кусала губы, чтобы не плакать. Надо же, в такую пургу... Собралась рожать? Даже фельдшера в ауле Жаркент нет, больница за тридевять земель. Что делать?

Нурдаулет посмотрел в окно — темень, хоть глаз выколи. Буранило уже не первый день, дом был завален снегом по самую крышу. Ладно, он выберется, конечно, а дальше что? Дорогу и давно замело. Но надо же что-то делать! Жена стонет: “Не могу больше, умру я...”. Начавшиеся схватки не прекращались. Кутаясь в овчинную шубу, Нурдаулет через крышу сарая, благо, примыкавшего к дому, выбрался на улицу. Деревья сгибались под тяжестью навалившегося ветра. Забрехала, учуяв хозяйна, собака.

Нурдаулет вспомнил, что бабка Мавра Васильевна когда-то сама принимала роды у местной женщины. К тому же, рассказывали, обладает она чарами, как-то там гадает-колдует...

Бабушка жила на окраине, туда топать да топать. Кругом ни огонька. Он шёл на ощупь, временами по пояс увязая в сугробах. Снег хлестал в лицо. Дыхание перехватывало, хотелось упасть и полежать минуту-другую, восстанавливая силы. Наверное, так и случилось — вконец обессиленный, он упал, и больше уже ничего не помнил. Когда пришёл в себя, прямо перед глазами увидел морду Таймаса. Пёс скулил, оглядываясь по сторонам, как бы подзывая кого-то на помощь.

Буран не утихал. С трудом, но он нашёл-таки дом Мавры Васильевны. Молил Аллаха только об одном: только бы застать её дома, только бы не уехала к дочери в город...

— Кто там?

Услышав голос бабки Мавры, он обрадовался, как ребёнок.

— Не бойтесь, бабушка, это я, Нурдаулет!

Пискнула, распахнувшись, дверь.

— И чего тебе, сердешный, не спится в такую пургу?

Он стал на пороге, рукавом размазывая по щекам тающий снег:

— Мавра Васильевна, я по неотложному делу... Согласитесь ли?..

Когда обрисовал ситуацию, то скорее угадал, чем увидел на лице Мавры Васильевны загадочную улыбку, а в глазах прочёл согласие. И они тотчас же, поддерживая друг друга, направились к заждавшейся помощи роженице. Нурдаулет на ходу прикидывал, как провести бабку в дом, не откопав входные двери.

Как бы прочитав мысли Нурдаулета и увидев, что дом представляет собой гигантский сугроб, Мавра Васильевна сама предложила:

— Сынок, давай верёвку, спускай через дыру сарая.

Спускаясь по верёвке, бабуля не удержалась и, падая, мягким местом угодила на спину то ли коровы, то ли лошади. Хорошо что окончательное “приземление” смягчила охапка сена.

Потом, когда всё улеглось, Мавра Васильевна смеялась, рассказывая, что бог помиловал, не угодила на коровьи рога. А всем остальным тоже было весело.

А в ту ужасную ночь...

— Бабушка, я уже все глаза проглядела, — заговорила жена Нурдаулета Бизара. — Я, как могла, крепилась. Сил моих больше нет..

Мавра Васильевна успокаивала:

— Ты, доченька, потерпи трошки, знаю, что больно. Не ты первая, не ты последняя.

— Мне не по себе, матушка!

Бабка, с трудом подыскивая ласковые слова, продолжала “колдовать”:

— Терпи, моё солнышко, всё будет добре. Боги помогут. Тужься, ещё сильнее, ещё...

Наконец-то раздался долгожданный крик младенца.

Мавра Васильевна поглядела на Бизару с торжеством и спокойно произнесла:

— Вот, сказала же, всё будет хорошо, к добру. Ну, полегчало тебе?

А из глаз роженицы текли и текли слёзы.

Мавра Васильевна подозвала хозяина, который подбрасывал в печку берёзовые поленья.

— Сынок, принимай пополнение! Посмотри, какой чудесный птеник. Рослый, кило три будет, если не больше. Наливай сто грамм, обмоем. Зови родственников, пусть несут подарки.

— Я пока малышей позову, пусть тоже обрадуются братику.

— Почему бы и нет, — согласилась повитуха Мавра.

Когда все немного успокоились, Нурдаулет пошёл в сарай, подсыпать кобыле овса. Едва вошёл, глазам не поверил:

— О, счастье, кобыла ожеребилась! Очередное пополнение! — воскликнул хозяин.

Кобыла фыркала — тоже, наверное, довольная собой и своим детёнышем. Сидевший на насесте петух разок-другой хлопнул крыльями и звонко пропел, извещая о приближении нового дня.

Спустя некоторое время Нурдаулет, Бизара, сестра Сулушаш, брат Кайролла, дочь Нургиза, (автор этих строк), бабушка Майра и повитуха Мавра Васильевна сидели вместе, пили чай из тульского самовара, угощались баурсаками. Мама смотрела счастливыми глазами на младенца. Тревога ушла с их лиц, как будто тревожной вьюжной ночи и не было.

А сына, как это принято у казахов, назвали Боранбаем — в напоминание о том, что он явился на свет в буранную пору. И жеребёнок получил не случайное имя — “Кантар”, что означает “январь”.

***

У нашего народа есть много метких поговорок и пословиц. Одна из них гласит: “Кто много ездил, тот знает, что далеко и что близко, кто много пережил, тот знает, что сладко и что горько”. С одной стороны, нетрудно представить себе, как сложилась жизнь вчерашнего младенца. С другой, не всё ясно, как белый день. Но родные и самые близкие знают, что Боранбай, по профессии строитель, много поездив, много пережив, остался человеком с большой буквы, которого сегодня уважают все те, кто находится рядом с ним, за доброе сердце, за золотые руки. Ну а когда всей семьёй вспоминают они бабу Мавру Васильевну, глаза их сияют и, я бы сказал, сыплют искрами.

Свой и чужой монастырь

Быль

Она сидела, облокотившись об стол. Сжимая пальцами виски, Динара перебирала в памяти всё то, что было связано с юностью, прошлыми годами. Думалось и о том, чего ждать ей от жизни в будущем. В голове роились мысли, беспорядочно перескакивая с одного на другое. Эти родственники мужа, они как помешанные! Им хоть кол на голове тещи! Если душа их черна, и мылом не смоешь. Обидно! И муж тоже хорош! Сколько он “пел”, что для него ничего не существует на свете, кроме неё и их любви. Всё на поверку оказалось блефом. Вдруг у крыльца раздался лай собаки. Внешняя дверь была не заперта. А внутренняя, занавешенная москитной сеткой, скрипнула, и Динара услышала голоса подруг.

— Проходите, проходите, — пригласила она с кухни.

Динара сгорала от стыда, прикрывая рукой синяк, полученный от пьяного мужа. Никогда прежде не испытывала она такого унижения и бессилия, беспомощности как во время того скандала с мужем, да ещё с участием его родителей. А всё почему? Не скрыла правду, сказав, что думает о Даурене родителям. Правда обернулась против неё же. Правда, что верно,

то верно, колет глаза. Вместо того чтобы как-то подействовать на сына, они взялись защищать его! Пушистого ангелочка!.. Она выслушала столько несправедливых обвинений в свой адрес, словно это не он, а она устраивает дебоши, зарплату пропивает, детьми не занимается... Просто-напросто оклеветали её, вылили ушат грязи. Когда она заявила, что не собирается с ним жить, те начали угрожать: мол, не позволим позорить семью. “Камень должен лежать там, где упал!” — срывалась на крик мать Даурена.

Обидно, что муж оставался в стороне и просто наблюдал, как посторонний человек, ни слова не сказал в защиту. Она ли для семьи не старалась? Благодаря настойчивости в пригороде столицы построили этот добротный дом, в котором они живут. А сколько труда в него вложили её братья, сестра. В том, что в доме уют и тепло, дети накормлены, одеты, — не заслуга ли хозяйки? Да она и кормит семью, зарабатывая хорошие деньги в солидном ведомстве.

Знакомая бабка-гадалка неслучайно предупреждала: “Дочка, скажу честно, ждёт тебя неприятность. Сколько верёвочке ни виться, а конец будет. Знаю, что ты и заботливая, и доверчивая, и терпеливая, всё делаешь для семьи. А муж твой хоть бизнесмен, да не в помощь ни ему, ни тебе богатство. Страсть его — азартные игры, пьянки-гулянки, больше ничего. Горбатого могила исправит, а глупого — дубинка. Думай, моя хорошая, стоит ли тебе так жить”. Она тогда не придавала особого значения этим словам, дескать, выдержу. Никогда никому не жаловалась, не посвящала в детали братьев, сестру, которые жили поблизости. Родители Динары, люди воспитанные, даже если о чём-то догадывались, не вмешивались в её семейную жизнь.

Мало утешения находила Динара в том, что такого рода сценарии и кульминации были, есть и в других семьях. Нет, этому должен быть конец, убеждала себя Динара, никто не должен сносить унижения, всепрощение — плохая анестезия, а воспоминания о лучших временах — никакое не болеутоляющее... На жизнь нельзя смотреть сквозь розовые очки, она вовсе не похожа на сказку.

Динара приходила к выводу, что жизнь в этом доме — не жизнь. Сына и дочь сама воспитает, вырастит. В этом она не сомневается. И родные не оставят в беде.

Твои родители, не раз говорил она мужу, делят своих же детей — даже их! — на богатых и бедных, одних принижая, других превознося. Они по поводу и без повода стремятся и меня унижить за то, что я из простой семьи. Умерь их пыл, внушала она супругу. Он не хотел внимать голосу разума. Чёрствый, потерявший себя самого человек.

До замужества у неё было стремление к профессиональному росту, привлекала карьера. И были все шансы. Самое главное — целеустремлённость, трудолюбие, оптимизм. После престижного университета готовилась продолжить учёбу за рубежом, освоила иностранные языки. Подруги завидовали: мол, как же тебе всё удаётся, без протекции, без “руки” покровителей. Родители — обычные трудяги, а ты одной ногой уже за “кордоном”.

— Просто надо быть расторопнее, — говорила Динара, — шевелиться, думать, искать, трудиться. Вот и толк будет..

Динара никогда не скрывала, что она из простой семьи: отец — шофёр, а мать — воспитательница в садике. Но она гордилась ими, и больше всего именно тем, что — трудяги. Папа, как и его отец, до сих пор шоферит.

У неё и нынче в памяти счастливые дни, когда ездила с ним в поле к комбайнам, помнит, как из бункера комбайна сыплется горячий водопад зерна. Помнит и запах полыни. Мама, помнится, выпекала пышные караваи пшеничного хлеба, подрумяненные булочки и калачи, обсыпанные мукой. Они, четверо детей, никогда не чувствовали себя чем-то обделёнными и с детства переняли у родителей много хорошего. Когда Динара с сестрой поступили в университет, домашние так радовались! Правда, в селе пустили слух, что, мол, родители продали всю скотину ради того, чтобы девчонки поступили учиться. Мама успокаивала: не расстраивайтесь, в мире есть завистники, это им неймётся, и не злитесь на них, а пожалейте...

... Как хорошо, что подруги заглянули “на огонёк”. Вряд ли они помогут советом. Зато есть кому излить душу, выговориться.

— Вначале мы жили неплохо, — рассказывает Динара, — не хуже других. Дома всего с излишком. Есть “колёса”, в каждой комнате по телевизору, компьютеру. Нет, родители мужа заявили в чужой монастырь со своим уставом. Никак я их понять не могла, что их во мне не устраивает. Постепенно стала догадываться: для них я — “простолюдника”. Без роду-племени... Согласиться с этим? Ну уж нет! Я ни своего достоинства, ни чести рода унижать не позволю.

Как они могут? Вроде бы живут в столице, в гуще культурных событий, а дремучие, как из пещеры вышли. Нет, не по мне такая жизнь. Есть у меня гордость, самолюбие, честь, которую никому не позволю растаптывать.

Ох, Динара, сокрушённо вздыхали подруги: есть у тебя один недостаток — непомерная доброта, которая обернулась против тебя же.

... Вдруг её разговор с подружками прервала скрипнувшая в соседней комнате кровать. Проснулся сын Ерсултан. Он подбежал к матери, увидел слёзы у неё на глазах, долго неотрывно смотрел на неё. Динара протянула руки к сыну, а он, подгибая коленки, обхватил её за шею и стал приговаривать: “Мамочка, ты же говорила, что плачут только слабые. Ты разве слабая?”.

Когда они вышли на улицу, была уже ночь, в глаза ей бросился тонкий серп месяца, который выглядывал из-за туч. Город спокойно спал. Проводив подруг, она стала собирать в дорогу самое необходимое: всё, надо уезжать с детьми домой, к своим родителям. Глядя на лица малышей, Динара вспомнила слова сына, задумалась, потом вздохнула облегчённо. Слабая улыбка тронула её губы: “у нашего монастыря свой устав...”.

г. Астана.

Анатолий ЕГОРОВ

Письма из Греции

(Продолжение. Начало в №№ 7-8 за 2011 год)

Письмо 5.

Юрий Дмитриевич! В этом письме царь Ликург у меня вырисовывается как какой-то (прости меня, Господи!) “ЕВРОКОММУНИСТ”. А что делать?! “История такова — какова она есть, и больше ни какова”, — говаривал в студенческие годы Стипендиат Юрка Поминов!..

Я поднял основные древнегреческие источники по теме Письма № 5:

1. “Историю Пелопоннесской войны” Фукидида (не бедный, кстати, был человек — имел золотые рудники в горах Пангео, это километрах в 20 от моего дома);

2. “Историю” Геродота;

3. “Избранные жизнеописания” Плутарха;

4. Россыпь более мелких материалов.

Написать на тему Спарты я готов “с полтома”. Но вынужден держать себя в “рамках”...

...Лет 15 назад, в самом конце XX-го столетия наших дней, Грецию облетела удивительная весть. Советы граждан Спарты и Афин приняли решение “о заключении мирного договора в Пелопоннесской войне пятого века до нашей эры”... Ни много ни мало!

В сенсационности этого события есть свой пиар (для того оно и затевалось). Но есть и “сермяжная правда”: столетия Спарта и Афины были главными союзниками-соперниками-противниками-врагами (снова союзниками и снова врагами!) в той Древней Греции.

Это были два самых могущественных города-государства Эллады, принёсших ей всемирную славу.

Спарте это величие подарили законы царя Ликурга.

Причём законы эти “О государственном устройстве” были НЕПИСАННЫМИ. (Когда говорят “неписанные законы” — именно их и имеют в виду!). Сделать законы таковыми Ликургу присоветовал дельфийский оракул. (Если закон написать, то возникает частый соблазн его переписать. А неписанные законы переживут поколения). И В ЭТОМ ЕСТЬ СВОЙ СМЫСЛ!..

Реформатор Ликург учредил Совет старейшин из 28 самых авторитетных граждан старше 60 лет, которые избирались пожизненно. Совет этот, сдерживая в известных границах царскую власть, служил (по выражению Платона) и якорем спасения, и доставлял государству внутренний мир. (В Спарте было два царских рода, два царя всегда правили вместе. Их главной задачей было возглавлять армию на войне. В мирное время царская власть исполняла лишь религиозные обязанности). Повседневными государственными делами занимались пять эфоров-надзирателей, которых ежегодно избирало Национальное собрание. Предложения Совета старейшин (которые определяли политику Спарты и создавали законы) должны были быть одобрены Народным собранием, в которое входили все граждане старше 30 лет. Гражданами считались только мужчины, родившиеся в Спарте. Это была замкнутая группа, в которую не допускались посторонние. (Историки считают, что их число не превышало 9000 человек). Все спартиаты служили в армии и имели право голосовать.

Народное собрание не могло обсуждать или изменять закон, а могло лишь голосовать “за” или “против” него. Спартанцы голосовали криками “да” и “нет”. Побеждали те, кто кричал громче.

Ликург провёл деление земель. (Неравенство состояний было ужасное: масса нищих и бедняков угрожали опасностью государству, между тем как богатство было в руках немногих). Желая уничтожить гордость и зависть, преступления, роскошь и две самые старые и опасные болезни государственного тела — богатство и бедность, Ликург убедил сограждан отказаться от владения землёю в пользу государства, сделать новый её раздел и жить всем на равных условиях, так, чтобы никто не был выше другого, — отдавая пальму первенства одним нравственным качествам.

Он изъял из обращения всю золотую и серебряную монету, приказав употреблять только железную. Но она была так тяжела и массивна при малой своей стоимости, что для сбережения дома всего десяти мин нужно было строить большую кладовую и перевозить их на телеге. Благодаря такой монете в Спарте исчезло много преступлений: “Кто бы решился, — пишет Плутарх, — воровать и грабить, раз нельзя было скрыть своей добычи, которая к тому же не представляла собой ничего ценного”. (Ликург велел опускать раскалённое железо в уксус. Это лишало его твёрдости, делало ни на что не годным, бесполезным по своей хрупкости для выделки из него каких-либо вещей).

Ликург на корню искоренил взяточничество. Уже нельзя было положить мешочек в карман, а надо было использовать эквивалент золота — повозку железных денег. Кто ж такую взятку повезёт! Показное богатство и праздность стали презираемы. Всё в Спарте стало функционально, даже мебель — самая простая и лучшая в Греции.

Одна из “ретр” Ликурга была прямо направлена против роскоши. Согласно ей крыша в каждом доме могла быть сделана только одним топором, двери — одною пилою. Пользоваться другими инструментами “для излишеств украшательства” запрещалось.

Ликург поднял на недосягаемую ранее высоту роль женщины. Девушки должны были для укрепления тела бегать, бороться, бросать диск, кидать копья, чтобы их будущие дети были крепки телом в самом чреве их здоровой матери. Он запретил им баловать себя, вести изнеженный образ жизни. Они, как и мальчики, должны были являться во время торжественных процессий без платья, плясать и петь в присутствии и на виду у молодых людей. В наготе девушек не было ничего неприличного. Они по-прежнему были стыдливы и далеки от соблазна; напротив, они приучались к простоте, заботе о своём теле. Женщине внушался благородный образ мыслей, сознание, что и она может приобщиться к доблести и почёту.

Холостяки (а редко, но были и они) в Спарте подвергались своего рода позору. Зимой по приказу властей они обходили голыми городской рынок и пели песню, где говорилось, что они наказаны справедливо за неповиновение закону. Им не оказывалось уважение, которое молодые люди всегда оказывали старшим. И за непочтение к холостяку ответ ему молодого спартанца был одним: “У тебя нет сына, который мог бы впоследствии встать передо мною!..”.

Невест похищали, но не таких, которые были ещё малы или слишком молоды для брачной жизни, а вполне зрелых и развившихся. Похищенная отдавалась на руки подруги невесты.

Воспитание ребёнка не зависело от воли отца: он приносил его к старейшинам. Если ребёнок был крепким и здоровым, его отдавали кормить отцу, выделив при этом земельный участок. Слабых и уродливых кидали в “апотеты”, пропасть возле Тайгета. В глазах старейшин жизнь новорождённого была так же бесполезна ему самому, как и государству, если он был слаб и хил. (Спартанки для испытания своего новорождённого ребёнка мыли его не в воде, а в вине. По местному поверью считалось, что эпилептики и больные дети от крепкого вина погибают, а здоровые становятся от него более сильными). Детей не пеленали вообще, давая полную свободу телу. Приучали не есть много, не быть разборчивыми в пище, не бояться темноты, оставаясь одному, не капризничать и не плакать. (“На этом основании, — сообщает Плутарх, — даже иностранцы выписывали для своих детей спартанских кормилиц”).

Ликург установил такое учреждение, как совместные трапезы, где граждане сходились обедать за общий стол и ели простую пищу и своё любимое блюдо — “чёрную похлёбку”. За неприход на трапезу-сисситию налагался штраф — даже на царя. (На эти трапезы часто ходили и дети. Их водили туда как в школу для развития ума. Здесь они слушали разговоры о политике и видели перед собой наставников в лучшем смысле этого слова). Сидя за столом общей трапезы, спартанец Эпаминоид и произнёс те исторические слова: “За таким обедом не придёт в голову мысль о государственной измене!”. И когда знать всей остальной Греции нежилась на празднествах, вкушая богатства и излишества, — Спарта “сцементировала” свой народ. Вот такой личностью был Ликург, своеобразный “еврокоммунист” Древней Греции!..

Воспитание спартанцев продолжалось до зрелого возраста. Никто не имел права жить так, как хотел. Напротив, город походил на лагерь, где были установлены строго определённый образ жизни и занятия, которые имели в виду “благо всех”. Спартанец считал себя принадлежащим не себе лично, а отечеству.

Среди законов есть один, особый, ТРЕТИЙ закон царя Ликурга. Он запрещал Спарте вести ПОСТОЯННУЮ войну с одним и тем же врагом. Чтобы, привыкнув оказывать сопротивление, они не сделались воинственными. А также не могли узнать тактику и приёмы спартанцев в бою и перенять их. (Позже именно за это больше всего порицали царя Агесилая, что он своими частыми, неоднократными вторжениями и походами в Беотию сделал фиванцев достойными противниками Спарты. Поэтому, видя его раненым, один из старейшин сказал ему прямо в глаза: “Фиванцы прекрасно платят тебе за уроки. Они не хотели и не умели драться, но ты их выучил!”).

Деметрий Фалерский утверждает, что сам Ликург не вёл никаких войн и вводил свои преобразования во время мира. Действительно, мысль установить перемирие на время Олимпийских игр может прийти на ум только мягкому и миролюбивому человеку.

Вообще все заботы Ликурга как законодателя были обращены на воспитание.

Прекрасными во всех отношениях были и законы Ликурга относительно погребения покойников. Чтобы с корнем уничтожить суеверие, он разрешил хоронить умерших в черте города и ставить им памятники вблизи храмов, чтобы молодёжь с малых лет имела у себя перед глазами подобного рода картины, привыкала к ним; чтобы она не боялась смерти,

не находила в ней ничего страшного, испытывала почтение к могилам предков. Ликург приказал ничего не класть в могилу вместе с покойником. Его обвивали в красный плащ и клали на листья маслины. Не было позволено надписывать на могиле имя усопшего, если только он не был павшим в битве воином, или если умершая не была жрицей. Траур продолжался всего одиннадцать дней. На двенадцатый день следовало принести жертву богине земледелия Деметре и перестать плакать.

Ликург запретил спартамцам уезжать из дому и путешествовать без определённой цели, перенимая чужие нравы и “подражая образу жизни, лишённому порядка”. Мало того, он даже выселял иностранцев, если те приезжали в Спарту без всякой цели, чтобы они не сделались “учителями порока”.

Ликург решил найти путь, как сохранить свои законы в поколениях. Он созвал всех граждан на Народное собрание и сказал, что “данное им государственное устройство во всех отношениях приведено в порядок и может служить к счастью и славе Спарты”, но самое важное и главное он может открыть гражданам лишь спросив Дельфийского оракула. Они должны хранить данные им законы, ничего не изменяя, строго держась их до его возвращения из Дельф, когда Ликург и обещал устроить всё согласно воле оракула. Ликург взял также клятву с царей и старейшин, что они будут строго держаться существующего правления ВПЛОТЬ до его возвращения. И удалился с друзьями и сыном.

Войдя в храм и принеся богу жертву, он спросил его, хороши ли законы Ликурга и в достаточной ли мере служат счастью и нравственному совершенствованию его сограждан? Дельфийский оракул отвечал, что законы его прекрасны и что государство будет находиться наверху славы, пока останется верным данному им государственному устройству. Ликург записал этот оракул и послал его в Спарту. Сам принёс богу вторичную жертву, простился с друзьями и сыном и решил добровольно умереть, чтобы не освободить своих сограждан от данной ими клятвы.

Ликург отказался принимать пищу и сознательно уморил себя голодом в том убеждении, что и смерть общественного деятеля должна быть полезна государству и что самый конец его жизни должен быть не случайностью, а нравственным подвигом.

Его спутники выполнили последнюю волю Ликурга — сожгли тело и развеяли пепел над морем. Чтобы НИКОГДА — даже мёртвое его тело! — не вернулось в Спарту и “не сняло” спартанскую клятву. Пять веков Спарта оставалась верна законам Ликурга, будучи по своему строю и славе первым государством в Греции. Из 14 царей, от Ликурга до Агида, ни один не сделал в этих законах ни одной перемены. Пять веков нога неприятеля не ступала на священную землю Спарты!..

В царствование Агида проникли в Спарту впервые деньги, вместе с золотом вернулись корыстолюбие, жажда богатства и роскошь...

Государственное устройство Ликурга взял за основу своего свода законов Платон, за ним — Диоген и Зенон. В Спарте Ликургу построили храм и ежегодно приносили жертву как богу.

***

Спартамцы уже в семь лет начинали предбоевую подготовку и учёбу в отрядах. Они жили вместе, спали вместе. Командиром отряда становился тот из них, кто был понятливее, смелее, искуснее в гимнастических

упражнениях. Остальным следовало брать с него пример, исполнять его приказания и беспрекословно подвергаться от него наказанию. Спартанская школа была школой послушания. Старики наблюдали за играми детей и нередко нарочно доводили их до драки, ссорили, прекрасно зная характер каждого и тот ГЛАВНЫЙ ответ: храбр ли будущий воин и не побежит ли с поля боя?

Чтению и письму спартанцы учились по необходимости. Основное их воспитание преследовало три цели: беспрекословное послушание, выносливость и науку побеждать.

Дети спали на циновках “на свежем воздухе”. Их сознательно держали впроголодь, фактически заставляя еду воровать. Всё, что они ни приносили (от дров и пищи из столовых-сисситий взрослых до овощей и фруктов из местных садов) — было ворованным. Попавшегося без пощады били плетью как плохого, неловкого вора и заставляли голодать. Задача была однозначна — заставить собственными силами бороться с лишениями и сделать из них людей смелых и хитрых. Секли (чуть реже) и всех остальных детей, приучая к боли и умению переносить её молча. Спартанцы росли смышлёнными, ловкими, цепкими, изворотливыми.

Дети старались как можно тщательнее скрыть своё воровство. Плутарх рассказывает, что один из спартанских мальчиков украл и спрятал у себя под плащом лисёнка. Зверь распорол ему когтями и зубами живот; но, не желая выдать себя, мальчик крепился, пока не умер на месте.

С малых лет детей приучали отличать хорошее от дурного и судить о поведении граждан. Тот, кто терялся при вопросах “Кто хороший гражданин?” и “Кто не заслуживает уважения?”, считался в Спарте умственно неразвитым. В ответе своему наставнику юный спартанец должен был в сжатой форме сформулировать свою мысль. (У отвечавшего невнимательно наставник кусал в наказание большой палец!). Детей приучали выражаться колко, но в изящной форме, в немногих словах ГОВОРИТЬ МНОГОЕ. Заставляли детей подолгу молчать, поскольку не знающая меры болтливость делает разговор пустым и глупым.

С годами воспитание спартанцев становилось суровее: им наголо стригли волосы, заставляли ходить только босыми и с непокрытой головой. На тринадцатом году жизни спартанские юноши снимали с себя хитон и получали на год по одному плащу. Их кожа была загорелой и грубой. Они не знали тёплых ванн, им не разрешалось укрываться во время сна. Спали вместе по отрядам и отделениям на постелях, сделанных из тростника, собранного на берегах Эвроты. (Причём рвали его руками, без помощи ножа!) Зимой под низ клалась подстилка из “ежовой ноги” — это растение считалось согревающим...

На ХОРОВОЕ ПЕНИЕ в Спарте обращалось столько же внимания, как и на точность и ясность речи. Слова их песен были просты и безыскусны, но содержание серьёзно и поучительно. То были большей частью хвалебные песни, прославлявшие павших за Спарту и порицавшие трусов. Песни спартанцев призывали к смелым деяниям. Если вспомнить ещё, что спартанцы единственные шли на неприятеля под звуки флейт, нельзя не согласиться с теми, кто видит тесную связь между храбростью спартанцев и музыкой в их войсках.

Когда спартанец становился молодым воином, его воспитание не было уже таким строгим: им позволяли ухаживать за своими волосами,

украшать оружие и платье. Но вся их жизнь протекала в жестокой военной подготовке и гимнастических упражнениях. Спартанцы любили походы (в походах гимнастические упражнения были не так трудны, с них спрашивали меньше отчёта). “Спартанцы, — пишет Плутарх, — были единственным народом, для которого поход мог считаться отдыхом...” (!!!)

Такими “лепили” будущих воинов. И когда спартанец занимал своё место в боевом строю, его сердце уже не дрожало.

Победитель Олимпийских игр получал в Спарте только одну привилегию — идти в бою рядом с царём. Для спартанца не было большего счастья, чем это! Плутарх рассказывает: одному спартанцу предложили на Олимпийских играх большую сумму с условием, чтобы он уступил честь победы. Он не принял её и после трудной борьбы повалил соперника. “Что пользы тебе, спартанец, в твоей победе?” — спросили его (поскольку Спарта материально ничего победителю не давала). “В сражении я пойду с моим царём впереди войска”, — отвечал он счастливо и гордо.

Перед сражением спартанский царь приносил жертву музам (чтобы воины помнили, какой приговор их будет ждать со стороны составителей песен; чтобы они в битве показали подвиги, достойные прославления).

Когда войско выстраивалось в боевом порядке на виду у неприятеля, спартанцы надевали венки. Сам царь начинал под звуки флейт военную песню, под которую спартанцы шли в бой. Это было величественное и грозное зрелище: в сомкнутых рядах ничьё сердце не билось от страха, воины шли навстречу опасности под звуки песен и флейт, спокойно и решительно. Царь шёл на неприятеля в окружении воинов — победителей на играх.

Одержав победу и обратив неприятеля в бегство, спартанцы преследовали его только на таком расстоянии, чтобы укрепить за собой победу бегством неприятеля, и затем немедленно возвращались. По их понятиям, было низко, недостойно грека — рубить и убивать разбитых и отступающих. Этот спартанский обычай был не только благороден и великодушен, но и полезен, так как их враги, зная, что они убивают только сопротивляющихся и шадят сдающихся, считали выгоднее бежать, нежели оказывать сопротивление.

***

Сказать, что в Спарте не было случаев трусости в бою, — было бы неправдой. Умудрённые воины, спартанцы знали, что В ПЕРВОМ БОЮ человек может повести себя по-разному. Испугавшихся, покинувших первый раз поле боя молодых воинов (а такие, хоть редко, были и среди спартанцев!) они не наказывали и не отвергали. Их называли “УБОЯВШИЕСЯ”. Их не презирали, просто их не считали ещё мужчинами, и им запрещалось присутствовать на “девичьих соревнованиях-празднованиях”, где спартанки выступали полностью обнажёнными, а спартанские мужчины (что далеко ходить!) выбирали себе жену. (Жениться, кстати, им разрешалось лишь с 30 лет).

То есть, зная ПСИХОЛОГИЮ ВОЙНЫ, спартанцы допускали, что человек может в первом бою испугаться, проявить нерешительность. Но если и во втором бою спартанец проявлял трусость, на него надевали табличку, которую тот не имел права снять под страхом смерти. Он не считался мужчиной. И изгонялся из Спарты.

***

Потомки покорённых местных жителей илоты численно во много раз превосходили спартиатов, и этот факт определял весь образ жизни Спарты, её постоянную готовность к боевым действиям и подавлению непокорных.

“Время от времени (пишет Плутарх) спартанское правительство посылало несколько молодых людей, выделявшихся своими умственными способностями, за город без всякой цели. С ними не было ничего, кроме короткого меча и еды. Днём они скрывались, рассеявшись по тайным местам, и спали, а ночью — выходили на дорогу и убивали попадавшихся им в руки рабов-илотов. Часто они бегали по полям и умерщвляли самых сильных из них”.

Фукидид в своей “Истории Пелопоннесской войны” рассказывает, что спартанцы выбрали самых храбрых из илотов, надели им на голову венки, как бы желая отпустить их на волю, и стали водить из храма в храм. Вскоре все они, более двух тысяч, бесследно исчезли... Аристотель свидетельствует, что даже надзиратели за законом — эфоры “при вступлении своём в должность объявляли илотам войну, чтобы иметь возможность убивать их, не делаясь преступниками”.

Спартанцы обращались с рабами жестоко и сурово, в зародыше пресекая любой протест. Они специально напаивали илотов допьяна чистым вином и затем приводили их в столовые-сисситии, чтобы показать молодёжи, до чего может довести пьянство. Рабам приказывали петь неприличные песни и исполнять непристойные танцы, запрещая приличные. Такими бесчеловечными, пишет Плутарх, спартанцы сделались после того, когда у них произошло землетрясение, во время которого илоты восстали (вместе с покорёнными Спартой мессинцами), вконец разорили страну и довели государство до края гибели.

***

Имея в виду краткость мысли и метафоричность слова, мы говорим — лаконичный язык. Лакония — область южной Греции — это и есть сердце Спарты! Именно отсюда пошло по свету это выражение. Греки говорили: “Лакедемонизин софиан эсти” т.е., говоря по-лакедемонски (по-спартански), — говоришь мудро. Вспомним, как в фильме “300 спартанцев” к Леониду подбежал воин боевого охранения: “Мой царь, враг двинулся нам навстречу!”. Ответ Леонида краток: “Хорошо. Значит и мы станем ближе к нему!”.

Спартанцы ненавидели длинные речи, и это видно из их афоризмов. Однажды говорившему долго и умно, но некстати, царь Леонид сказал: “Друг мой, ты говоришь дело, но не по делу”. Один чужеземец, желая доказать спартанцу Теопомну своё расположение, сказал, что его сограждане зовут его не иначе как “другом спартанцев”, и получил в ответ: “Лучше было бы для тебя, если бы тебя звали другом своих сограждан”. Один афинский ритор назвал спартанцев неучами. “Совершенно верно, — отвечал ему сын Павсания, Плистоанакт, — одни только мы из греков не научились от вас ничему дурному”.

Спартанцы приучались с детства никогда не раскрывать рта без нужды и говорили только то, что заключало в себе мысль, заслуживающую

внимания. Одного спартанца пригласили идти послушать человека, подражавшего соловьиному пенью. “Я слышал самого соловья”, — отвечал он.

Сам Ликург, судя по сохранившимся в истории его фразам, выражался кратко и отрывочно. Когда кто-то стал требовать, чтобы Ликург ввёл в государстве демократию, он сказал: “Введи сперва демократию у себя в доме”. На вопрос, зачем Ликург приказал приносить такие маленькие и бедные жертвы, он отвечал: “Затем, чтобы мы никогда не переставали чтить богов”. Его спросили, как можно уберечься от вторжений неприятелей? Ликург отвечал: “Оставайтесь бедными и не желайте быть ни в чём больше соседа”.

Когда несколько участвовавших в сражении амфипольцев посетили дом павшего в битве за Амфиполис царя Брассида и стали в присутствии его матери Аргилеониды осыпать похвалами имя героя, говоря, что “в Спарте нет ему подобного”, мать сказала: “Мой сын был мужествен и храбр. Но в Спарте есть много людей лучше его...”.

Спартанцев приучали не желать и не уметь жить отдельно от других. Напротив, они должны были, как пчёлы, жить всегда вместе и принадлежать отечеству. Спартанец Педарит не был избран в священное число “300” царской охраны, но пошёл домой с сияющим лицом — он радовался, что “нашлось триста граждан лучше его!..”.

Меня поразила спартанская ПРИСЯГА. Вот она ВСЯ:

“Свобода Родины превыше всего.

Храня достоинство — избегай удовольствий.

Лишения и боль умеи переносить молча.

Беспрекословно подчиняйся приказам.

Уничтожай врагов Греции, где бы они ни находились.

Бейся бесстрашно до победы или смерти”.

Шесть строк. А сказано ВСЁ!..

Честь имею.

Анатолий.
Греческая Македония.

Письмо 6.

Юрий Дмитриевич!

Здоровья тебе и 99 лет жизни!

Сегодня решил написать тебе, пожалуй, последнее (тьфу-тьфу-тьфу! Точнее, как говорят лётчики, — “КРАЙНЕЕ”) письмо.

Как “песнь акына в степи”. ОБО ВСЁМ...

1. СПАСИБО за “теплинку” и приветы “далёкой студенческой юности”. Не передать ту радость, с которой я всматривался в дорогие мне лица (на пересланных по Интернету фотографиях). Иру Паустиан я видел в году 90-м. Она была уже замужем и жила где-то в Мюнхене. А красивую дюймовочку Таню Любимскую я не видел (представь себе!!!) со студенческих лет. Ее тётя-немка преподавала нам в средней школе немецкий, и я был её лучшим учеником. С чем и поступил в КазГУ. Откуда же нам знать в “те годы”, что все они были “высланы и сосланы”... В восьмилетней школе немецкий нам преподавал вообще “пленный немец” Адольф Адольфович. Оттуда у меня и “чисто арийское” произношение. Прости меня, Господи!..

Сашу Голева я не видел года с 81-го. Иру Круч — с зимы 90-го. Наталку Баталову и того больше. А Лёху Закутаева — все 30 с гаком лет (он постарел сильнее всех, а был весёлым казаком!). Владимир Андреевич (Федосенко)

всё такой же — солидный, мудрый, строгий. Как говаривал о нём в студенческие годы Стипендиат Юрка Поминов — НЕПОДОТЧЁТЕН!.. Это точно! Да и ты — “в авторитете”...

Я НИЧЕГО НЕ ЗАБЫЛ ИЗ НАШЕЙ ЮНОСТИ.

2. Реализую “идею давних лет”: УГЛУБЛЯЮ СВОИ ЗНАНИЯ в АНГЛИЙСКОМ. Системно и уверенно продвигаюсь вперёд. Общее впечатление от репетитора языка, что приобрёл недавно на УКРАИНЕ (!!!), — **ПРЕКРАСНОЕ**. Всё детально, объёмно, толково, доходчиво. Я доволен.

Базовая основа немецкого и греческого “греет моё сердце”. А вот что касается английского: читаю, основу понимаю. Но нет “безбоязненного” общения. Нет уровня языка.

Смотрел недавно старый британский фильм. Профессор “подбирает” на улице девушку “со двора” и с помощью граммофона и прочих методик эпохи “ставит” ей такой английский, что её удостаивает беседы даже Королева. И такое великолепие было в этом языке! Английский вдруг раскрылся для меня с совершенно иной стороны. Не грубовато-ковбойской, не холодно-аристократической. Пахнуло такой КРАСОТОЙ, ПОЭТИЧНОСТЬЮ, НЕЖНОСТЬЮ! И меня вдруг как в сердце кольнуло: вот он — настоящий английский. Довелось побывать как-то в Индии, в Калькутте, на Андаманских островах под Индонезией, в Порт-Блере. Мы только “тычем” англичан имперским колониализмом, а они оставили после себя ТАКУЮ КУЛЬТУРУ, ТАКУЮ АРХИТЕКТУРУ!

В какой-то момент у меня появилась духовная потребность (и УВЕРЕННОСТЬ) в том, что я способен сделать важный шаг и в английском. ДЛЯ СЕБЯ, ДЛЯ ВНУТРЕННЕЙ КУЛЬТУРЫ. В Интернете я перебрал тучу сайтов с курсами английского. Есть достойные. Есть очень достойные, но с заоблачными запросами в цене. Некрикливая, детальная, умная реклама и экономически обоснованная цена “холов” (все мы не Рокфеллеры!) меня убедили. Реклама искренняя и ЧЕЛОВЕЧНАЯ. А это редкость в “волчьем мире” бизнеса. Я заказал у них “Виртуальный репетитор”.

“По получении” её e-mail уже через час был в банке (чтобы со счёта перевести деньги “на дочерний”). А там (НЕ ПОВЕРИШЬ) — забастовка. Я в другой — и там забастовка. Всегреческая забастовка “банкиров”.

Как говорят в Одессе: “ЩОБ Я ТАК ЖИЛ!!!”.

К счастью, “в закуточке” нашёл **Western Union**.

CD пришёл из Украины с какими-то страшными словами на коробке: “Загальна вартість...”. Оказалось, что это всего-навсего “общий вес”!

3. Иногда я спрашиваю сам себя: кто мы? По отцу во мне белорусская кровь. По матери — украинская. У моего старшего брата жена русская. У жены младшего брата польско-еврейская кровь. Наша младшая сестрёнка вышла замуж за казахстанского немца. А у меня жена вообще — гречанка! **НО ВСЕ МЫ — РУССКИЕ!** И жили мы в **ВЕЛИКОЙ СТРАНЕ**, которую боялся и уважал этот волчий мир. (МЫ — ЭТО СМЕСЬ ВСЕХ СО ВСЕМИ! Удачная, кстати, смесь!).

Прав тот философ Зиновьев: “Иммигрирует только тело. Душа остаётся”. Душа действительно остаётся. Растут уже дети наших детей. И болит моё русское сердце. И хочется России добра.

Отношение к России изменилось. Нет уже того хихиканья 90-х годов. Россия **СОСРЕДОТАЧИВАЕТСЯ**. Потихоньку притупляется и угасает и наша боль...

Хотя меня всё ещё не оставляет тот “вселенский” вопрос. “Виноваты мы сами?”. ДА. “Не виноваты?”. Тоже ДА. Но это случилось с нами и со страной!.. Ушли с болью в сердце тысячи тысяч умных людей, которые столько могли бы сделать для России!.. Теперь уже, Бог даст, туда вернуться когда-нибудь дети наших детей...

В. В. Путин верно как-то сказал: “Российская диаспора за рубежом духовно есть часть России, выдвинутая на периферию”. Салоники от нас в 170 км. Но я всегда езжу в консульство голосовать. России нужна стабильность. Нельзя раскачивать лодку. Лет 20 гражданского мира — и РОССИЮ БУДЕТ НЕ УЗНАТЬ!!! Как там, у Столыпина: “Им нужны великие потрясения. Нам нужна великая Россия!..”.

4. Осень и дожди — самое трудное время и для моей Архиповны (когда её парализовало тогда в Москве — лицо так и не отпустило. Половина лица мёртвая и сейчас). “На погоду” ей хреноватенько. И даже очень... В прошлом году полтора месяца лежала в Салониках в институте. Медицина тут сильная. И врачи старались. Дай Бог им здоровья. Немного подлечили. Уже не до былой красоты. Лишь бы хуже не было... Видишь, и у нас не без проблем...

У неё экзамены в школе греческого: ВТОРОЙ уровень сложности. Занимается для себя, для внутренней культуры. Семинар 2,5 месяца. Приехала комиссия из Салоник. Надя мне позвонила около девяти утра: НЕ ЗВОНИ до двух часов. Экзамены пять часов! Она волнуется. Но в целом — готова. Она же ОЧЕНЬ ответственная! Я с утра даже икону поцеловал и мысленно её благословил. Я жену так и называю: “то лахИо тис зоИс” — лотерея моей жизни!..

(Она здесь Эльпида! Это одно из тех великих греческих имён: ВЕРА, НАДЕЖДА, ЛЮБОВЬ — ПИсти, ЭльПИда, АгАпи).

Мы с Надей уже 33 года вместе — а вроде вчера. И чувства те же. Как будто недавно и встретились. Наша свадьба была в 79-м. Мы с ней венчались. И детей крестили!

Из наших студенческих пар все уже давным-давно развелись. Только двое нас и осталось: ты с Оленькой, да я с моей гречанкой. Лотерея. СУДЬБА...

***

1. Я — историк. И на всё стараюсь смотреть через эту призму. Выстроить историческую проекцию, сопоставить, проанализировать, предвосхитить...

Как учил меня когда-то в аспирантуре мой научный руководитель академик Хелемендик: “ТОЛЬКО МЕТОДОЛОГИЯ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА, БАТЕНЬКА!.. Внимательно изучайте горизонтальные и вертикальные связи. Применяйте системный подход в диссертации как методологический принцип, как синтез системно-исторического, системно-структурного, системно-компонентного и системно-функционального подходов!..”. (Кстати, он очень гордился моей диссертацией и на защите просто сиял. В “ГУГЛе” иногда нахожу “размышленческие” материалы за подписью “Сергей Хелемендик”. То ли из Чехии, то ли из Словакии. Наверное, это уже его сын).

2. Об особенностях “русской души”. Недавно у меня “возникла нужда” заострить новый карандаш. Японец бы стал искать электронную машинку,

немец — “карандашечистку” с лезвием “зиг хайль”. А я МАШИНАЛЬНО (!!!) достаю с полки использованную одноразовую бритву и мгновенно и великолепно заостряю карандаш. Ну никому бы это и в голову не пришло! Откуда это в нас, русских?! Кто-то там сказал о программировании (уж и не помню — может, сам великий Билл Гейтс): “Если задача лёгкая — её поручают индийцам. Если трудная — китайцам. А если задача НЕРАЗРЕШИМАЯ — её поручают русским”. ТОЧНО! Откуда у нас такое мышление? Сам диву даюсь.

3. В Греции открылся ПРЕКРАСНЫЙ музей. И греки ждут, что Британия, наконец, отдаст “украденные” богатства Парфенона. Об этом стали громко говорить каждый день газеты, радио, TV. И это правильно. Капля камень точит. (Помнишь того Катона Старшего, непримиримого врага Карфагена? О чём бы он ни говорил (о новых колониях, о дорогах Рима, о садах над Тибром), он всегда заканчивал свою речь в римском сенате только одним: “Карфагином эссе делендам!” — “Карфаген должен быть разрушен!”. Он прожил долгую жизнь (85 лет!) и за полвека вбил это в головы каждого гражданина великого Рима. И когда, лишь после третьей Пунической войны, Рим “давил” своего заклятого врага, вопроса “что делать с Карфагеном?” уже не возникало!..

4. Опять “на погоду” забарахлил компьютер. Может, снова какой-нибудь “вирус Курниковой” залез. Насчёт вируса — не смейся. Как-то работала на компьютере моя дочь — а она “собаку съела” — факультет информационных технологий окончила на греческом ЭПИРЕ. Готовила дипломную. И компьютер “завис”. А потом через месяц приходит счёт из телефонной компании. А среди интернет-адресов — Западная Африка, острова Сан-Томе и Принсипи. Якобы мы по Интернету с ними соединились. ПЛАТИТЕ. Дурдом! Легко ещё отделались — евро 35. (Я потом полшутя говорю жене: “Архиповна! Любовника завела! Ну был бы сибирский Вася, я бы тебя, как мужик, может бы и простил. Но НЕГРА!!!”). Смеху было. И не до смеху. Соседям потом счёта поприходили — не рассказать!.. Боюсь я этих вирусов, чтоб им неладно!..

5. Смеялся полдня, прочитав в западном журнале о боксёре Валуеве: “Этот русский с ранимым лицом...”. Да это “личико” — мечта С.Спилберга для съёмок нового “Парка Юрского периода”: живой Кин-Конг!!! С “ранимым лицом...”. Ах какая прелесть!..

Видишь, как они обучены “сочно писать”. И никаких наших “поэтических исканий”. На уровне хорошего ремесленника. Кстати, я помню почти дословно репортаж 30-летней давности в американской газете о матче века НХЛ — ЦСКА (помнишь озеровское: “Такой хоккеей нам не нужен!..”. Бились насмерть). А начало репортажа — просто прелесть: “Филадельфия Флайерс” подтвердила репутацию зала “Спектрум” как места разрешённого мордобоя. Трудно представить себе зрелище более явным, даже если бы банда Аль-Капоне напала на танцоров Большого театра...”. А? Как написано! КОНФЕТКА!!!

6. Недавно попался мне на глаза рисунок в журнале. Вдали Голгофа. Распятый Христос. Дымят костры римлян, и народ стенает у креста. На переднем плане современный корреспондент с микрофоном берёт интервью у Иуды Искариота. Магнитофон мотает плёнку, и на примерный вопрос журналиста: “Ну как же вы могли?!..” (в смысле, продать за 30 сребреников Христа) — Иуда отвечает всеубеждённо: “Время было такое...”. Гениально.

7. Юра! Как журналист, ты оценишь эту притчу. Мой подарок тебе и “Звезде Прииртышья” в твоём лице!

Приказал великий воитель Востока Тамерлан привести к нему лучших художников. И сказал: кто нарисует мой портрет правильно — дам золота столько, сколько весит сам. Или — голова с плеч.

Первый художник нарисовал Тамерлана таким, как он есть. А был Тамерлан старым, одноглазым, хромоногим, горбатым.

— Правда, — сказал Тамерлан. — Но не красиво.

И голова художника покати́лась с плеч.

Второй нарисовал великого Тамерлана подпирającym облака. Молнии озаряли закат. Пурпурный плащ укутывал его могучее тело, и ноги упирались в вершины гор!..

— Красиво, — сказал Тамерлан. — Но неправда.

И голова другого художника покати́лась с плеч.

Третий нарисовал хана скачущим на коне, несущемся в битву. Круп лошади закрыл половину тела, и не стало видно хромой ноги. Устремившись вперёд, хан как бы пригнулся к луке седла, и “исчез” его горб! Натягивая тетиву лука, хан “как бы зажмурил” один глаз, и не стало видно его “одноглазия”. Пред взором всех на картине предстал пусть немолодой, но ещё сильный духом и умудрённый в боях воин!

И улыбнулся Тамерлан. И осыпал художника золотом.

Так, гласит легенда, родились три направления искусства: Реализм, Романтизм и Социалистический Реализм... (Когда по форме всё вроде бы красиво, а по сути!..). Я “не в осуждение”, я — “в размышление”. Как там, у Ахматовой? “Я там была с моим народом. Где мой народ, к несчастью, был...”.

“Сказка ложь. Да в ней намёк. Добрым молодцам урок!..”.

(Да и всем нам).

8. Кстати, о СТЕРЕОТИПАХ. Чингисхан. “Грязный азиат в вонючих шкурах у костра грызёт баранью кость...”.

А ты никогда не читал ПРОГРАММУ Чингисхана? А она есть, написанная кровью белой кобылицы. Я даже помню её начало (дословно!):

“Я хочу повсюду водворить тишину кладбища. Убрать с подноса Вселенной города. Чтобы на их месте расстились зелёные бескрайние степи, паслись монгольские кони, стояли наши кочевья, в которых полногрудые монголки кормили бы своим молоком сытых и весёлых детей. Я выйду к Последнему морю (к Балтийскому, Юра!), и тогда половина Вселенной окажется за моей спиной!”.

Вот тебе и “грязный азиат”!..

9. Анекдот. В разбитую войной, разбомбленную Западнью Украину приходит из Средней Азии эшелон с тягловой силой. (В смысле: помогли, чем могли...).

На станции Львів-товарный обходчик, стоя у закрытого вагона с накладной бумагой в руках, спрашивает напарника:

— Мыкола. Шось там такэ?..

— Мабудь, лошакаы... (В смысле, наверное, лошади).

Обходчик тянет дверь вагона, та съезжает, и его взгляду предстаёт ВЕРБЛЮД, что-то жующий.

Остолбеневший обходчик зовёт напарника: “Мыкола! Мыкола! Ось пиды подывысь, ШО ЦИ МОСКАЛИ С КОНЯКАМЫ ЗРОБЫЛЫ!..”.

И тут виноваты МОСКАЛИ!!!

P.S. Видно, старею. Начинаю молодёжи “руководящие советы” давать. Ивану своему тоже “назидания дарю”! Он мне говорит: “Папа, да я не ребёнок! Мне уже 25 лет!..”.

Для нас они всегда дети. Мы своё сердце, как Данко, готовы вырвать ради них и осветить им ПРАВИЛЬНЫЙ путь в этой жизни: достойный и уважаемый. Пусть простят нас, Христа ради, если что не так!..

Мы живём ДЛЯ НИХ, мы живём ВО ИМЯ ИХ, мы живём “ИХ ИМЕНЕМ...”!

Сыну внушаю. Раста, мОлодежь! Жадно и ненасытно наполняй “баклажку знаний”. Дерзай. И смотри на мир “с ПОЗИТИВОМ”. Как те американские рейнджеры в фильмах Голливуда? Его уже изрешетило пулями “вдоль и поперёк”, но сквозь кровавую пену на губах он шепчет ЖИЗНЕУТВЕРЖДАЮЩЕЕ “ФАЙН!”.

А пока, Юра, дождёмся внуков и встретим тихую старость. Я так благодарен судьбе, что она подарила мне мою гречанку. Ты ж меня помнишь, орла! “Но есть десантные войска — и нет задач невыполнимых!..”. Тучи девок вились. Я был уже пятикурсником. А она только пришла на первый курс. Я встретил её на лестнице. И в то же мгновение понял, что она будет моей женой. За 30 лет мы не сказали друг другу даже слова “дурак”. Наверное, это и есть судьба.

Сегодня суббота. Дело к вечеру. Наденька в городе у мамы. (Кот у девок!). Я дома один. Что б ещё полезного сделать? Ты знаешь, у меня ещё целый котёл “ядерной энергии”!.. Надо её направить в “мирное русло”. Пойду, пожалуй, подрезать пальмы...

Тебе в “Блёстки”:

1. Цивилизованность — это тончайший слой пудры на зверином оскале лица.

2. У носорога плохое зрение и скверный характер. Но при его массе и габаритах это уже не его проблемы...

3. Никогда свобода слова не бывает столь драгоценной, как при случайном ударе молотком по пальцу. (Маршалл Ламзден).

Читаю. В Южной Америке пастух пас овец. Летящий над ним орёл, не удержав, выпустил из когтей камень (блестящий и круглый, что подобрал на горе у реки). Камень ударил пастуху прямо в лоб и убил его на месте. Вместе с тем журналистом я тоже грустно выдохнул: НЕ СУДЬБА!.. Но ведь могло орла на полметра ветром отнести, но ведь мог пастух чуть подвигнуться на траве!.. О чём только ни подумаешь!..

Мы вас помним, любим и ждём!

А ты ещё не видел мой виноград!!!

Анатолий,
Греческая Македония.

Окончание в следующем номере.

Сергей КРИВОРОТОВ

Муха времён начала перестройки

*Делать из мухи слона — прямо скажу:
занятие неблагодарное, товарищи!*

Из отчётного доклада советского
лидера на съезде КПСС

Сказать, что Муха была огромна — значит ничего не сказать. Просто Королева Мух, Её Хитиновое Величество. Гигантский вертолётоподобный монстр, сразу заставивший заподозрить галлюцинацию, материализованную деталь горячего бреда. Но она являла собой реальность и, раз появившись, оставалась её неотъемлемой ужасающей подробностью. Чего только стоили налипшие остатки нечистот на омерзительных с добрую верёвку волосах её лапищ! Вознесённое в энную степень произведение неведомых мутаций, чуждое порождение наших собственных отбросов. Трудно сказать, как зародилась, из какой чудовищной личинки вывелась эта Муха, какого волшебного хлебца, с умыслом или по халатности предоставленного безответственными людьми, откушала эта тварь для достижения подобной величины. Хотя вот зачерстевшие до одеревенения буханки запросто валялись подле мусорных ящиков, но почему-то Муха не обратила на лакомые сухарики никакого внимания. Впрочем, и этот факт, стань он достоянием нарождающейся гласности, вряд ли навёл бы на какие серьёзные размышления дирекцию районного хлебокомбината, не говоря о том, чтобы после улучшилась его продукция.

**Сергей
Евгеньевич
КРИВОРОТОВ**

родился в 1951 г. Образование высшее. Врач-кардиолог. Живёт и работает в г. Астрахани, Россия.

Публиковался в сборнике “Фантастика-86”, в журналах и еженедельниках “Энергия”, «Техника — молодёжи», «Четвёртое измерение», «Чудеса и приключения», “Слово”, “Мир фантастики” (Москва) на CD и DVD, “Магия ПК” (Санкт-Петербург), “Меридиан” (Германия), “Самовар” (Германия), в московских еженедельниках “Поиск”, “Семь с плюсом”, в “Массарахш! Мир наизнанку” (Ростов-на-Дону), “Крылатый Вестник” (Новосибирск), “Шалтай-Болтай” (Волгоград), “Луч” (Ижевск), в альманахе “Безымьянная звезда”, в украинских изданиях: в журнале “Порог” (Кировоград), киевских “Друг читача”, “Просто фантастика”, в местной периодике. Последние публикации в журналах “Работница” (Москва), “Полдень. XXI век”, “Южная звезда” (Ставрополь), в “Знание — сила. Фантастика” — литприложении к журналу “Знание — сила” (Москва), “Литературный Башкортостан” (Уфа), “Вселенная. Пространство. Время” (Киев, Украина), “Жемчужина” (Брисбен, Австралия).

В 2006 году стал серебряным лауреатом второго международного литературного конкурса “Золотое перо Руси” в номинации “Сказка”.

В “Ниве” публиковался в № 6 за 2011 год.

Когда она с рёвом пикирующего бомбардировщика обрушилась с высоты небес на скопление переполненных мусором баков, поблизости, к счастью, никого не оказалось. Но в соседних домах от сотрясения воздуха задребезжали стёкла. Те, кто выглянул в окна, чтобы понять случившееся, увидели на мгновение блеск складываемых на спине прозрачных радужных крыльев в сети чёрных прожилок и крапин, а затем огромная тёмная масса закрыла место свалки. Брюхо Мухи отливало золотистой зеленью, и теперь в наземном варианте она походила на упруго передвигающееся шестиногое подобие шагающего вездехода из фантастического фильма с выпуклыми глазами на месте кабины. Она с грохотом опрокинула железные ящики, и прятавшиеся в них две серые кошки были тотчас же подхвачены при попытке к бегству её передними лапами и моментально отправлены на растерзание ужасных хитиновых челюстей. Двигаясь рывками и сладострастно урча, она запустила внушительный хобот в рассыпавшийся мусор в поисках лакомых кусочков. Её лапы мерзко шуршали, задевая обрывки газетной бумаги, картонной упаковки, гремели пустыми консервными банками.

Невесть откуда взявшуюся комнатную болонку, легкомысленно приблизившуюся к крылатому страшилищу, постигла участь кошек, завсегдатаев свалки. Она стала очередным свежим деликатесом, разнообразившим стол ничем не брезгающего монстра. Когда раскрываемые огромные крылья угрожающе взжужжали, и Муха совершила быстрый прицельный бросок-перелёт, болонка не успела среагировать, издав напоследок лишь пронзительно-жалобный визг.

Наблюдавшие до сих пор из окон это кошмарное явление бросились к телефонам, у кого они имелись в квартирах в исправном виде. Последовала серия лихорадочных звонков в милицию, пожарную часть, санэпидстанцию и горисполком. Объяснения звонивших звучали столь сбивчиво и неправдоподобно нелепо, что на другом конце вешали трубки, не дослушав, уверенные, что имеют дело с душевнобольными. Но телефоны продолжали надрываться, разные голоса требовали срочных мер, ещё бы, из-за этой мерзости нельзя нос высунуть из дома, а скоро дети начнут возвращаться из школы... Звонки достигли высших инстанций и отрекошетили оттуда вниз с указанием разобраться и навести порядок, устранив источник безобразия.

Тем временем на сцене появилось новое действующее лицо. Сёма Махалкин по кличке Столяр, гражданин неопределённого возраста, без определённых занятий, небритая личность с кирпично-синеватым отливом щёк и носа, одно воспоминание о котором вызывало долго не проходящую зубную боль у участкового милиционера Старальникова. Сёма, не глядя по сторонам, целеустремлённо двигался от угла ближайшей крупнопанельной коробки с затёртым до неузнаваемости чёрно-серым изображением артиста Боярского на холщовом мешке маскировочного цвета. Мелкие торопливые шаги сопровождало стеклянное позвякивание его содержимого. Под этот аккомпанемент Сёма пытался исполнять потихоньку любимую песню: "Пора-пора-порадуемся...", из которой так и не смог запомнить больше двух-трёх строк припева вследствие алкогольного размыва памяти. Так, во всяком случае, ему объяснили заслуживающие доверия медики на последнем цикле принудительного лечения.

В то время как общество усиливало борьбу с позорным явлением, Махалкин-Столяр тоже проходил своеобразную перестройку: с исчезновением бормотухи он переключился на дешёвые сорта одеколона и средства от потения, затем на клей БФ-6, по мере того как и эти продукты химических предприятий переходили в разряд дефицитов, он изыскивал новые и новые источники для балдёжа. Да и кличку “Столяр” он получил именно за употребление внутрь политуры, стеклоочистителей и прочих изделий лакокрасочной промышленности. Правда, с недавнего времени стеклоочиститель начал попадаться какой-то безалкогольный, а в одеколоне, как радостно сообщили соседи, по телеку обещали добавить рвотный порошок, но у Стояра были свои кореша среди грузчиков хозяйственного магазина, где он проработал как-то по настоянию участкового Старальникова целый месяц. Так что Сёма по-прежнему находился в курсе всех завозимых новинок столярного дела и бытовой химии. Вот и сейчас он спешил сдать до открытия хозмага с потом собранные накануне бутылки из-под лимонада и кефира. В приёмном пункте стеклотары Столяр тоже успел поработать по ходатайству того же неугомонного Старальникова, и хотя не оправдал возложенных на него ожиданий, зато не испытывал теперь проблем со сдачей посуды. Кратчайший путь туда пролегал, увы, мимо мусорных ящиков, где безраздельно шуровала теперь неведомо откуда появившаяся Муха.

Беспечный Столяр слишком поздно заметил опасную аномалию, он затормозил на полусогнутых, оборвав звон аккомпанемента и любимую песню на словах “мерси, боку!”. Причём последнее восклицание прозвучало на этот раз как-то неуверенно и даже двусмысленно. Некоторое время он ошеломлённо рассматривал деловито снующее по отбросам исполнинское насекомое, не делая даже попытки протереть глаза. Неведомое животное, увлечённое поиском, казалось, не обращало ни малейшего внимания на застывшего в опасной близости гражданина Махалкина.

— Вот те на! Плюки покатили... — сказал он наконец после мучительного раздумья. — Зелёная муха! А здоровая-то, здоровая, задави меня вагон!..

Неизвестно, сколько бы он ещё раздумывал о таинственных превращениях продуктов отечественной химии в его организме и путях их воздействия на мозг, но Муха вывела его из тревожных сомнений, угрожая двинувшись навстречу.

Столяр от природы не был трусом, а уж тем более дураком. И хотя критичное отношение к окружающему у него временами совершенно отсутствовало, сейчас он трезво рассудил, что не успеет убежать от ожившего кошмара. Виденные им в детстве героические фильмы придали решимости, он выхватил из сумы пустую молочную бутылку и с криком: “Ййээххх!” пустил её точно в голову чудищу. На какой-то миг он ощутил себя смельчаком, пытающимся в одиночку подбить фашистский танк.

Со стороны зрелище получалось трагическое — этакий маленький затрапезного вида бесстрашный воитель против зелёновато-блестящего Голиафа-Мухи. Тревожно загудели, замелькали в воздухе пластины крыльев, Муха отпрыгнула в сторону, избегая встречи с плохо мытой

посудиной. Бутылка упала и разбилась на мелкие осколки, звон этот явно не понравился страшилищу.

А Махалкин запустил в неё уже пустой лимонадной гранатой. Заметив смятение противника, он хрипло возопил для самоободрения слова другой песни своего жизнерадостного репертуара: “Любо, братцы, любо, любо, братцы, жить!” и заработал со скоростью реактивного миномёта. Муха только успевала менять позицию, но кое-что перепало и ей. После того, как Столяр израсходовал боекомплект, он всё же пустился наутёк. Странно, но Муха не пыталась преследовать и спокойно вернулась к облюбованным мусорникам. Это дало возможность Сёме благополучно скрыться в подъезде ближайшей коробки. Там он перевёл дух, не веря ещё в счастливое избавление и не в силах унять дрожь в коленях, присел на ступеньки лестницы. Трясущимися руками автоматически извлёк из кармана надорванную пачку сигарет “Прима”, известных в народе как “Привет с кладбища”, но долго ещё не смог попасть спичкой по наклеенной на коробок полоске серы.

Следующей жертвой Мухи едва не стал слишком любознательный пенсионер Печёнкин, гордо несущий плоскую пластину говяжьих рёбер из кооперативного магазина. И хотя были они совсем не первой свежести, и Печёнкин слышал, что некоторые остряки называют подобный вид продукции “балалайкой”, но справедливо приписывал то зависти к счастливым обладателям. Сегодня таковым стал он сам, и ничто, казалось, не могло омрачить его радужного настроения в столь тихое расчудесное утро.

Подвела его и на этот раз неуёмная любознательность, критический склад ума, не дававший ему спокойно пройти мимо выходящих за рамки правил и здравого смысла событий. Именно эта болезненная любознательность и заставила его свернуть с асфальтированной дорожки по запылённой целине к поверженным Мухой ящикам, чтобы непосредственно вблизи рассмотреть учинённое безобразие. Но, по-видимому, испускаемый “балалайкой” Печёнкина душок оказался невыносимо притягательным для тонкого обоняния Мухи, она не стала дожидаться приближения пенсионера, сама нетерпеливо двинулась к нему на всех своих шести полусогнутых мохнатых лапах.

При виде надвигающейся угрозы здравый смысл и богатый жизненный опыт пенсионера всё же сработали, а может, возобладало опасение за добытое сегодняшним утром, но словно что-то щёлкнуло в начинённой атеросклерозом голове Печёнкина. Он вмиг правильно оценил обстановку, повернулся и резво припустил к ближайшему подъезду, любовно прижимая к груди вожаделенные говяжьи рёбра. Нет, он решительно не собирался уступать их первой попавшейся нечисти.

Муха поняла, что может упустить лакомый кусочек, и сделала рывок. Печёнкин уже достиг спасительной двери, когда ощутил позади леденящее душу дуновение ветра, и что-то большое и мохнатое больно схватило его пониже спины, швырнуло вперёд, одновременно вырывая из рук кооперативную добычу.

Но дверь сама по себе чудесным образом распахнулась навстречу, и теряющий от ужаса сознание Печёнкин рухнул в подъезд на заботливо подставленные руки Столяра. Тугая пружина захлопнула дверь, оставив Муху с носом. Обследовав занимаемую по вечерам старушками

деревянную лавочку, она с задумчивым жужжанием вернулась к разгребанию кучи.

— Держись, папаша! — сказал Махалкин, прислоня ослабевшего пенсионера к стенке.

— Чтттто этттто тттакое? — спросил посиневшими прыгающими губами приходящий в себя Печёнкин, и, глядя на него, Сёма в который раз пожалел, что не успел обернуться до хозмага.

— Непознанное явление природы. Вермутский треугольник, задави меня вагон, — доверительно и без тени сомнения поделился он вслух. Его ответ сделал бы честь любому научному работнику, окажись тот в этот момент на месте Столяра.

При иных обстоятельствах всякое общение между столь несхожими типами было бы невозможно, но вовремя распахнутая дверь подъезда распахнула что-то и в сознании Печёнкина. Этот душевный диалог объединённых недавним спасением от неведомой угрозы одиноких испуганных людей прервался, однако, близким воем сирены.

Первой на место происшествия прибыла красная пожарная машина со сложенной на крыше лестницей. Едва пожарные в брезентовых робах вылезли из кабины, как Муха угрожающе поднялась в воздух и зависла над новым объектом подобно боевому вертолёту.

Члены дружины, а вместе с ними и нерадивый подросток Лазейкин, притаившийся переполненное мусорное ведро, укрылись в кабине пожарки. Про себя Лазейкин поклялся при этом, что перестанет пропускать утренние занятия в техническом училище, постарается бросить курить, а мусор будет своевременно выносить по вечерам, как неоднократно просили измученные его воспитанием родители.

Следующей прикатила канареечная милицейская с включённой синей мигалкой, испуская на всякий случай устрашающе-пронзительный вой. Почти одновременно, завывая в другой тональности, подъехал медицинский “рафик”. Вместо того чтобы испугаться, вконец распоясавшаяся Муха спикировала на розовый фургончик, видно, изображение красного креста не понравилось ей больше прочего, а может, всколыхнулась наследственная память о многочисленных травлях предков, свершавшихся под этой зловещей эмблемой. Как бы то ни было, но одним касанием могучих лап Муха слегка приподняла и опрокинула машину набок. Звонко брызнули стёкла, но никто из находившихся внутри серьёзно не пострадал.

Увидев подобную агрессивность, пожарные отважно высыпали из кабины, оставив там одного подростка Лазейкина, и, быстро, как на учениях, развернув брандспойт, попытались сбить висящую Муху мощной струёй воды. Тварь ловко уклонилась и вернулась к мусору, но струя, злобно и непримиримо шипя на выходе из кишки, настигла её и там, не дав закончить прерванный завтрак.

Всё же без малейшего для себя урона она снова поднялась вверх и, затравленно жужжа, повисла вне досягаемости пожарных. Тут уже в дело вступила милиция, раздались хлопки пистолетных выстрелов, эхо заматалось между стен жилых коробок и вспугнуло с крыши стаю синих голубей. Пули не причинили Мухе видимого вреда, но то ли она испугалась пальбы, то ли не понравилось хлопанье множества голубиных крыл. Насекомое как бы нехотя поднялось выше пятиэтажек, выше

зелёных тополиных ветвей и, металлически поблёскивая в лучах солнца, со зловещим гудением улетело в северо-западном направлении, ориентируясь по вонючей целлюлозно-картонной комбината.

За минувшие сутки на столе председателя горисполкома скопилось увесистая стопка машинописных листов, то были сигналы о бесчинствах Мухи в различных районах города. А сколько раз звонил телефон! На другое не оставалось времени. Спрашивали из обкома партии, из облисполкома, не сегодня-завтра последуют вопросы из столицы. Того и гляди, западные голоса узнают и поднимут трезвон. Было от чего разболеться голове.

Лицо председателя утратило обычное внушительное выражение не терпящего пререкательств со стороны подчинённых и выражало лишь растерянность и усталость. Надо же было такому случиться именно у них, да ещё незадолго до перевыборов! Отец города нервничал, бессонная ночь ушла на выслушивание докладов из отделов внутренних дел, нахлобучек сверху, невесёлых раздумий о собственной карьере.

Председатель представлял собой работника старой закваски, он помнил ещё шумиху вокруг пресловутого колорадского жука. А может, и это новое, как снег на голову, свалившееся непонятное существо с явно антиобщественным экстремистским поведением — не что иное, как дальнейшие происки империалистических подрывных центров, порождение военно-промышленных комплексов Запада, далеко идущая биодиверсия? До сих пор не прояснилось, единственным ли экземпляром появилась особь, или их действовало несколько? Из сельских районов сообщали о хищении чудищем крупного рогатого скота, с отдалённой рыбацкой тони пришла весть о его нападении на только что доставленный улов. Не попытаются ли некоторые воспользоваться моментом, чтобы списать на чудище собственную нерадивость, а то и погреть под шумок руки? Неизвестный ползающе-летающий объект, хотя и единодушно опознанный всеми наблюдателями как Муха, слишком неподобающе огромными размерами явно не подходил под все привычные определения. Председателю предлагали уже десятки проектов поимки Мухи один фантастичнее и нелепее другого. От громадной сети, сбрасываемой с вертолёта, до гигантских липучек, размещаемых на свалках и у мусорных ящиков. Предлагали даже обратиться к командованию округа с просьбой выделить подразделение ракетных установок “земля-воздух”.

С наступлением темноты поток сигналов о передвижении Мухи иссяк. Если сегодня с рассветом она не исчезнет как кошмарное воспоминание, всерьёз встанет вопрос о безопасности передвижения по улицам города, о закрытии ясель, детских садов, школ, о мобилизации населения на борьбу с Мухой. Председатель назначил экстренное совещание на ранний час и, томясь неизвестностью, мерил шагами по кабинету долгие предрассветные минуты.

Утром новых сообщений в дополнение ко вчерашнему так и не поступило. Не было их и за день, Муха словно исчезла, снова растворилась в небытии, в котором и пребывала до своего громкого появления. Председатель успокоился и занялся прочими делами, но нет-нет, мысли его возвращались к пропавшему чудовищу. Тревога не отпускала, может, оно лишь затаилось, копит силы для новых безобразий, а может,

собирает себе подобных? Где-то же сохранялись благоприятные условия для выведения этакой нечисти...

Два дня спустя после внезапного исчезновения Муха случайно обнаружилась в тридцати километрах севернее города.

Её нашли в зарослях камыша по золотисто-зелёному блеску брюха, опрокинутая на спину туша напоминала сбитый вертолёт. Хотя вздетые кверху вместо шасси мохнатые лапы ещё судорожно подёргивались, выпуклые глазища были уже мертвенно неподвижны. Достоверно установили, что раненная пулями Муха напилась из сообщающегося с рекой водоёма неподалёку от серо-добывающего комплекса. От этого или по другой причине, но она своевременно и к удовольствию многих сдохла, разрешив разом порождённые своим появлением проблемы. Другие экземпляры так и не объявились.

При горисполкоме создали комиссию для расследования происшедшего и предотвращения подобного в будущем. Но ещё задолго до получения окончательных выводов все возможные источники, откуда могла появиться Муха, всякие открыто протухающие отстойники с полями азрации, орошения, ассенизации, загородные свалки и прочие подозрительные клоаки на территории области были залиты сильнодействующими ядохимикатами. О возможных отдалённых последствиях сейчас старались не думать. Главное — с Мухой покончили раз и навсегда, о чём и было немедленно отрапортовано в столицу, население успокоилось.

Только благообразные, богомольного вида старушки на лавочках продолжали вполголоса поминать Муху, убеждённо проповедуя, будто она ниспослана предупреждением свыше за грехи человеческие, за вызывающий внешний вид и аморальное поведение молодёжи, за свержение авторитетов, за аборт и прочие надругательства над матушкой-природой.

г. Астрахань.

Андрей ЛОПАТИН

Í âî áû ě î ââ í àÿ   î î âçäèà

Рассказ

Петру Ивановичу недавно пришлось ехать поездом. Пришлось – по той причине, что его незаменимый «Жигулёнок», который верно служил много лет, вдруг остановился на долгий ремонт. Дело в том, что надобности в этих поездках не было: все близкие родственники живут рядом, в нескольких часах езды на машине, а прогулки в дальние края он никогда не планировал.

Путь предстоял к близкому родственнику по срочному, неотложному делу. Сразу после работы Пётр Иванович отправился на вокзал за билетом. Так как дело было летом, то первое, что он увидел, это длинные очереди возле касс. Не имея опыта, он пристроился к самой на его взгляд малочисленной и, простояв часика три, получил из окошечка такой вердикт:

– Билетов на сегодня нет!

– Но мне ехать нужно, срочно! – взмолился Пётр Иванович.

– Есть на завтра! В общий мест нет, только в плацкартный. Будете брать?

– Но мне ехать-то всего четыре часа! – возмутился Пётр Иванович, потому что человек он был наивный и простодушный.

– Не задерживайте очередь! – угрожающе послышалось со всех сторон.

– Эх, ядрёный корень, давайте плацкартный! – в сердцах произнёс Пётр Иванович и через минуту держал в руке драгоценный билет.

На следующий день он стоял уже на перроне в ожидании посадки. «Да... – размышлял он. – Сколько же я лет не ездил? Лет пятнадцать? А прокатиться хочется, как ребёнку...».

Вскоре объявили посадку, и Пётр Иванович вошёл в вагон. «Вроде бы всё то же самое... Ничего нового...» – так думал он, когда присел на своё место в купе.

Поезд дёрнулся, и за окном поплыли огни вечернего вокзала. Ехать предстояло ночью, но спать Пётр Иванович не собирался и для этого взял с собою газету с кроссвордом. Как только он достал ручку и приготовился отгадывать, в купе вошли две проводницы для повторной проверки билетов и документов.

Проводницы обошли весь вагон и удалились к себе. Но не прошло и пяти минут, как проводницы появились вновь. Одна катила полную тележку с разными напитками и соками в пакетах, другая шла впереди с бутылками в руках и приговаривала:

– Налетаем, покупаем, соки натуральные, первого отжима, без холестерина! Газированная вода, целебная, освящённая и заговорённая от всех болезней!

«Ух, ты! – удивился Пётр Иванович. – Как расписывают! Пожалуй, одну бутылочку от всех болезней надо купить!».

Корзинка в тележке проводницы опустела быстрее, чем докатилась до середины вагона. Но унывать остальным пассажирам не пришлось: вслед за первой тележкой появилась и вторая.

«Вот это сервис! – восхищался Пётр Иванович. – Не то, что раньше...».

Закатив пустые тележки, минут через пять проводницы выкатили их с новым товаром. На этот раз в них были разные журналы, брошюры, газеты, книжки.

Когда тележка остановилась около Петра Ивановича, бойкая проводница лучезарно улыбнулась, хлопнула ресницами-веерами и сказала:

– Купите журнал! Скидка 30 процентов! Только для пассажиров нашего вагона. Тем, кто купит два – кроссворды в подарок. Бесплатно!

«Всё-таки я немного ошибался, что всё по-прежнему. Кое-что изменилось...» – думал Пётр Иванович, и когда тележка отъехала, одну мысль он даже сказал вслух:

– Какое внимание к пассажирам!

Мужчина, который сидел напротив, удивился.

– Вы, наверное, давно не ездили в поезде?

– Да. А как вы догадались?

– Ну, это несложно... – загадочно ответил мужчина и добавил: – Это внимание только начинается. Дальше программа будет ещё насыщенная.

Действительно, мужчина оказался «сведущим». Немного погодя проводницы выкатили на тележках комплекты постельного белья.

– Налетаем, покупаем! Бельё сухое, глаженное, с ароматной пропиткой из чудодейственных трав, с сонным эффектом! А вы почему не берёте? – уже с недоумением обратилась проводница к женщине на боковом сиденье, той самой, что купила журналы.

– Мне ехать всего четыре часа, – оправдывалась женщина.

– Не забывайте! – требовательным и повелительным голосом сказала проводница. – Всего пятьдесят рублей! А наволочка в придачу – бесплатно!

Женщина даже открыла рот.

– Всего пятьдесят? И наволочка бесплатно? И с ароматом трав?

– Для вас мы готовы сделать персональную скидку! Матрас и тёплое покрывало в придачу – тоже бесплатно!

Женщине деваться теперь было некуда, и она полезла за кошельком.

Пётр Иванович вспомнил старые времена... Он вспомнил, как приходилось пассажирам выстаивать очереди у купе проводников за сырными и порой замызганными, как в больнице, простынями. И бывало даже – на всех не хватало. «Но как хорошо преподносят! – восхищался Пётр Иванович, думая о сегодняшних проводниках. – Отказаться просто невозможно!».

– Сегодня они проходят специальные курсы, – словно услышав его мысли, сказал «сведущий» мужчина, – у меня жена тоже работает проводником. Теперь и у них строгий отбор и подготовка. Скажу вам по секрету: недавно им по своим каналам спустили от руководства РЖД новые требования: 90-60-90! Моя жена, чтобы не уволили, пойдёт ставить искусственный грудной имплантант. По габаритам она не вписывается в распоряжение. У неё: 60-90-60! Ещё на диете сидит. А всё остальное свободное время крутит обруч. Ничего не поделаешь – распоряжение начальства!

Далее проводницы предложили чай. В купе никто не отказался. Подумаешь, десять рублей! В наше время копейки...

Но как только все пригубили стаканы, сразу появились тележки. С новым содержимым. Теперь в них было всё, что только можно придумать к чаю: печенье, рулеты, тортики, чипсы, шоколад и т.д. и т.д. Пить чай как воду без всего, по мнению проводников, считается дурным тоном. Это сразу почувствовал на себе каждый пассажир, когда увидел весь предлагаемый ассортимент. Некоторым даже стало стыдно смотреть друг другу в глаза. Никому не хотелось показаться невоспитанным, и... торговля пошла бойко!

У Петра Ивановича появилось лёгкое беспокойство. Он задумался над тем, останутся ли пассажиры с деньгами, когда приедут домой? Он думал совершенно искренно, но, между тем, сам купил себе маленькую шоколадку, чтобы не отставать от других. Шоколад он терпеть не мог, но всё другое было дороже.

Но проводницы, оказалось, так сильно любили своих пассажиров, что даже на минуту не могли оставить их на произвол судьбы. Появилась тележка с разными игрушками. Для тех незадачливых пассажиров, у которых имелись дети, это было тяжёлым испытанием. Многие его не выдержали и, завидев приближающуюся опасность, срочно повели детей в туалет. Но проводницы своё дело знали хорошо, поэтому нераспроданную тележку укатывать не спешили. Они поставили её посередине вагона, а сами сели рядом, в засаду. Противостояние закончилось в пользу проводниц.

Потом были ещё тележки, с другим содержимым. Их было много...

А в купе, где сидел Пётр Иванович, по этому поводу затеялся «философский» разговор.

– Как быстро всё меняется в нашей жизни! – рассуждал наивный Пётр Иванович. – Я вот поездом не ездил давно, но теперь вижу, насколько всё изменилось на РЖД. А делается это всё во имя человека, для его нужд и желаний.

– Во имя его кошелька! – поправил полный мужчина, сидевший у окна. – Борьба за пассажира, в переводе – борьба за его кошелёк. Сегодня везде и во всём так.

– Верно, – сказал пожилой мужчина, который сидел тоже у окна, рядом с Петром Ивановичем, – теперь человек на человека смотрит как на товар. Мы хоть и жили в своё время небогато, но тогда человек человеку, как говорится, был друг и товарищ.

– Да разве раньше с вами продавцы по-человечески разговаривали? – не соглашался «сведущий» мужчина. – Везде было безразличие. А ещё так ответят, что другой раз заходить не захочешь. А теперь всюду к тебе внимание. Пусть притворное, но всё равно приятно!

Разговор опять прервали проводницы. На этот раз, видимо, распродав всё, что было заготовлено, они ходили по вагону без тележек и просто спрашивали:

– Чего желаете, дорогие пассажиры? Может, кто ещё чего хочет?

– Ну это уже слишком! – удивился даже Пётр Иванович, выпучив глаза. Такого он не ожидал.

– А что вы хотите?! Работа! – сказал «сведущий» мужчина. – Я вам по секрету скажу: недавно им по своим каналам была спущена ещё одна секретная инструкция от руководства РЖД. Гласит она так: «Желание пассажира – закон для проводника!». Предписано строго всем выполнять.

– Ладно, проверим, когда подойдут, – сказал полный мужчина.

Долго ждать не пришлось.

– Что желаете, дорогие пассажиры?

– Музыку хочу! – сказал полный мужчина. – А то что-то скучно у вас.

– А денег на музыку хватит? – шутливо сказала одна из проводниц и рассмеялась.

– Хватит!

– Ну что ж... – почти в голос сказали проводницы и удалились.

Какое же удивление было на лицах всех пассажиров, когда они вернулись с баяном и балалайкой! Проводницы присели рядом с полным мужчиной, а на стол поставили бумажную коробочку.

– Ну что, Валя, начнём?

– Давай, Света!

И грянули в два голоса. И песня полилась:

– Медленно минуты уплывают вдаль, встречи с ними ты уже не жди. И хотя нам прошлое немного жаль, лучшее, конечно, впереди.

Это не могло оставить безучастным никого. Все пассажиры, которые сидели рядом, хором поддерживали припев.

В других купе тоже откликнулись, и со второго куплета запел уже весь вагон. А коробочка постепенно наполнялась. Потом пошли заказы. Кто-то попросил спеть «Таганку», кто-то «Владимирский централ», кто-то «Светку Соколову», а кто-то даже заказал знаменитый хит «Шоу маст гоу он» группы Квин. И что вы думаете? Девчонки и здесь не спасовали! Спели так, что будь здоров!

Валя и Света, закончив очередную песню, вдруг увидели, что их коробочка слишком полна, чтобы можно было положить в неё что-то ещё. Здесь они решили сделать антракт и удалились.

Но через пять минут они вернулись и, рассказывая по вагону, повторили уже знакомые слова:

– Чего желаете, дорогие пассажиры? Может, кто ещё чего хочет?

– Нет, они не отстанут! – сказал «сведущий» мужчина.

– Тогда я хочу, я хочу... – начал полный мужчина и, дождавшись, когда они подойдут ближе, громко сказал: – Я хочу стриптиз!

Все пассажиры рядом даже ахнули.

– В исполнении Вали или меня? – нисколько не смутившись, спросила Света и засмеялась, словно пошутила.

– Обоих!

– А денег на обоих хватит? – засмеялась уже Валя.

– Хватит!

– Ну что ж... – загадочно в голос сказали проводницы и удалились к себе. Видимо, на планёрку.

Эти минуты, пока их не было, впервые длились, как вечность. Разыгрывают? Неужели такое возможно? Напряжение росло и достигло своего предела в тот момент, когда дверь купе проводниц приоткрылась. Многие взрослые на всякий случай спрятали детей подальше, к окну.

Наконец, Валя и Света появились. Они вышли в халатиках, у одной в руке был шест у другой магнитофон. Где они успели найти шест, так и останется в истории навсегда загадкой. А проводницы юркнули в купе и, скинув с себя халатики, бросили их полному мужчине на грудь. Раздались возгласы восхищения, плавно перешедшие в комплименты. Посмотреть на это зрелище собрались и другие мужчины – все, кто был свободен от жён. Пётр Иванович немного смутился, даже прикрыл глаза, но потом решил не перечить судьбе.

В магнитофоне зазвучал знаменитый хит Сем Браун, и представление началось. Для развлечения публики сначала проводницы делали разные стойки и фигуры, как во времена социалистической индустриализации. Потом они по очереди ложились спиной на столик и, делая недвусмысленные движения под музыку, поднимали ноги до верхних полок. Затем они освоили шест. И что только ни делали с ним! То сидели верхом, изображая кавалеристов, то клали шест поперёк верхних полок и как на турнике, так же по очереди, выполняли гимнастические упражнения. Попросив мужчин забраться на вторые полки, чтобы придерживать шест вертикально, они показали «классику жанра». Всё это сопровождалось охами и вздохами. Когда полный мужчина созрел, выдавая себя красными щеками, Валя залезла к нему на колени и обвила руки вокруг его шеи. От такого натиска у мужчины участилось дыхание, он расчувствовался и полез в карман за кошельком. Но когда он раскрыл его, выискивая подходящую купюру, Валя пригрозила пальчиком, призывая таким жестом к совести и предупреждая о непростительной скупости.

– Я сама! – вдруг сказала Валя и забрала кошелёк. Но, забрав только бумажные деньги, кошелёк с мелочью она всё-таки вернула владельцу, подчеркнув своё благородство.

– У нас, дорогой пассажир, мелочиться не принято! – сказала она, вставая с его коленей.

– А сдачу? – взмолился полный мужчина, и краска исчезла с его щёк.

– Сдачу?... – переспросила Валя с недоумением. Быстрым движением она тут же расстегнула лифчик и, сделав из пальцев рогатку, выстрелила ему прямо в лицо. – А это на сдачу!

Но и у Светы дела шли не хуже. Вокруг её бёдер вся резинка в стрингах уже напоминала патронташ из скрученных купюр. Напршивался антракт.

Мужчины были без ума и вслед уходящим проводницам бурно аплодировали. Чего нельзя было сказать о женщинах. На их лицах поселился хмурый оттенок, а одна бабуля, которая сидела недалеко от купе событий, даже сказала так:

– Безобразие! Буду жаловаться!

Сказала это она специально громко – так, чтобы было слышно проводницам. Переодевшись обратно в форму, одна из них – Валя – вышла в коридор и спросила:

– Кто сказал «буду жаловаться»?

– Я сказала! – возмущалась бабушка. – Мужчин, значит, убажаете, а про нас, женщин, совсем позабыли!

Многие женщины поддержали её:

– Действительно! А мы что, не люди? Мы тоже хотим! Мы тоже хотим стриптиз! Мужской стриптиз!

Валя на минуту задумалась, но потом лицо её просветлело, и она засмеялась.

– А денег у вас хватит?

– У нас? Хватит! Мы не беднее мужчин!

– Ну что ж... – загадочно сказала Валя и удалилась в другой вагон. Вернувшись обратно, она

только бросила короткое: – Ждите!

И все стали ждать. Даже мужчины. Заботливые родители срочно стали укладывать детей спать.

И вот неожиданно сверкнула молния, раздался гром, и двери из тамбура открылись. На пороге появился мужчина в халате. Кроме халата на нём были усы, носки и пляжные шлёпанцы. Незвестный мачо в руках держал какую-то книгу.

– А это ещё кто? – удивлённо спросил Пётр Иванович.

– А, это?.. Это Николай Кузьмич, бригадир поезда, – ответил «сведущий» мужчина. – Он давно уже практикует. Только вот стринги, в силу своего возраста, ещё не может освоить.

– Кто заказывал? – громко спросил мужчина в дверях.

– Мы! – хором ответили женские голоса из соседнего купе.

Взглянули в коридор и проводницы. Забрав у мужчины книгу, взамен они вручили ему шест, магнитофон, и он двинулся в купе по указанному адресу. Как только заиграла музыка – теперь это было знаменитое танго Гарри Мура – мужчина сбросил халат. Визг поднялся невообразимый. Сам стриптизёр был довольно худосочного телосложения и вряд ли мог вызвать такую бурную реакцию у женщин; скорее всего, их поразил коронный, фирменный атрибут стриптизёра – широкие трусы с изображением локомотива и эмблемой РЖД. Всё просто обалдели. Вокруг купе быстро собралась толпа из женщин, свободных от мужей, и – представление началось.

Визг удовольствия не смолкал ни на секунду.

– А пощекотать усами не слабо? – спрашивала одна хохотушка.

– А куда ему деньги-то совать? – спрашивала другая. – Из трусов выпадают!

– В носки, в носки заворачивайте! – отвечала третья.

– А пощупать можно? – осмелела четвёртая.

– Какой Тарзанчик! – восхищалась пятая.

«Самое интересное, что это всё, как в порядке вещей. Наверное, люди ездят часто и давно привыкли, – размышлял Пётр Иванович. – Нет, надо сходить в тамбур покурить, развяться!».

В тамбуре было прохладно, и это немного освежило Петра Ивановича. Он вытащил сигарету и прикурил. «А что же тогда в других вагонах делается? Неужели везде так? Интересно... Интересно!».

Он так и не докурил свою «Приму», решил проверить. Открыв дверь следующего вагона, Пётр Иванович застыл в изумлении. Посередине коридора стояли два человека в костюме Деда Мороза и Снегурочки и, играя на игрушечном баяне, пели пассажирам песню. Пётр Иванович всё понял...

Возвращаясь в свой вагон, он встретился в тамбуре со стриптизёром, который отработал номер и тоже возвращался к себе. Они на секунду остановились друг перед другом, пытаются разойтись, но Пётр Иванович воспользовался этим моментом и сказал то, что считал своим долгом:

– Извините, но... вам-то, в вашем-то возрасте, каково это всё? Разве это можно?

Мужчина застыл, задумался. Потом вздохнул и ответил:

– Надеюсь, вы меня поймёте... Вы тоже пожилой человек... После каждой поездки мы сдаём отчёт о проделанной работе. Если я откажусь, то мои коллеги обязательно доложат начальству. Такие у нас порядки...

При этих словах в его глазах появилась какая-то грустинка, которую Пётр Иванович, конечно, не мог не заметить.

– У меня пятеро детей и жена пенсионерка... – добавил пожилой мужчина. – Такие сейчас времена, приходится подстраиваться под эту «весёлую» жизнь...

Войдя в свой вагон, Пётр Иванович увидел, что народ возбуждён и спать не собирался. Не успел он сесть, как увидел Свету с книгой в руках. Это была служебная книга «жалоб и предложений», которую принёс и оставил бригадир. С ней она шла по вагону и говорила:

– А теперь, дорогие пассажиры, мы просим оставить свои отзывы и пожелания.

– Давайте сюда, сейчас настрочим!

Актив вагона образовался быстро. Через минуту это собрание напоминало картину Репина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану».

Первой свою благодарственную запись оставила та самая «недовольная» бабуля. Стриптизёр произвёл на неё впечатление... Все без исключения просили от руководства поощрений.

Но и на этом программа не закончилась. Валя и Света, одним только им известным чутьём и опытом, подозревали, что у некоторых пассажиров ещё водятся деньги. Они работали не первый день и обстановку могли знать даже с закрытыми глазами. Поэтому были организованы новые мероприятия. Однако Петру Ивановичу не суждено было наблюдать или участвовать в них – поезд остановился. Это была его станция. Поблагодарив проводниц за забываемую поездку, он вышел на перрон.

Он долго стоял около вагона и почему-то не решался идти. Стоял до тех пор, пока поезд не тронулся и мимо его не проехал последний вагон. «Вот, значит, откуда такие очереди около касс и почему нет билетов... А может быть, увиденное мне показалось?.. А может, сегодня я побывал в недалёком будущем?..» – задумчиво пробурчал Пётр Иванович вслед мерцающим огням поезда.

г. Чита.

Адрес редакции: Республика Казахстан, 010000,
г. Астана, пр. Победы, 56 (112), кв. 13.

Телефон/факс: (7172) 39-38-06.

Телефон корпункта в Алматы 8-701-337-45-55.

Сайт: www.niva-kz.narod.ru

www.niva.ucoz.kz

E-mail: gundarev@hotmail.com

Редакция знакомится с письмами читателей, как правило,
не вступая в переписку.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность
за подбор и точность приведённых фактов, цитат,
экономико-статистических данных, имён собственных
и прочих сведений.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Рукописи в редакцию направляются на дисках
или CD-дисках и распечатанные на белой бумаге.

Web-редактор **Л. Б. Мананникова.**

Корректор **Ю. В. Богданова.**

Набор и вёрстка **Е. В. Дмитриевой.**

Технический редактор **В. А. Богданов.**

Собственник:

ТОО «Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Журнал основан В. Р. Гундаревым
и впервые зарегистрирован 12.12.1990 г.
Первый номер вышел 17.04.1991 г.

Свидетельство о переучёте № 3518-Ж.

Выдано Министерством культуры, информации и общественного
согласия Республики Казахстан 27.01.2003 г.

Сдано в набор 04.07.2011 г.

Подписано к печати 15.08.2011 г. Формат 70 x 100 1/16.

Уч.- изд. л. 20, 00. Тираж 1000. Цена свободная.

Заказ № 4001.

Номер набран и сверстан в ТОО

«Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».
